

СиБУПК

Сибирский университет
потребительской кооперации

МОЛОДЕЖНАЯ НАУКА

Сборник научных работ обучающихся
Сибирского университета потребительской
кооперации (СиБУПК)
по итогам 2025-2026 года

Новосибирск 2026

Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования
Центросоюза Российской Федерации
СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ (СибУПК)

МОЛОДЕЖНАЯ НАУКА

*Сборник научных работ обучающихся
Сибирского университета потребительской кооперации
(СибУПК)
по итогам 2025/26 учебного года*

Новосибирск 2026

**УДК 001
ББК 72
М754**

М754 Молодежная наука: сборник научных работ обучающихся Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК) по итогам 2025/26 учебного года [под ред. Э. А. Новосёловой]; АНОО ВО Центрсоюза РФ «СибУПК». — Новосибирск, 2026. — 254 с.

ISBN 978-5-334-00372-9

Настоящий сборник представляет результаты научно-исследовательской деятельности обучающихся Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК) по итогам 2025/26 учебного года. В издание включены статьи, охватывающие широкий спектр актуальных проблем современной науки и практики. Авторы рассматривают вопросы оценки стоимости компаний методами машинного обучения, управление неопределенностью и адаптацию бизнес-моделей, правовое регулирование цифровых финансовых активов, квалификацию преступлений против собственности, психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения, применение искусственного интеллекта в образовании и правоохранительной деятельности, проблемы аудита, внутреннего контроля и финансового планирования.

Материалы могут быть использованы в учебном процессе, при подготовке научных работ, в исследовательской деятельности и в практике управления организациями.

**УДК 001
ББК 72**

Сборник рекомендован к изданию советом по науке Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), протокол от 24 сентября 2026 г. № 1.

ISBN 978-5-334-00372-9

© Сибирский университет
потребительской кооперации
(СибУПК), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агаджанян Д.</i> Оценка стоимости компании с позиции методов машинного обучения	7
<i>Агаева З. А.</i> Проверка показаний на месте	11
<i>Албаева В. Ю., Сойма К. В.</i> Управление неопределенностью через адаптацию бизнес-модели организации	17
<i>Базаркина В. В.</i> Проблемы правового регулирования применения смарт-контрактов в корпоративном управлении	21
<i>Батяева С. А.</i> К вопросу диалектики идеологии социализма, национализма и либерализма	26
<i>Белова В. С.</i> Современный инструментарий управления проектными командами: от теории гибкости к практике эффективности	30
<i>Бородич А. А., Лапина П.</i> О некоторых особенностях правового регулирования цифрового рубля	34
<i>Власенко А. И.</i> Трансформация регулирования рисков кредитных организаций в 2025 году: анализ изменений Банка России	39
<i>Герман О. В.</i> Учёт и анализ финансово-хозяйственной деятельности образовательной организации коммерческого типа: расширенная система показателей	44
<i>Донгак А. Х.</i> Теоретические подходы к проблеме формирования коммуникативных навыков будущих IT-специалистов	49
<i>Евсеева К. В.</i> Отношение современной молодёжи к косплей-культуре	52
<i>Журавлёв Ю. Г.</i> Методы прогнозирования финансовых результатов: сравнительный анализ	57
<i>Кабакова С. М.</i> Ценностные установки современной молодежи: между прагматизмом и поиском смысла	63
<i>Калиев А. А.</i> Проблемы квалификации вымогательства в современном уголовном праве Российской Федерации	67
<i>Калиева А. К.</i> Проблемы квалификации мошенничества в современном уголовном праве Российской Федерации	71
<i>Киреева М. К.</i> Актуальные аспекты психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков	74
<i>Коваленко К. А.</i> Интеграция технологий искусственного интеллекта в систему компетентностно-ориентированного обучения	79
<i>Краснощеков А. П.</i> Роль бизнес-анализа в обосновании направлений инновационного развития компании	83
<i>Кугатова С. М.</i> Прогнозирование прибыли промышленного предприятия: проблемы применения традиционных методов и пути их решения	88

<i>Кудачин А. А.</i> Оценка влияния макроэкономических факторов на розничный оборот торговых предприятий.....	92
<i>Куприянова А. Р.</i> Искусственный интеллект как инструмент образовательного процесса: некоторые проблемы легитимности и методологии	97
<i>Куценко К. А.</i> Продвижение HR-бренда и имиджа организации: анализ и пути совершенствования (на примере ПАО Банк «Левобережный»).....	102
<i>Лиферова Я. Е.</i> От классических процедур к циклическому подходу: как меняется методология современного аудита.....	106
<i>Малетина Е. И.</i> Актуальные проблемы квалификации грабежа	109
<i>Малько А. В.</i> Инновационные методы формирования плана снижения рисков организации	113
<i>Мельникова А. В., Нечаева М. А.</i> Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в правоохранительных органах.....	119
<i>Меньшикова Д. Р.</i> Разграничение бандитизма и организации преступного сообщества: проблемы теории и судебной практики.....	125
<i>Морозова А. Б.</i> Методические подходы к оценке безубыточной деятельности производственного предприятия с учётом финансово-экономических рисков	128
<i>Морозова С. Д.</i> Административно-правовые проблемы регулирования уличных выступлений музыкантов в летний период: анализ правоприменительной практики	132
<i>Надольская Д. А.</i> Создание мероприятий по адаптации и закреплению молодых сотрудников в красноярской дирекции связи ОАО «РЖД»	135
<i>Немков А. В.</i> Нравственное воспитание в эпоху цифровой трансформации: диалог традиционных ценностей и цифровой культуры...	139
<i>Низовцева Т. В.</i> К вопросу о построении модели социально-психологической реабилитации лиц, потерявших работу	144
<i>Николаева Е. Е.</i> Правовое регулирование и механизмы реализации прогрессивной системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в РФ	149
<i>Нуралинова С. Т.</i> Методы оценки качества системы риск-менеджмента на горно-металлургических предприятиях.....	153
<i>Пакканен А. О.</i> Современные тенденции и проблемы развития агропромышленного комплекса: вызовы и перспективы.....	157
<i>Перемыкина Е. А.</i> Роль аналитических процедур и организация внутреннего аудита в современной системе финансового контроля	160

<i>Перепичка А. И.</i> Цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности: новые инструменты и вызовы	163
<i>Покатова К. А.</i> Рынок медицинских изделий Казахстана: от импортозависимости к национальному производству	167
<i>Покатова К. А., Лавриненко В. Ю.</i> Теоретические основы управления рисками: подходы и инструментарий	171
<i>Потапов Е. В.</i> Формирование системного подхода к снижению рисков организации	175
<i>Романчук А. Э.</i> Допуск адвоката к подзащитному на досудебном производстве: процессуальные трудности.....	179
<i>Ромашева И. А.</i> Влияние коротких физических перерывов на внимание и учебную мотивацию младших школьников: экспериментальное исследование.....	184
<i>Сасарова Ю. Е.</i> Влияние «страхового мошенничества» на экономическую стабильность и доверие к страховой системе	189
<i>Сасарова Ю. Е.</i> Цифровые технологии и искусственный интеллект в противодействии «страховому мошенничеству»: возможности и перспективы применения.....	194
<i>Семенова Д. А.</i> Ограничение дееспособности как механизм защиты прав лиц с психическими расстройствами	198
<i>Сивинкова А. А.</i> Актуальные проблемы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов.....	202
<i>Ситниченко А. И.</i> Понятие социокультурной идентичности: теоретические подходы	207
<i>Срыбных Т. И.</i> Криминологическая характеристика страховых преступлений: тенденции и формы противодействия	211
<i>Тадышева Д. И.</i> Проблемы разграничения источников финансирования в бюджетных образовательных учреждениях.....	215
<i>Таракановская К. С.</i> Роль учета и оценки в обеспечении устойчивости и социальной ответственности потребительской кооперации	219
<i>Токушева Ж. Е.</i> Современные проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей в уголовном процессе Российской Федерации.....	224
<i>Торорощенко Д. В.</i> Имитационная оценка складских операций распределительного центра	228
<i>Трифонов В. Р.</i> Понятие и правовая природа процессуальных издержек	233
<i>Федик А. В.</i> Тренды цифровой трансформации HR-сферы	237

<i>Хижняк Е. В.</i> Деятельность адвоката-защитника на досудебном производстве.....	242
<i>Чечерина О. А.</i> Проектирование системы благотворительных акций в центре реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья	246
<i>Язвенко К. Е., Сошников В. О.</i> Комплексный подход к адаптации бизнес-модели организации к изменениям внешней среды: постановка проблемы.....	250

ОЦЕНКА СТОИМОСТИ КОМПАНИИ С ПОЗИЦИИ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Д. Агаджанян

Научный руководитель: А. А. Перфильев, *канд. техн. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
danilagajanyan@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические и методологические предпосылки применения методов машинного обучения для оценки стоимости компании. Проведён анализ категориального аппарата оценки бизнеса, выявлены фундаментальные ограничения классических подходов (доходного, сравнительного и затратного) и обоснована необходимость их эволюционного расширения за счёт алгоритмов машинного обучения. Рассмотрены ключевые концепции — от гипотезы эффективного рынка до поведенческих финансов, формирующие современное понимание соотношения цены и стоимости. Особое внимание уделяется проблеме интерпретируемости моделей и возможностям её решения с помощью SHAP- и LIME-методов. Сделан вывод о том, что машинное обучение не отменяет классическую триаду подходов, а выступает как инструментарий, позволяющий снять ограничения линейности, субъективности и статичности традиционных моделей.

Ключевые слова: оценка стоимости компании, машинное обучение, рыночная капитализация, фундаментальная стоимость, мультипликаторы.

В финансовой науке и практике термин «стоимость компании» не является однозначным: он распадается на ряд концептуально различных, хотя и взаимосвязанных понятий, смешение которых ведёт к методологическим ошибкам и некорректной интерпретации результатов моделирования [2].

Фундаментальной категорией выступает внутренняя стоимость. В классическом определении, восходящем к работам А. Дамодарана [1], она представляет собой приведённую стоимость всех будущих свободных денежных потоков, которые компания способна сгенерировать на протяжении своего жизненного цикла, дисконтированную по ставке, адекватно отражающей риск этих потоков. Это величина объективна по своей природе, однако ненаблюдаемая и расчётная: она не зависит от текущих биржевых котировок и настроений инвесторов, но всецело определяется прогнозами и допущениями аналитика.

Прямой противоположностью внутренней стоимости выступает рыночная стоимость, частным случаем которой для публичных компаний является рыночная капитализация — произведение текущей цены акции на количество акций в обращении.

Помимо двух выделенных категорий, финансовая теория выделяет инвестиционную стоимость (стоимость для конкретного инвестора с учётом индивидуальных синергий и налоговых условий), справедливую стоимость как бухгалтерскую категорию в рамках, а также ликвидационную стоимость, образующую нижнюю границу оценки. Каждая из них имеет собственную сферу применения и методологический аппарат.

Соотношение цены и стоимости: ограничения эффективности рынка

Диалектика цены и стоимости уходит корнями в фундаментальную дискуссию о природе финансовых рынков. Гипотеза эффективного рынка в её полусильной форме постулирует, что цены полностью и мгновенно отражают всю публично доступную информацию, что делает рыночную капитализацию несмещённой оценкой фундаментальной стоимости. При абсолютном принятии этой гипотезы проблема оценки сводится к наблюдению за биржевыми котировками, а любые попытки создать модель, «превосходящую» рынков, теоретически бесплодны.

Однако корпус исследований поведенческих финансов, заложенный Д. Канеманом и А. Тверски и развитый Р. Шиллером [5], убедительно демонстрирует систематические отклонения цен от фундаментально обоснованных уровней. Когнитивные искажения, стадное поведение, чрезмерная реакция на новости и прочие факторы иррациональности приводят к тому, что рынок может долгое время находиться в состоянии переоценённости или недооценённости.

Классические подходы к оценке и их концептуальные ограничения

Доходный подход (DCF) основан на дисконтировании будущих денежных потоков. Его главная уязвимость — высокая чувствительность к субъективным параметрам: темп роста и ставка дисконтирования могут изменять оценку на десятки процентов. Линейная экстраполяция прошлых тенденций не работает в условиях структурных сдвигов и кризисов.

Сравнительный подход использует мультипликаторы (P/E, EV/EBITDA) на основе компаний-аналогов. Его ограничения: субъективный отбор аналогов, линейное усреднение, игнорирующее неоднородность выборки, и статичность мультипликатора, который в действительности должен зависеть от рентабельности, темпов роста и структуры капитала [3].

Затратный подход (оценка воспроизводства активов) применим лишь в узком спектре ситуаций и практически не используется для действующего бизнеса.

Общее ограничение всех трёх подходов — линейность, зависимость от экспертных допущений, статичность и неспособность работать с неструктурированными данными.

Теоретические основы и эволюция оценочных подходов

Становление современной теории оценки бизнеса представляет собой эволюционный процесс: от статичных балансовых концепций к динамическим моделям, ориентированным на будущие денежные потоки. Указанная траектория развития создала предпосылки для интеграции алгоритмов машинного обучения (МО). Вместе с тем сохраняющиеся теоретические расхождения требуют верификации на эмпирических данных, что сближает оценочные задачи с проблематикой эконометрического моделирования.

На этом фоне эмпирические исследования выявили недостаточность классической CAPM: одного бета-коэффициента оказалось недостаточно для объяснения наблюдаемых различий в доходности. Р. Фама и К. Френч [4] дополнили модель факторами, отражающими размер компании (SMB) и

соотношение балансовой и рыночной стоимости (HML), сформировав трёх-факторную модель. Показательно, что данная спецификация была не дедуцирована из теории, а идентифицирована эмпирически, что знаменует переход от дедуктивной логики к индуктивной, лежащей в основе машинного обучения.

Параллельно с этим Р. Шиллер [5] продемонстрировал, что волатильность фондовых индексов существенно превышает изменчивость дисконтированных будущих дивидендов, что свидетельствует о наличии поведенческого шума в рыночных котировках. Это означает, что модели, обученные на ценовых рядах, неизбежно воспроизводят как фундаментальные, так и иррациональные составляющие.

Обобщённый метод моментов (GMM), предложенный Хансеном, позволяет осуществлять оценку моделей без жёстких априорных ограничений на распределение ошибок и выступает концептуальным прототипом алгоритмов МО, поскольку даёт возможность извлекать информацию из данных, а не навязывать им заранее заданную теоретическую конструкцию.

П. Фернандес [3] систематизирует наиболее распространённые ошибки в оценочной практике: неверная ставка дисконтирования, некорректный прогноз денежных потоков, смешение номинальных и реальных величин, субъективный подбор мультипликаторов, игнорирование будущих инвестиций. Указанные ошибки имеют преимущественно человеческую природу и могут быть минимизированы посредством машинного обучения, которое автоматизирует процесс отбора признаков и выявляет скрытые нелинейные зависимости.

Концептуальные предпосылки для интеграции машинного обучения

Выбор целевой переменной — ключевое решение при построении модели оценки. В большинстве эмпирических работ в качестве целевой переменной выступает рыночная капитализация, что означает попытку воспроизвести не фундаментальную стоимость, а сложившийся рыночный консенсус с его поведенческими искажениями. Такой выбор требует корректной интерпретации: модель, обученная на рыночных данных, улавливает как фундаментальные факторы, так и иррациональные компоненты. Именно эта двойственность открывает перспективы для МО: в отличие от линейных моделей, ансамблевые методы и нейронные сети способны выявлять скрытые нелинейные паттерны между фундаментальными показателями и рыночными настроениями.

Доходный и сравнительный методы не отменяются, а обогащаются новым инструментарием: ансамблевые модели формируют нелинейные мультипликаторы, преодолевая субъективность подбора аналогов; алгоритмы временных рядов дают более точные прогнозы денежных потоков; NLP извлекает сигналы из текстов отчётов и новостей, переводя качественные характеристики в количественные показатели.

Главным препятствием для внедрения МО была неинтерпретируемость. Однако методы SHAP и LIME создают мост между «чёрным ящиком» и требованиями стандартов (МСО, ФСО), позволяя для каждой компании указать вклад каждого признака в предсказанную стоимость.

Список литературы

1. Damodaran A. Investment Valuation: Tools and Techniques for Determining the Value of Any Asset. 3rd ed. Wiley, 2012.
2. Copeland T., Koller T., Murrin J. Valuation: Measuring and Managing the Value of Companies. 4th ed. McKinsey & Company, Wiley, 2005.
3. Fernandez P. Company Valuation Methods: The Most Common Errors in Valuations // *Journal of Business Valuation and Economic Loss Analysis*. 2019. Vol. 14, no. 1.
4. Fama E. F., French K. R. The Cross-Section of Expected Stock Returns // *Journal of Finance*. 1992. Vol. 47, no. 2. P. 427–465.
5. Shiller R. J. Do Stock Prices Move Too Much to Be Justified by Subsequent Changes in Dividends? // *American Economic Review*. 1981. Vol. 71, no. 3. P. 421–436.

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

З. А. Агаева

Научный руководитель: В. Х. Каримов, *канд. ист. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
tabatchickova.ludm@yandex.ru

В статье дан анализ ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающей производство такого процессуального действия, как проверка показаний на месте, с выявлением проблем, с которыми встречаются следственные работники; предложены пути решений.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, следственные действия, понятия, неприкосновенность, жилище, средства видеофиксации, изъятие предметов и вещей.

На основании императивной нормы УПК Российской Федерации в качестве самостоятельного процессуального института выступает действие, регламентированное ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса РФ, это проверка показаний на месте. Указанной нормой исчерпывающе детерминированы процедура и последовательность совершаемых действий. Сущность и смысл данного вида процессуального действия раскрывается через установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Показания, ранее данные подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием.

Для более правильного толкования и определения представленного в законодательстве рассматриваемого следственного действия необходимо соблюдать четкий регламент последовательности действий, которые часто применяются в повседневной служебной деятельности сотрудников правоохранительных дел при проведении данной процедуры, а именно — «проверка показаний на месте» [1].

Проверка показаний на месте направлена на установление перечисленных фактов:

а) уровня ориентированности лица в обстановке и его информированности относительно ключевых обстоятельств расследуемого события;

б) в ходе осмотра выявлены материальные следы. Их взаиморасположение свидетельствует о неизвестных ранее деталях произошедшего, а именно: где спрятан труп потерпевшего, каким предметом совершено преступление и какие именно отпечатки оставлены на месте;

в) корректировка лицом показаний, дававшихся ранее (детализация) [2].

Вначале признавший свою виновность, в отношении которого принято постановление о привлечении его в качестве обвиняемого либо вынесен обвинительный акт, направляется на локус преступления, которое первоначально было осмотрено и для повторного осмотра нецелесообразно (например, городская площадь, на которой неделю назад произошло убийство). С участием понятых, представителей правоохранительных органов, следователя (подпись последнего

стояла в протоколе) лицо, в отношении которого принято постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, следуя предложению следователя, демонстрирует свои действия в хронологическом порядке, сопровождая рассказ жестами и воспроизводя весь механизм совершения преступления. Процессуальный документ, который оформляется по итогам следственного действия, называется протоколом показаний на месте. Как правило, он содержит подписи нескольких участников (а иногда выхода на место, выезда на место и т. д.), которые подразумеваются свидетелями признания обвиняемым своей виновности. К этим показаниям обычно прикладываются фотографии и видеозапись, как именно проводилось освидетельствование: все движения, вся динамика происходящего. Эти материалы формируют фундамент доказательной базы, особенно если обвиняемый отказывается от своих первоначальных показаний в суде. В противном случае, без наглядного подтверждения, показания могут быть расценены как оговор. Выезд на место происшествия, зафиксированный на видео, усугубляет чувство безысходности обвиняемого и помогает суду принять верное решение, опираясь на объективные данные.

Второй подход заключается в том, что лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в ходе допроса заявило, что желает выехать на место предполагаемого преступления должностному лицу (в нашем случае следователю). Обоснование данной просьбы — невозможность дать развернутые словесные пояснения без натуральной демонстрации. Обвиняемый настаивает на том, чтобы лично указать на обстановку и рассказать об обстоятельствах случившегося, поскольку только в ходе визуального контакта с местностью он может наглядно воспроизвести свои противоправные действия, непосредственно относящиеся к событию преступления. Суть следственного действия: сотрудники правоохранительных органов совместно с обвиняемым, а также с участием понятых и иных приглашённых лиц выдвигаются к начальной точке, которую указал сам обвиняемый. От этого места группа движется по тому маршруту, который демонстрирует обвиняемый, путно поясняя собственные действия.

После вступления в силу уголовно-процессуального закона в его отдельные статьи регулярно вносились корректировки. Однако положения ст. 194 УПК РФ существенных поправок ни разу не претерпели. Подобная неизменность свидетельствует о том, что данная процессуальная норма права сохраняет свою юридическую значимость и сущность при первоначальном утверждении и принятии.

На наш взгляд, как бы идеально ни трактовалась данная норма права, со временем периодически возникают спорные вопросы.

Проблемы, с которыми приходится сталкиваться ежедневно работникам исполнительной власти, заключаются в следующем: согласно ч. 1 и 2 ст. 194 УПК РФ, закон не обязывает выносить отдельное постановление перед проведением проверки показаний на месте. Наряду с изложенным при производстве указанного действия не нужно заранее запрашивать разрешение суда. Приведем пример. Собственник квартиры, проживающий в ней на момент проведения планируемого мероприятия, по каким-либо причинам не согласен

с участием в данном действии посторонних граждан. Если эту проверку показаний устраивают в квартире, и сотрудники полиции, и следователи постоянно натываются на разного рода проблемы, допустим, при расследовании кражи из жилого помещения. В Конституции РФ в ст. 25 есть нормы, которые эту процедуру закрепляют: «никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [3]. Следовательно, в случае возникновения у должностного лица, осуществляющего проверку показаний на месте, необходимости произвести указанные процессуальные манипуляции в границах конкретного жилого объекта, а проживающие там собственники квартиры откажут в доступе, то правоохранительные органы вынуждены обратиться в суд. Для этого составляется ходатайство о получении судебного разрешения.

В отличие от осмотра или обыска, регламент проверки показаний на месте менее формализован. Это позволяет должностному лицу самостоятельно определить тактику при передвижении по маршруту обвиняемого, и данная мера закреплена в конституционном праве, который гласит, что «каждый проживающий собственник жилья имеет право на неприкосновенность жилища», и заключается в необходимости нахождения точки выхода, достижения компромисса между интересами правосудия и правами граждан.

В ходатайстве следователь должен привести убедительные аргументы, служащие основанием для проверки показаний именно в этой квартире, а не в другом месте. К аргументам правомерно отнести достоверные сведения о наличии предметов, документов и иных доказательств, имеющих значение для расследования уголовного дела, а также невозможность получения этих сведений иными способами. Важно, чтобы ходатайство было мотивированным и содержало конкретную информацию, подтверждающую обоснованность запроса.

Суд, рассматривая ходатайство, обязан всесторонне исследовать представленные материалы и оценить их на предмет законности, обоснованности и целесообразности.

Принимая решение, суд учитывает два момента:

1) имеется ли реальная необходимость в производстве следственного действия;

2) не повлечёт ли это действия противоправные последствия, ущемляющие конституционные права и свободы граждан.

Важно, чтобы предполагаемое нарушение не осталось без процессуальной оценки.

Когда суд усматривает наличие достаточных оснований, он выносит постановление. Данный документ наделяет должностное лицо, ведущее расследование, правом произвести соответствующее следственное действие.

До начала следственного действия должностное лицо обязано разъяснить гражданам их процессуальные права, а также обеспечить им возможность находиться при производстве данного действия.

Необходимо подчеркнуть, что предполагаемое следственное мероприятие в жилом помещении будет осуществляться только на основании судебного решения, с соблюдением всех процессуальных норм и с учётом минимизации

вмешательства в частную жизнь граждан. Следователь обязан уведомить жильцов о предстоящем следственном действии, разъяснить их права и предоставить возможность присутствовать при его проведении.

Ст. 194 УПК РФ «Проверка показаний на месте» и как доктрина уголовного процесса однозначно трактует, предварительное получение показаний в ходе допроса — это императивное условие законности данного следственного действия. Допрос подозреваемого или обвиняемого является обязательными условиями перед проверкой показаний на месте преступления. Поэтому предлагаем внести дополнение в вышеуказанную ст. 194 УПК РФ «обязанность проводить допрос перед проверкой показаний на месте».

Федеральный закон № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. внёс корректировки в ст. 170 Уголовно-процессуального кодекса РФ, установив, что участие понятых при производстве проверки показаний на месте осуществляется по усмотрению следователя (при обязательной видеозаписи или использовании технических средств). Утверждение о том, что ФЗ № 23-ФЗ полностью отменил понятых при проверке показаний на месте, неверно. Закон лишь сделал их присутствие необязательным, установив, что отказ от понятых должен компенсироваться видеозаписью.

Однако, если при производстве рассматриваемого нами следственного действия нет необходимости привлекать к участию или присутствию понятых, то все показания, которые демонстрирует лицо, которому предъявили обвинение, или участвующий в данном действии, необходимо фиксировать при помощи технических средств: например, видеозапись, фото.

Согласно ч. 2 ст. 166 УПК РФ следователю по своему усмотрению может применять при производстве следственных действий дополнительные способы фиксации: стенографирование, фотографирование, киносъемку, аудио- и видеозапись. Что происходит на самом деле? При производстве показаний на месте органы предварительного расследования используют два способа: фотографирование или видеозапись. Для более полного и объёмного сбора информации, для предотвращения поступлений протестов со стороны судебных органов, для неопровержимых доказательств по уголовному делу в ходе процессуального расследования уполномоченный представитель правоохранительных органов должен поставить первоочередную задачу и цель — сохранение достоверных сведений. Для этого целесообразно использовать современную технику, к которым относится видеосъемка.

Фотографирование, будучи статичным, не способно в полной мере запечатлеть динамику следственного действия, последовательность действий проверяемого лица, его реакцию на предъявляемые доказательства или увиденное, а также пространственные взаимосвязи объектов, имеющих значение для дела. Проводимая видеосъемка позволяет зафиксировать весь процесс, включая речь, жесты, перемещения, что обеспечивает более полное и объективное представление о ходе и результатах проверки. Это особенно важно в том случае, когда проверяют показания и при этом необходимо осмотреть место преступления, найти улики и восстановить само событие.

Проведение данного следственного действия сопряжено с серьёзной проблемой: требуется изъять предметы, документы и следы, которые имеют значение для расследуемого уголовного дела. Необходимо обеспечить законность и обоснованность каждого изъятия, соблюдая при этом процессуальные нормы. Следователь должен четко установить, какие именно объекты, почему и на каком основании подлежат изъятию. Ненадлежащее оформление изъятия или изъятие предметов, не имеющих отношения к делу, может повлечь за собой признание полученных доказательств недопустимыми.

Эффективное изъятие требует заблаговременной подготовки и привлечения соответствующих специалистов. Например, при обнаружении следов преступления может потребоваться участие криминалиста для их фиксации и изъятия с использованием специальных методов. Документы, имеющие значение для дела, должны быть надлежащим образом упакованы и опечатаны, а их содержание зафиксировано в протоколе. Важно не только изъять, но и обеспечить сохранность изъятых объектов до передачи на экспертизу или в суд.

Не менее актуальным является вопрос о возможности применения технических средств при фиксации и изъятии. Помимо видеозаписи, могут использоваться фотосъемка, звукозапись, сканирование и другие методы в зависимости от характера объектов и целей расследования. Привлечение понятых, которые подтверждают законность и корректность действий следователя, также является неотъемлемой частью процесса, гарантирующей объективность производимых следственных действий.

Таким образом, комплексный подход, включающий использование современных средств фиксации, строгое соблюдение правил Уголовно-процессуального кодекса, с участием должностных лиц, причастных к данному виду осмотра, которые со своей стороны делают все процессуально с точки зрения буквы закона, оформляют документы (постановления), при этом действуя так, чтобы в дальнейшем обеспечить качественный и юридически безупречный сбор доказательств, позволяющий минимизировать проблемы, с которыми могут столкнуться правоохранительные органы и следователи.

При проверке показаний на месте следователи решают две задачи:

- фиксация полученных сведений;
- соблюдение процессуальных норм, гарантирующих допустимость этих сведений для суда.

Ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующая алгоритм проверки показаний на месте, позволяет лицу, чьи показания проверяются, указывать на предметы, документы и следы, однако не устанавливает процедуру их изъятия [4]. Это приводит к тому, что должностное лицо или дознаватель самостоятельно выбирает способ изъятия предметов, документов и следов: изымает их в процессе производства проверки показаний на месте или по ее окончании в ходе осмотра места происшествия. Уместно иначе подойти к вопросу о порядке изъятия предметов, документов и следов и внести следующие изменения «о производстве проверки показаний на месте в жилище при отсутствии согласия проживающих в нем лиц» и изложить:

— «п. 13 ч. 2 ст. 129 Уголовно-процессуального кодекса относит к исключительной компетенции суда вопрос возможности отмены ранее вынесенного постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (при наличии оснований, указанных в ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ)»;

— в ч. 2 ст. 164 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных п. 4–9, 11, 12 и 13 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения»;

— в ч. 1 ст. 165 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «В случаях, предусмотренных п. 4–9, 10.1, 11, 12 и 13 ч. 2 ст. 29 настоящего Кодекса, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление»;

— ст. 194 УПК РФ, окончание ч. 5 в следующей редакции: «...Проверка показаний на месте в жилище производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против проверки показаний на месте, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве проверки показаний на месте в соответствии со ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса»;

— дополнить и принять в следующей редакции ч. 6: «Если в ходе проверки показаний на месте будут обнаружены предметы, документы и следы, которые имеют особое значение для исхода уголовного дела то закон требует их визуального изъятия строго по правилам, закреплённым в ч. 2–4 ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса».

Список литературы

1. Абдуллаева Б. У. Проверка показаний на месте как следственное действие // Закон и право. 2023. № 4. С. 140–142.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. 704 с.
3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). М. : Айрис-Пресс, 2020.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

УПРАВЛЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ ЧЕРЕЗ АДАПТАЦИЮ БИЗНЕС-МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ

В. Ю. Албаева, К. В. Сойма

Научный руководитель: С. А. Баркова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ssmod10@yandex.ru

В статье рассматривается адаптация бизнес-модели как ключевой механизм управления неопределенностью. На основе анализа теоретических подходов и практических кейсов российских и зарубежных компаний обосновывается необходимость перехода от жестких стратегических планов к динамическим адаптивным моделям, способным эволюционировать вместе с изменяющейся внешней средой.

Ключевые слова: неопределенность, бизнес-модель, эффективное управление, адаптация бизнес-модели.

Актуальность исследования объясняется тем, что современная деловая среда характеризуется высоким уровнем неопределенности, сложности и неоднозначности. Традиционные модели стратегического управления, построенные на долгосрочных прогнозах, утрачивают свою эффективность, и у организаций возникает необходимость перехода к более адаптивным моделям, способным эволюционировать вместе с изменяющейся внешней средой, обеспечивая современной организации устойчивые конкурентные позиции.

Целью исследования является разработка и обоснование концептуальных подходов к управлению неопределенностью через адаптацию бизнес-модели организации, а также выявление практических механизмов и инструментов, позволяющих компаниям сохранять устойчивость и конкурентоспособность в условиях высокой изменчивости внешней среды.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: систематизировать теоретические подходы к пониманию неопределенности, выявить ключевые элементы бизнес-модели, наиболее подверженные влиянию неопределенности, проанализировать практику российских компаний, успешно адаптировавших свои бизнес-модели в условиях кризисов и неопределенности.

В работе использовались методы теоретического анализа для обзора и систематизации публикаций, кейс-метод для изучения практического опыта, сравнительно-сопоставительный анализ, для формулировки выводов — синтез и обобщение.

События, происходящие в современной экономической жизни (санкционное давление, военные конфликты, пандемия) значительно повлияли на условия ведения бизнеса.

Одним из показателей, отражающих настроение предпринимателей, является индекс предпринимательской уверенности. Он показывает оценку

предпринимателями экономической конъюнктуры и общее настроение для развития бизнеса (таблица).

Индекс предпринимательской уверенности в России в 2025 г.* [1]

Отрасль	Показатель, %
Добыча полезных ископаемых	–2,2 — –3,5
Обрабатывающие производства	–0,4 — –1,8
Розничная торговля	–5
Строительство	–12 — –19

Примечание: составлено по данным Росстата.

Как видно из таблицы, наибольшая неуверенность отмечается среди предпринимателей, работающих в сферах строительства: до –19 % и торговли: –5 %, а в меньшей степени обеспокоены предприниматели из сферы обрабатывающей промышленности: –1,8 %.

По мнению председателя совета директоров ГК «Стилобат» Льва Мазараки, классические методы стратегического планирования, которые рассматривали горизонт планирования на годы и даже десятилетия, потеряли свою актуальность. Сегодняшние горизонты планирования сместились в сторону уменьшения сроков с 3–5 лет до нескольких месяцев. В связи с этим меняется и сама концепция стратегического планирования [2].

Изменение подходов к стратегическому планированию путем адаптации бизнес-модели становится объективной необходимостью, а не просто желанием вводить перемены.

В связи с появлением технологий искусственного интеллекта появился и особый вид неопределенности, ранее не существовавший — это так называемая фундаментальная неопределенность, которая возникает из-за трудности предсказуемости изменений ключевых технологий. Эта неопределенность во многом возникает благодаря появлению «эмерджентных способностей». Этот термин появился сравнительно недавно и применяется к новым, неожиданным свойствам систем (организаций), которые начинают проявляться спонтанно и неожиданно. Появляется так называемый эффект синергии в отрицательном направлении, когда сами по себе трудности вызывают определенные проблемы у организаций, но при этом они значительно усиливаются, как бы объединяясь и дополняя друг друга.

Одним из ключевых методов управления неопределенностью является сценарное планирование. В отличие от традиционного прогнозирования, сценарный подход «удерживает в поле зрения множество возможностей и проверяет, сможет ли стратегия выдержать их».

В российской практике все большее распространение получают методы стресс-тестирования и сценарного моделирования, «позволяющие в режиме реального времени адаптировать финансовую стратегию к изменяющимся условиям». Имитационные модели предприятий помогают обосновывать возможные сценарии внешней среды и оценивать адаптационные возможности компании.

В качестве положительного опыта такой адаптации рассмотрим положительный опыт, который сформирован у некоторых отечественных компаний.

С 2022 года перед компаниями с иностранным участием в России встали задачи по адаптации производства. Международный бренд ОВО Bettermann столкнулся с необходимостью обновить производственные и логистические схемы, пересмотреть цепочки поставок сырья и оптимизировать ассортимент [3].

Стратегия адаптации включала несколько этапов. В краткосрочной перспективе приоритетом стала технологическая независимость. Компания локализовала производство более 2 тыс. артикулов на своей площадке в ОЭЗ «Липецк». Уровень локализации достиг 98,5 %. Переориентация на поставщиков российского сырья произошла на 100 %.

Следуя этой стратегии, компании удалось создать систему, в которой полностью была изменена бизнес-модель. Изменения коснулись практически всей цепочки создания стоимости, начиная от обеспечения сырьем и заканчивая реализацией готовой продукции.

Интересен для изучения опыт адаптации бизнес-модели и другой российской компании «Пирогомания».

Рынок общественного питания относится к категории наиболее подвижных. Для сохранения своих позиций на рынке сеть «Пирогомания» пошла не по простому пути — экономия затрат, а наоборот, сделала акцент на агрессивные методы захвата рынка [4].

В своей деятельности компания:

- сократила затраты времени на ремонт помещений с 45 до 28 дней за счет того, что стала использовать готовые модульные решения. В итоге это решение сэкономило почти 20 % бюджета при открытии новых торговых точек;

- было создано отдельное подразделение по управлению переменными затратами. Этот шаг позволил ускорить реакцию в случае непредвиденных ценовых скачков;

- изменения коснулись и производственной сферы. Компания перешла от централизованного производства выпечки к частичному производству на местах реализации, что значительно сократило товарные потери, связанные с неточностью объемов производственных заказов.

В качестве третьего примера можно привести петербургскую компанию Arny Praht, которая изначально занималась производством сумок.

В условиях кризиса компания не стала менять основной продукт — сумки, а нашла дополнительные источники дохода, встроившись в производственную цепочку других брендов, оказывая им услуги по пошиву. Уже за полгода такой деятельности у компании увеличился доход на целых 15 %.

По словам основателя бренда и руководителя фирмы Анны Прахт, «в сложные для организации годы нужно не ломать, а аккуратно корректировать систему, максимально извлекая имеющийся у организации опыт работы. Такой подход значительно экономичнее по сравнению с созданием абсолютно нового бизнеса» [5].

Таким образом, в современных условиях адаптация бизнес-модели является объективной необходимостью для быстрой адаптации к меняющимся условиям

внешней среды организации. Это, конечно, сложный процесс, но всё-таки возможный. Успешные практики российских предприятий лишь подтверждают, что даже в условиях высокой неопределенности у организаций есть все шансы для сохранения и преумножения своих позиций на рынках.

Список литературы

1. Деловая активность организаций России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/81_03-06-2026.html (дата обращения: 15.05.2026).
2. Мазараки Л. О стратегиях бизнеса в новой реальности. URL: <https://companies.rbc.ru/news/lev-mazaraki-o-strategiyah-biznesa-v-novoj-realnosti/> (дата обращения: 17.05.2026).
3. Как перестроить бизнес-модели производства: опыт ОБО Беттерманн. URL: <https://companies.rbc.ru/news/ITFqDkQJk8/kak-perestroit-biznes-modeli-proizvodstva-opyit-obo-bettermann/> (дата обращения: 15.05.2026).
4. Как мы превратили кризис в точку роста: кейс «Пирогомании». URL: <https://companies.rbc.ru/news/LP70Rew55w/kak-myi-prevratili-krizis-v-tochku-rosta-kejs-pirogomanii/> (дата обращения: 17.05.2026).
5. «Кризис — не повод тормозить»: управленец о том, как малому бизнесу выстроить стратегию роста. URL: <https://incrussia.ru/news/krizis-ne-povod-tormozit-upravlenets-o-tom-kak-malomu-biznesu-vystroit-strategiyu-rosta/> (дата обращения: 14.05.2026).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

В. В. Базаркина

Научный руководитель: Д. А. Бова, *канд. юрид. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
reg1file2@gmail.com

В статье рассматриваются правовая природа и особенности, а также перспективы интеграции смарт-контрактов в корпоративное управление в РФ с учётом зарубежного законодательства; подходы к определению смарт-контрактов в Республике Беларусь, США и других странах. На основе комплексного анализа доктринальных подходов выводится авторская позиция понятия смарт-контракта.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракты, корпоративное управление, проблемы правового регулирования.

Актуальность. Отсутствие единого подхода к правовому регулированию смарт-контрактов порождает неопределённость в правовой системе России, несмотря на наличие доктринальных подходов к пониманию данного цифрового института. Применение смарт-контрактов в корпоративном управлении влияет на повышение конкуренции и развитие новых сервисов, что способствует появлению новых бизнес-моделей. Отсутствие легального закрепления создаёт риски для их интеграции в корпоративную сферу и затормаживает развитие цифровых технологий. Исследование данной темы позволяет сформулировать рекомендации по преодолению существующей неопределённости, а сами предложения по интеграции смарт-контрактов станут маркером технологической зрелости компаний.

Цель исследования — выявить проблемы правового регулирования применения смарт-контрактов в корпоративном управлении в России и предложить обоснованные пути их решения.

Задачи исследования

1. Исследовать зарубежный опыт, в частности, законодательство Республики Беларусь, штатов США, Франции.
2. Проанализировать доктринальные подходы к определению понятия и правовой природы смарт-контракта, в том числе судебную практику.
3. Выявить проблемы применения смарт-контрактов в корпоративной сфере;
4. Сформулировать рекомендации по преодолению существующих проблем.

Методы и инструменты исследования: общенаучные методы (анализ, дедукция и индукция, а также функциональный, диалектический) и частнонаучные методы (формально-логический, сравнительно-правовой, анализ судебной практики и метод правового прогнозирования). При подготовке статьи изучены материалы научных статей, обзор судебной практики, справочные правовые системы и электронные библиотеки.

Практическая и теоретическая значимость. Предложенные меры могут быть рассмотрены и внедрены в национальное законодательство, а также в корпоративную практику по использованию смарт-контрактов. Данные выводы и рекомендации закладывают базу для дальнейших научных изысканий в сфере корпоративного управления и правового регулирования смарт-контрактов.

Как известно, в Российской Федерации отсутствует определение смарт-контрактов. Проанализируем зарубежный опыт, где закрепление регулирования самоисполняющихся контрактов появилось, но сильно разнится. Так, в США отсутствует закреплённый федеральный закон о смарт-контрактах и в различных штатах дано различное определение этого института. В штате Иллинойс, согласно Blockchain Technology Act, «смарт-контракт представляет собой договор, записанный в форме электронного документа, который может быть проверен с помощью блокчейна». Это означает, что смарт-контракт, по мнению составителей закона, по сути является традиционным договором. В свою очередь другие штаты определили цифровой контракт как компьютерную программу.

В п. 9 приложения 1 Декрета Республики Беларусь № 8 от 21.12.2017 «О развитии цифровой экономики» даётся определение этого цифрового института с точки зрения его технической составляющей: «смарт-контракт — программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейн), иной распределённой информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий».

В России была предпринята попытка легализовать это понятие с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В законопроекте № 419059-7 было разработано и предложено следующее определение: «смарт-контракт — это договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределённом реестре цифровых транзакций в строго определённой таким договором последовательности и при наступлении определённых им обстоятельств». В итоге был принят только пп. 9 п. 1 ст. 3 данного закона, где под ним подразумевается «сделка, которая может заключаться при выпуске цифровых финансовых активов» [1]. В связи с возникшим пробелом в законодательстве обратимся к положениям доктрины для выяснения природы смарт-контракта.

Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева, Д. В. Чуб выделяют следующие концепции понимания смарт-контрактов [2, с. 85]:

1. Как компьютерная программа.
2. В качестве способа исполнения традиционных договоров или как способ его заключения.
3. Как гражданско-правовой договор.
4. Как новый способ обеспечения исполнения обязательств.

Стоит отметить, что данный цифровой институт может сочетать одновременно и техническую, и правовую составляющие. Многие учёные утверждают, что смарт-контракт — это компьютерная программа, которая может предназначаться

для составления и заключения смарт-контрактов в виде сервисной программы или интеллектуального агента, а также как способ исполнения традиционного договора. В перспективе такая программа сможет полностью заменить письменную форму договора [2, с. 91].

Данный подход сочетает многообразие способов применения цифровой программы, которые зависят от самого пользователя. Однако такая позиция упрощена и нивелирует его ключевую особенность — самоисполнимость, что приводит к возникновению трудностей. Подтверждение этого факта есть во французской доктрине: «не любое обязательство может быть «закодировано» в смарт-контракт» [3, с. 152]. Хотя законодатель Франции не дает определения понятия смарт-контракт, в стране используется подход, благодаря которому смарт-контракт регулируется общими положениями договорного права».

В работе П. А. Шушканова и Я. О. Ряховской высказана иная позиция по этому вопросу. Так, по мнению авторов, «смарт-контракт представляет собой программный код, который самостоятельно проводит сделки в соответствии с заданными условиями и контролирует выполнение определенных действий при помощи автоматизированной системы, а именно посредством математических алгоритмов». Вместе с тем отмечается: «„умный“ контракт не является самостоятельным выражением воли и не существует в отдельности, а обеспечивает реализацию и функционирование основного договора» [4, с. 102]. Однако такой подход ассимилирует смарт-контракт только с технической точки зрения и не учитывает его правовую составляющую. В итоге, исходя из рассмотренных позиций и в целях корпоративного управления, полагаем разумным рассматривать смарт-контракт как договор в электронной форме или как способ исполнения договора.

Выделяют следующие особенности смарт-контрактов: автоматическое исполнение обязательств, неотменяемость и неизменяемость условий, прозрачность, отсутствие посредников сделки, применимость только на блокчейн-платформах. Ключевая особенность смарт-контракта — самоисполнение обязательств. Эта особенность позволяет автоматически выплачивать дивиденды по акциям, производить расчёт стоимости доли при выходе участника из компании и т. п. Следовательно, благодаря смарт-контракту дивиденды участников могут автоматически рассчитываться и переводиться на цифровые кошельки, что исключает задержки и возможные манипуляции. Возможность отслеживать каждый этап выполнения цифрового договора и отсутствие в сделке третьих лиц позволяет проводить голосования и отчёты максимально качественно. Такая особенность, как неизменяемость блоков после их записи, практически полностью исключает злоупотребления и решает проблему доверия и прозрачности данного процесса, а также увеличивает его скорость.

Исходя из анализа судебной практики, можно говорить о том, что технологии блокчейна постепенно интегрируют в корпоративную сферу, а возникающие споры освещаются на уровне судебной власти. Так, в 2019 г. Арбитражный суд Омской области принял решение по делу № А46-4990/2019 признать сделку между ООО «Петролеум Трейдинг» и ООО «Ликом», основанную на использовании технологий блокчейна, легитимной. В решении указано, что стороны

в дополнение к основному договору согласовали возможность его составления и подписания в виде электронного документа с использованием электронной подписи [5]. Таким образом, судебное решение показывает, что в стране пытаются легализовать смарт-контракты и придать им юридическую силу, а данный цифровой инструмент используется в рассматриваемой сфере.

Примером внедрения в корпоративные отношения смарт-контрактов является проведённая сделка между Альфа-банком и S7 Airlines по оплате услуг через аккредитив с использованием блокчейн-контракта, которая была первой в России. В 2016 г. была оформлена и проведена в системе Ethereum сделка, где использовалось сразу два смарт-контракта: для открытия аккредитива и для закрытия. По итогу были сделаны выводы о том, что данная технология позволяет оптимизировать бизнес-процессы и повысить эффективность документооборота.

Несмотря на указанные перспективы смарт-контрактов, их внедрение в корпоративное управление сталкивается с рядом препятствий. Главная проблема, которая напрямую влияет на их внедрение, — отсутствие легального закрепления смарт-контрактов, недостаток судебной практики в РФ, что приводит к правовой неопределённости и данные пробелы становятся риском при интеграции контрактов в компанию. Необходимо закрепить определение смарт-контракта на законодательном уровне в Гражданском кодексе РФ и изучить возможное определение смарт-контракта как договора или как способа его исполнения. Возникают проблемы, как будет происходить расторжение договора, применение реституции при некорректном составлении смарт-контракта и признание его недействительным в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Решением проблемы может стать заключение договора в письменной форме в дополнение к смарт-контракту, в котором будут указаны все оценочные понятия и последствия. Так, например, в корпоративном договоре между участниками или в уставе общества, который заключается в традиционной форме, необходимо прописать все оценочные понятия, возможные последствия (в том числе форс-мажорные обстоятельства), а также порядок расторжения и реституции. Тогда риск ошибок при признании такого договора недействительным снижётся до минимума, и становятся ясны процедуры расторжения соглашения и возврата в первоначальное положение.

Кроме того, смарт-контракты технически уязвимы. Например, при потере доступа к приватным ключам или в случае взлома, поэтому исследования в области развития технологий блокчейна привели к появлению новой категории субъектов, не являющихся сторонами смарт-контракта, но имеющих возможность влиять на его исполнение. Они именуются *валидаторами*, которые представляют собой компьютерную программу или группу независимых лиц, проверяющих результат самого контракта на корректность транзакций и одобряющих их после прихода к взаимному консенсусу, то есть соглашению между несколькими независимыми валидаторами, что важно для сохранения безопасности смарт-контрактов.

Такой подход к решению проблемы, предполагает разделение контрактов на централизованные, которые размещаются на едином сервере с одним

валидатором, и децентрализованные, которые имеют общую базу данных и группу валидаторов. Возникает вопрос: не берут ли на себя валидаторы посреднические функции? Ответ на него отрицательный, т. к. их функции ограничены одним действием — проверкой результата смарт-контракта, другими полномочиями они не обладают. Чтобы сохранить децентрализацию в процессе использования «умных договоров», сделка происходит при помощи взаимодействия сторон, которые подписывают контракт ключами и одобряют транзакции. Таким образом, использование такого способа защиты соглашения в корпоративном управлении позволяет снизить риски, связанные с уязвимостями «умного контракта», организует и стабилизирует проходящие в нём процессы, повышая применимость смарт-контрактов в рассматриваемой сфере.

Выводы и рекомендации. Проведённый анализ позиций, высказанных в доктрине, а также исследование зарубежного опыта по определению понятия и правовой природы смарт-контракта способствовали определению наиболее оптимального способа правового регулирования смарт-контракта для корпоративного управления. Данный цифровой договор демонстрирует свою эффективность в применении в компаниях, исходя из анализа перспектив и корпоративной сделки, но при этом имеются сложности с его применением. Выявление проблем использования смарт-контрактов и предложенные рекомендации по их преодолению позволяют снизить правовую неопределённость, юридические и технические риски и могут способствовать внедрению смарт-контрактов в корпоративную практику.

Список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Часть I. Ст. 5018.
2. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 79–105.
3. Чуб Д. В. Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8(105). С. 151–158.
4. Шушканов П. А., Ряховская Я. О. Смарт-контракты в российской правовой системе // Право и управление. 2022. № 10. С. 99–105.
5. Решение Арбитражного Суда Омской области по делу № А46-4990/2019 от 27.05.2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FqCnbSf6UIVS/> (дата обращения: 16.05.2026).

К ВОПРОСУ ДИАЛЕКТИКИ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛИЗМА, НАЦИОНАЛИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА

С. А. Батяева

Научный руководитель: Ф. А. Турсунов, *канд. филос. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
sonya.batyayeva@mail.ru

В работе проведен анализ социальных движений в мире, борьбы с неравенством и поиска альтернативных моделей организации общества. Даны прогнозы вариантов развития современных идеологических течений.

Ключевые слова: идеология, социализм, национализм, либерализм, государственное устройство, этническая терпимость, права наций на самоопределение.

Актуальность изучения идеологий социализма, либерализма и национализма обусловлена тем, что они оказывают значимое влияние на все сферы развития современной истории. В работе подчеркивается необходимость наличия четкой, однозначной, подкрепленной соответствующими институтами идеологии для развития любой страны.

Целью исследования является систематизация данных по этому вопросу, показав основные этапы развития идеологии социализма, национализма и либерализма.

В задачу исследования входит определение и развития идеологий для совершенствования работы различных политических институтов общества.

В ходе работы были использованы методы социально-исторического анализа, позволяющие проследить изменчивость и трансформацию идеологий социализма, национализма и либерализма. Также были использованы общенаучные методы, такие как анализ и синтез, аналогия и моделирование, для выявления особенностей процессов политического и экономического характера, происходящих в современную эпоху.

События, имевшие место на рубеже 80–90-х гг. XX столетия, возвращают к теме природы социализма и его взаимосвязи с национализмом и либерализмом. Некоторые теоретики национального вопроса утверждали, что понятия «нация», «национальное государство» являются искусственно сложившимися феноменами и поэтому являются переходными категориями, и на этот фактор не стоит акцентировать внимание. Однако вопреки этим взглядам после событий в СССР и Центральной Европе дальнейшее ослабление позиций национализма не произошло.

Как ни парадоксально, укрепление позиций национализма происходило в разные периоды развития общества: в национально-освободительных движениях, в войнах, в разгар революций. Л. фон Мизес отмечал, что «идеология является совокупностью наших теорий и основанных на них политических технологий [3, с. 94].

В свое время Р. Арон считал, что национализм как идеологическое течение в современных условиях не состоялось, однако Э. Ди Нольфо придерживался иного мнения. Он полагал, что нации возродились с огромной жизненной энергией, волей самоутверждения и продемонстрировали свою практичность.

Исследование феномена национализма стало приоритетным направлением наук об обществе. Стали создаваться научно-исследовательские центры и издаваться журналы, специализирующиеся в этом направлении. В Англии в конце 90-х гг. XX столетия был издан сборник, где были помещены статьи Ю. Хабермаса, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Манна и других, которые размышляли о природе национализма.

Согласно Э. Геллнеру, эволюция национализма завершается формированием националистической концепции политического устройства мира. Он считает, что легитимными являются только те политические единицы, которые имеют своим фундаментом нацию [1, с. 166].

Национальный вопрос на сегодняшний день является актуальным во всем мире, поскольку мир в политическом отношении состоит из национальных государств. Под «обществом» мы подразумеваем совокупность граждан определенного государства. Та же Организация Объединённых Наций стремится урегулировать национальные трения и разногласия.

Ю. Д. Гранин в своей монографии отмечает, что «национализм является формой выражения государственного суверенитета» [2, с. 58]. В свою очередь И. Ю. Заринов считает, что род и племя растворяются в этносе, а этнос переходит в нацию. В научной литературе встречаются также мнения, что этническая идентичность неминуемо приводит к национальной идентичности. Ю. Хабермас, Э. Геллнер подчеркивают, что национальный вопрос был и остается одним из самых острых в мире, поэтому размышления о сущности национального, о его различных формах, в том числе гипертрофированных, занимают немало места в творчестве многих ведущих мыслителей [5, с. 17].

Следует отметить, что национальная идентичность отражает интересы нации, однако не все так ясно в этом вопросе, поскольку этнические группы сознательно пытаются подчеркнуть свое отличие от национальной идентичности. В целом двадцатое столетие прошло под знаменем доминирования националистических теорий, а национальный принцип государства получил признание и реализацию во многих странах.

Что касается становления новой государственности в постмонархической России, отметим, что в Стране Советов отношения народов строились на основе пролетарского интернационализма. Правда и то, что при социализме тоже существуют нации, но с отличительными параметрами. Экономические отношения, основанные на государственной собственности к средствам производства, в корне меняют взаимоотношения между народами.

В документах советской власти были провозглашены принципы национальной и социальной политики. По этой причине стали возможны социальные блага для народов, проживавших в СССР, и стоит отметить, что при этом были достигнуты определенные социальные и экономические результаты.

На огромном пространстве земного шара, где были отменены политические колонии, после 2-й мировой войны началось национально-освободительное движение. К 80-м годам XX столетия образовалось более 70 новых государств, которые предпочли социалистический путь развития, так как социализм реально давал экономическое и социальное равенство. В этом контексте социализм априори содержал в себе всё необходимое, что можно было обнаружить в идеологии либерализма, то есть социализм есть как бы развитый либерализм, поскольку идея свободы и демократии в разной степени реализуются как в либерализме, так и в социализме.

Следовательно, не стоит противопоставлять либерализм и социализм как противоположные теории друг другу; социализм наследует идеи либерализма. Так, примечательными являются слова П. Б. Струве, который отмечал, что «либерализм не отрицает коллективную собственность и публичное вмешательство. Все это вопросы выбора средств для достижения достойного человеческого существования» [4, с. 407].

Что касается национализма, ни один теоретик не выдвигал национализм как социальную идеологию. Национальное собрание, национальная гвардия и другие термины, которые создала Французская революция, были побочными продуктами свободы либерализма. Достаточно вспомнить, что Американская революция проходила под лозунгами национально-освободительного движения и принципов либерализма.

Антиколониальные движения в Африке и Азии равнялись на опыт построения социализма в СССР. В середине XX века стало очевидным, что идеи либерализма плавно переходят как в социализм, так и в национализм. Именно националистические идеи в ином наряде привели новых руководителей к власти в постсоветских странах. Таким образом, становится очевидным, что противостоят друг другу не либерализм и социализм, а национализм и социализм, так как национализм есть деградировавший либерализм.

В. Л. Макаров и Д. С. Львов считают, что в России советская идеология была разрушена, а для стабильного развития страны обществу необходима новая идеология. В вопросе дальнейшего пути развития страны взгляды интеллигентного сообщества России разделились на три мнения: первые считают, что наше государство представляет собой некое особое цивилизационное образование; вторая часть склоняется к социализму; третья — к либерализму.

Считаем, что нельзя забывать и советский опыт развития страны, где были попытки осваивания «буржуазных» отношений с социалистическими установками. В какой-то мере социализм освоил и позитивный опыт либерализма, однако без достаточного понимания и анализа. Несмотря на существующие различия, либерализм и социализм придерживаются общих принципов, таких как критика отживших социальных и политических институтов, нацеленность на социально-экономические преобразования.

Либерализм есть идея свободы, свободы экономического и социального равенства на старте, но не идея всепоглощающего равенства. Социализм как идея идет дальше; идея свободы доводится до конца, тем самым преодолевая равенство возможностей на бумаге. Социализм — это не только равные стартовые

возможности, но и равенство как таковое, и прежде всего, экономическое и социальное равенство. В таком понимании социализм по определению включает все рациональное и полезное, что есть в либерализме.

Таким образом, изучение зарождения и развития социалистических и либеральных идеологий может способствовать разработке предложений по улучшению системы социальной защиты, образования, здравоохранения, экономики, а также по укреплению правового государства и защите прав граждан.

Список литературы

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 323 с.
2. Гранин Ю. Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. М. : Директ-Медиа, 2022. 284 с.
3. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции. М. : Социум, экономика, 2001. 239 с.
4. Струве П. Б. Избранные сочинения. М., 1999. 412 с.
5. Хабермас Ю. Национальное, слишком национальное. Размышления для свободных умов. М. : Родина, 2025. 246 с.

СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТНЫМИ КОМАНДАМИ: ОТ ТЕОРИИ ГИБКОСТИ К ПРАКТИКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В. С. Белова

Научный руководитель: О. И. Лихтанская, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ch_menegment@sibupk.nsk.su

В статье рассматривается возможность применения адаптивных методологий управления проектами, позволяющих организациям не просто реагировать на внешние шоки, но и упреждать изменения рыночной конъюнктуры. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического осмысления этих практик с позиций экономической эффективности и управленческой культуры.

Ключевые слова: адаптивные методологии, управление проектами, Agile-подход.

В условиях перманентной турбулентности и цифровой трансформации экономики классические линейные модели управления проектами все чаще демонстрируют свою несостоятельность. На первый план выходят адаптивные методологии, позволяющие организациям не просто реагировать на внешние шоки, но и упреждать изменения рыночной конъюнктуры. Парадигма Agile, включающая такие инструменты как Scrum и Kanban, эволюционировала из нишевого IT-решения в универсальный управленческий стандарт. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью критического осмысления этих практик с позиций экономической эффективности и управленческой культуры.

Однако технологический аспект был бы неполным без учета человеческого фактора: именно эмоциональный интеллект, по мнению Дэниела Гоулмана, становится тем «мягким» фундаментом, на котором выстраивается устойчивая мотивация и синергия в команде [1].

Фундамент современных адаптивных систем менеджмента был заложен в 2001 году с публикацией Манифеста гибкой разработки. Данный документ закрепил сдвиг управленческой парадигмы: акцент сместился с формальных регламентов на межличностные коммуникации, а жесткое планирование уступило место восприимчивости к переменам. Совокупность двенадцати постулатов, изложенных в манифесте, формирует подход, ориентированный на систематическое создание потребительской ценности на всех этапах жизненного цикла продукта.

Статистические выкладки аналитического агентства Standish Group демонстрируют, как замена традиционных каскадных моделей на итерационные схемы ведет к росту показателя успешности проектов на 28 п. п. Подобная динамика объясняется сокращением бюрократических прослоек и концентрации усилий на оперативной валидации рабочих гипотез.

При этом, как обоснованно отмечает Е. Ю. Дорохина, практическая реализация этой модели невозможна без строгой проверки целевых установок на реалистичность: только при условии корректной верификации ожидаемых результатов руководство получает возможность выстроить непротиворечивую иерархию задач [2].

Принадлежа к единой идеологической платформе, фреймворки Scrum и Kanban демонстрируют кардинальные расхождения в механизмах организации рабочего процесса (рис. 1).

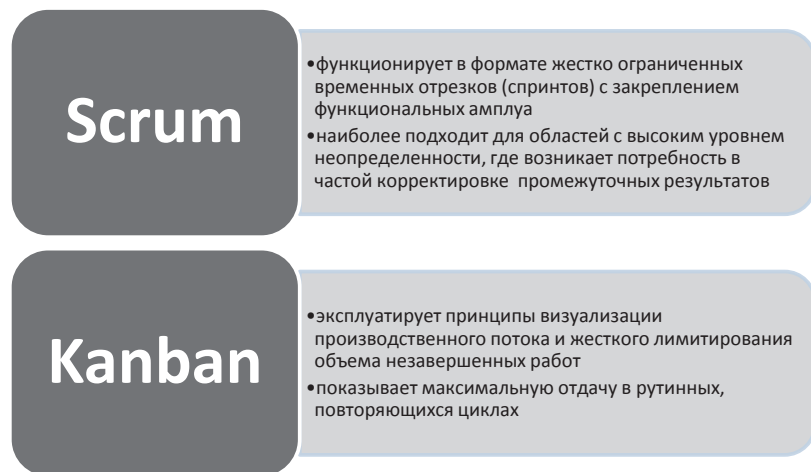

Рис. 1. Специфика фреймворков Scrum и Kanban [3]

Результаты мониторингов, проведенных VersionOne и PMI, объективно свидетельствуют о наличии неоспоримых конкурентных преимуществ: респонденты фиксируют повышение качества расстановки приоритетов (показатель достиг 85 %) и ускорение производственных циклов в среднем на пятую часть от первоначально запланированных сроков. Тем не менее было бы ошибочно трактовать адаптивные методики как универсальное средство решения всех управленческих проблем.

В числе наиболее критичных уязвимостей и препятствий при их применении можно выделить следующие позиции.

1. Повышенные требования к компетенциям персонала: предоставление автономии предполагает сформированность навыков самодисциплины и способности к самоорганизации у каждого участника, что на практике достигается далеко не всегда.

2. Опасность тактической заикленности: чрезмерная увлеченность корректировками способна спровоцировать утрату стратегических ориентиров, когда команда «вязнет» в бесконечных улучшениях локальных элементов в ущерб общей архитектуре решения.

3. Трудности экстраполяции на крупные системы: адаптация фреймворка Scrum к условиям масштабных инфраструктурных или государственных проектов, характеризующихся жесткой бюджетной дисциплиной, нередко вступает в противоречие с существующими бюрократическими регламентами.

В подобных условиях существенно видоизменяется сама роль руководителя: его функции смещаются от контрольных к сервисным, превращая его в фасилитатора, чья главная задача — гарантировать соответствие результатов утвержденным стандартам качества и своевременно устранять возникающие препятствия.

Рекомендации по определению используемого инструментария представлены на рис. 2.

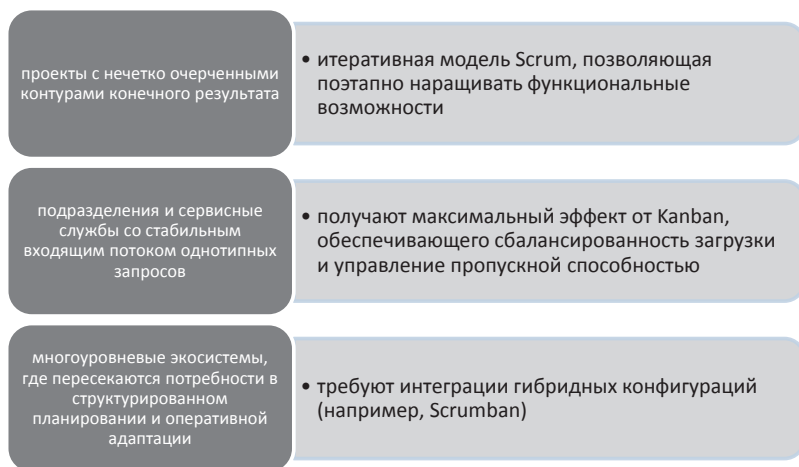

Рис. 2. Рекомендации при выборе инструмента

Завершающим этапом внедренческого цикла выступает реализация пилотного проекта: инициация с небольшой команды позволяет минимизировать потенциальные потери, провести апробацию выбранной модели и осуществить ее тонкую настройку в соответствии с индивидуальными характеристиками организации.

Обобщение результатов проведенного исследования позволяет утверждать, что актуальный управленческий инструментарий в проектной сфере органично базируется на парадигме адаптивности. Такие фреймворки, как Agile, Scrum и Kanban, формируют солидную методологическую базу для наращивания продуктивности операционных процессов и укрепления реактивности организаций на внешние импульсы. Вместе с тем эффективное использование данных подходов предполагает отказ от механического заимствования готовых шаблонов в пользу осмысленной трансформации существующих управленческих

контуров, адаптированных к отраслевой принадлежности компании и сложившимся в ней культурным кодам.

В качестве магистрального вектора для субъектов экономической деятельности предлагается поэтапный маршрут внедрения, стартующий с профессиональной переподготовки кадров относительно новых функциональных позиций и завершающийся планомерной оцифровкой коммуникационных каналов. Исключительно при сохранении паритета между фундаментальностью стратегических установок и вариативностью тактических средств организации обретают способность не просто удерживать устойчивость, но и последовательно расширять спектр своих рыночных преимуществ в условиях нарастающей турбулентности внешней конъюнктуры. Перспективная траектория развития видится в русле комбинированных схем, интегрирующих сильные стороны предиктивных и реактивных подходов к управлению.

Список литературы

1. Дмитриева С. В. Управление проектами в промышленном комплексе: методологии, инструменты и успешные практики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 7А. С. 244–251.
2. Дорохина Е. Ю. Метод S-O-S как основа управления крупными проектами // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11. С. 203–204.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

А. А. Бородич, П. Лапина

Научный руководитель: Д. А. Бова, *канд. юрид. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
p0linochka.lapina@yandex.ru

Включение цифрового рубля в статью 128 Гражданского кодекса РФ требует переосмыслить устоявшуюся классификацию объектов гражданских прав и проанализировать соотношение новой формы денежных средств с традиционными безналичными средствами, электронными деньгами и цифровыми валютами. Цифровой рубль — это особая разновидность безналичных средств, автономный правовой режим которой обусловлен централизованной эмиссией и обращением исключительно на платформе Банка России.

Ключевые слова: цифровой рубль, объекты гражданских прав, безналичные денежные средства, электронные денежные средства, цифровая валюта, платформа цифрового рубля, Банк России, денежное обязательство, гражданско-правовой режим, правовая квалификация.

Актуальность исследования. Появление цифрового рубля в отечественном правовом поле изменило классическую цивилистическую доктрину, годами выстраивавшуюся на жестком противопоставлении вещных и обязательственных прав. Наделяя цифровой актив свойствами традиционных безналичных денежных средств, правоприменитель фактически проигнорировал его уникальную технологическую структуру. Цифровой оборот требует новой теоретической опоры, а не реанимации существующих концепций.

Цель настоящего исследования состоит в установлении правовой природы цифрового рубля как объекта гражданских прав, а также в определении его места в системе денежных средств, предусмотренных действующим гражданским законодательством Российской Федерации.

Задачи исследования:

- 1) анализ норм, закрепляющих цифровой рубль в действующем гражданском законодательстве, в целях его верной квалификации среди объектов гражданского права;
- 2) рассмотреть правовую категорию «цифровой рубль» во взаимоотношении с безналичными денежными средствами;
- 3) отграничить правовую категорию «цифровой рубль» от иных категорий: электронные денежные средства, цифровая валюта;
- 4) выявить особенности использования цифрового рубля при исполнении денежных обязательств субъектами с учетом его правового режима и влияния на такие отношения платформы цифрового рубля.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в уточнении гражданско-правовой квалификации цифрового рубля и в конкретизации

его отличий от традиционных безналичных денежных средств. Практическое значение работы выражается в возможности использования полученных выводов при исследовании вопросов исполнения денежных обязательств, квалификации расчетных отношений и толковании действующих норм гражданского законодательства.

Законодатель не закрепил цифровой рубль как самостоятельный вид цифрового имущества, а включил в категорию безналичных денежных средств. Вместе с тем цифровой рубль отличается от обычных безналичных средств субъектом эмиссии, способом учета и порядком расчетов.

Нормативное включение цифрового рубля в гражданский оборот связано с принятием Федерального закона № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1128 и 1174 части 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Федерального закона № 339-ФЗ), согласно которому изменён подход к определению объектов гражданских прав, поскольку цифровой рубль получил прямое законодательное закрепление в ст. 128 ГК РФ в составе безналичных денежных средств [2, 3]. Такое решение имеет принципиальное значение для гражданско-правовой квалификации цифрового рубля. Он не признается вещью, поскольку не обладает материально выраженной формой и не существует в виде банкнот или монет. Одновременно цифровой рубль не относится к цифровым правам, так как его правовая природа не связана с удостоверением обязательств или иных прав в информационной системе по правилам, характерным для цифровых прав. Его место определено внутри категории безналичных денежных средств, но с учетом специального правового режима, отличающего его от традиционных денежных средств, учитываемых на банковских счетах. Такое законодательное регулирование позволяет провести разграничение между различными формами существования денег в гражданском обороте. Наличные денежные средства имеют материальную форму и представлены банкнотами и монетами Банка России, что позволяет рассматривать их как вещи в гражданско-правовом смысле. Обычные безналичные денежные средства существуют в форме записи на банковском счете и выражают обязательственное право требования клиента к банку в пределах соответствующего договора банковского счета. Цифровой рубль также относится к безналичным денежным средствам, однако его правовой режим не сводится к классической модели банковского счета. Он обращается на специальной платформе цифрового рубля, а его эмиссия связана непосредственно с Банком России. Поэтому цифровой рубль занимает самостоятельное место среди безналичных денежных средств: он сохраняет денежную природу рубля, но отличается особым способом учета, обращения и участия в исполнении денежных обязательств. Цифровой рубль также не имеет материального носителя, однако учитывается не на банковском счете коммерческой кредитной организации, а на платформе цифрового рубля. Поэтому по гражданско-правовой квалификации он является безналичным денежным средством, а по способу эмиссии и учета связан с Банком России [4].

Соотношение цифрового рубля с обычными безналичными денежными средствами раскрывается через нормы о банковском счете. Согласно ст. 845 ГК РФ,

банк обязуется принимать и зачислять денежные средства на счет клиента, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм и проводить иные операции по счету. В силу ст. 854 ГК РФ списание денежных средств со счета производится по распоряжению клиента, если иное не установлено законом, договором или решением суда. Следовательно, обычные безналичные деньги в гражданско-правовом смысле являются требованием клиента к банку.

Цифровой рубль построен иначе. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 340-ФЗ) закрепил основы регулирования платформы цифрового рубля и участия в ней Банка России и кредитных организаций. В данной модели кредитные организации обеспечивают клиентский доступ к операциям, но не становятся эмитентами цифровых рублей. Цифровые рубли учитываются на платформе Банка России, а расчеты ими совершаются путем перевода в рамках этой платформы. Поэтому цифровой рубль нельзя полностью отождествлять с денежными средствами, размещенными на банковских счетах.

Существенное значение имеет ст. 140 ГК РФ, закрепляющая рубль как законное платежное средство, обязательное к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации, а также допускающая платежи путем наличных и безналичных расчетов. Он выполняет платежную функцию, но только в пределах специальной инфраструктуры, установленной законом и правилами платформы цифрового рубля [5].

Для определения правовой природы цифрового рубля необходимо отграничивать его от цифровой валюты. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ) цифровая валюта понимается как совокупность электронных данных, которые могут использоваться в качестве средства платежа или инвестирования, но при этом не признаются денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства либо международной денежной или расчетной единицей. Существенным признаком цифровой валюты является также отсутствие обязанного лица перед каждым обладателем соответствующих электронных данных. Следовательно, цифровая валюта не обладает признаками законного платежного средства и не включается в национальную денежную систему в том значении, в каком в ней существует рубль. Данное разграничение усиливается положениями ч. 7 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, устанавливающими запрет на принятие цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы или оказываемые услуги. Это означает, что цифровая валюта не может выполнять функцию общего расчетного инструмента в гражданском обороте наравне с денежными средствами. Цифровой рубль имеет иную правовую природу: он выражен в рублях, эмитируется Банком России и предназначен для использования при расчетах как форма национальной валюты. Поэтому цифровой рубль не является

цифровой валютой, несмотря на использование цифровой технологической среды при его обращении. Также цифровой рубль не следует отождествлять с цифровыми правами. Согласно ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, цифровыми правами признаются предусмотренные законом обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами соответствующей информационной системы. Иными словами, цифровые права представляют собой не сами денежные средства, а особый способ существования и реализации имущественных прав в цифровой среде. Цифровой рубль хотя и обращается с использованием специальной платформы, имеет иную юридическую квалификацию. Ст. 128 ГК РФ прямо отделяет цифровые права от безналичных денежных средств и одновременно включает цифровые рубли именно в состав безналичных денежных средств. Поэтому определяющим является не цифровая форма учета, а денежная природа цифрового рубля и его связь с публичной эмиссией Банка России. Конституционно-правовое значение цифрового рубля определяется его включенностью в систему публично организованного денежного обращения Российской Федерации. В соответствии со ст. 75 Конституции Российской Федерации официальной денежной единицей в государстве является рубль, а исключительное право денежной эмиссии принадлежит Центральному банку Российской Федерации [1]. Данное положение имеет принципиальное значение для понимания правовой природы цифрового рубля, поскольку он не выступает самостоятельным частным цифровым инструментом и не может рассматриваться как результат децентрализованного выпуска неопределенным кругом участников оборота. Его правовой режим связан с публичной денежной системой, в которой рубль сохраняет значение единой национальной валюты независимо от формы его существования. Следовательно, цифровой рубль представляет собой не альтернативу рублю, а одну из форм выражения российской денежной единицы наряду с наличными и безналичными денежными средствами. Особое значение имеет разграничение цифрового рубля и электронных денежных средств.

Согласно п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», электронные денежные средства — это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета.

Такая формулировка предполагает возникновение обязательства между субъектами, использующими электронные денежные средства. Цифровой рубль обладает иной правовой основой, так как его выпуск и обращение напрямую связаны с Банком России и осуществляются только с помощью специальной платформы, в связи с чем цифровой рубль и обладает самостоятельным правовым значением как вид национальной валюты, обеспеченной публично-правовым статусом и специальным порядком обращения.

Таким образом, цифровой рубль как объект гражданских прав представляет собой установленную законом разновидность безналичных денежных средств с особым режимом эмиссии, учета и обращения. Обычные безналичные средства

существуют в рамках банковского счета и обязательства кредитной организации перед клиентом, а цифровой рубль учитывается на платформе Банка России и связан с обязанностью центрального эмитента. Его правовая природа определяется совокупностью норм ст. 128 и 140 ГК РФ, ст. 75 Конституции РФ, Федерального закона № 339-ФЗ и Федерального закона № 340-ФЗ. В связи с этим цифровой рубль следует рассматривать не как вещь, не как цифровую валюту и не как цифровое право, а как специальный объект гражданского оборота.

Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровой рубль в российском гражданском праве рассматривается как разновидность безналичных денежных средств, обладающих специальным правовым режимом. Его отличие от традиционных безналичных денежных средств заключается в особом порядке эмиссии, осуществляемой Банком России, а также в обращении посредством платформы цифрового рубля. В целях дальнейшего развития правового регулирования представляется необходимым более четкое нормативное разграничение цифрового рубля, электронных денежных средств и цифровой валюты, а также дальнейшая конкретизация гражданско-правовых особенностей расчетов цифровыми рублями.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. от 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : ФЗ № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : ФЗ № 339-ФЗ от 24.07.2023 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5765.
4. Сварчевский К. Г., Саченко А. Л. Проблемы правовой квалификации цифрового рубля как объекта гражданско-правовых отношений: соотношение частноправового и публично-правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 12(291). С. 109–112.
5. Умханов А. С. Гражданско-правовая квалификация цифрового рубля: проблемы определения и толкования // Гражданское право. 2024. № 6. С. 21–25.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ РИСКОВ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 2025 ГОДУ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ БАНКА РОССИИ

А. И. Власенко

Научный руководитель: О. И. Лихтанская, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ch_menegment@sibupk.nsk.su

В статье рассматриваются изменения в регулировании рисков кредитных организаций, реализованные Банком России в 2025 году. Проанализированы подходы регулятора к оценке ликвидности, кредитного риска, достаточности капитала и резервирования. Особое внимание уделено внедрению национального норматива краткосрочной ликвидности, корректировке риск-весов по отдельным категориям активов, а также расширению надзорной практики в части оценки внутренних процедур управления рисками.

Ключевые слова: банковское регулирование, Банк России, кредитный риск, ликвидность, достаточность капитала, банковский надзор, риск-менеджмент.

Изменение условий функционирования российского финансового рынка в 2022–2025 гг. привело к существенной трансформации банковского регулирования. Ограничение доступа российских банков к международным рынкам капитала, изменение структуры фондирования и рост значения внутренних источников ликвидности побудило ЦБ перестраивать надзор под новые реалии. Изменения регулирования были во многом обусловлены необходимостью адаптации банковской системы к новым внешним ограничениям.

В опубликованных Банком России материалах по развитию банковского регулирования отмечается необходимость перехода к более риск-чувствительной модели надзора, основанной не только на формальном соблюдении обязательных нормативов, но и на анализе качества активов, устойчивости бизнес-модели банка и структуры принимаемых рисков [1].

В 2025 году Банк России активнее разбирал концентрацию кредитного риска, анализировал качество капитала и устойчивость фондирования. Усилилось внимание к вопросам операционной устойчивости банков. Становится ясно, что прежних инструментов надзора недостаточно.

Актуальность исследования связана с тем, что изменения регулирования оказывают прямое влияние на структуру банковских операций, стоимость капитала и способность кредитных организаций поддерживать устойчивость в условиях высокой макроэкономической неопределённости.

Научная новизна заключается в анализе ключевых изменений регулирования рисков кредитных организаций в 2025 году и, где это уместно, в оценке решения регулятора в его влиянии на банковский сектор.

Рассмотрим изменения в национальном нормативе краткосрочной ликвидности. Одним из наиболее заметных изменений 2025 года стало внедрение

национального норматива краткосрочной ликвидности — НКЛ. В обзоре банковского регулирования Банк России указал, что системно значимые кредитные организации начали применять НКЛ вместо базельского показателя краткосрочной ликвидности [2].

Для большинства участников это означало смену не только методики расчёта, но и самой логики управления ликвидностью. Параметры НКЛ разрабатывались под специфику российского рынка и то, как банки ведут себя при стрессах. Безотзывная кредитная линия сохранилась, но её доля в покрытии норматива теперь ограничена [2].

В отличие от прежней модели, ориентированной преимущественно на объём высоколиквидных активов, новая система учитывает устойчивость ресурсной базы банков и качество фондирования. Иными словами, если раньше регулятор в основном оценивал наличие у банка ликвидных активов, то в обновлённой методике теперь больше внимания уделяет устойчивости самих источников финансирования банка, поскольку российская банковская система стала значительно сильнее зависеть от внутреннего фондирования после сокращения доступа к внешним рынкам капитала, из-за существенного изменения структуры активов российских банков и всего финансового сектора в целом, после введения санкций. Такой подход отражает изменение структуры банковского сектора, в котором доля внутреннего фондирования после 2022 года существенно возросла.

Вместе с тем внедрение национального норматива сопровождается рядом ограничений. Использование собственных методик оценки снижает сопоставимость российских банков с международными стандартами Basel III, что усложняет внешнюю оценку устойчивости сектора. Исходя из того, что Банк России движется в этом направлении с 2013 года, мы считаем, что данный путь выбран верно.

Центральный Банк проводит мероприятия в корректировке подходов к оценке кредитного риска. Например, в 2025 году Банк России продолжает развитие риск-чувствительного регулирования кредитного риска. В докладе «Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора» отмечается, что регулятор актуализировал подходы к оценке ипотечных кредитов и уточнил риск-веса по отдельным категориям активов [3].

На наш взгляд, изменения были связаны с необходимостью учитывать накопленную статистику дефолтов и фактическое качество заёмщиков. Одновременно Банк России продолжил работу по совершенствованию макропруденциальных инструментов и ограничению концентрации рисков, используя ужесточение требований по надбавкам к капиталу, усилению контроля по ограничениям в выдаче высокорискованных кредитов. Обратной стороной такого решения, связанной с чрезмерной осторожностью ЦБ, может стать снижение маржинальности будущих выдач кредитных продуктов, что значительно снизит доходность и может негативно повлиять на финансовые результаты из-за снижения риск-премии при учёте растущих требований к резервам.

Центральный Банк также сфокусировал своё внимание на уровень качества внутренних моделей банков по оценке риска. Следствием этого становится

усиленный контроль на предмет исполнения требований к внутренним процедурам банков, в которые входит в том числе оценка методологии расчётов для определения вероятности дефолта заёмщиков и уровня резервирования под выданные кредиты. Для крупных банков это является неприятным, но терпимым изменением, чего нельзя сказать о финансовых организациях среднего уровня. Рост резервирования как тренд снижает количество работающих денег и сильно ограничивает рост капитала. Регулятор считает это справедливой оплатой за финансовую стабильность сектора.

Совместно с усилением надзора Банк России меняет и сам подход к созданию резервов, вводя новые требования к ним. Они ориентированы на постепенное признание рисков по отдельным категориям активов, а именно, речь идёт о невозвращённых заблокированных активах (НЗА) [4].

НЗА остаются балластом в портфеле финансовых организаций, увеличивая долю, отведённую на резервы. Банк России требует, чтобы минимальная величина расчётного резерва по новым НЗА составляла к концу 2026 года 40 % от стоимости актива с последующим увеличением до 100 % к 2032 г. Эта оценка является чрезмерно осторожной, и её необходимо снизить вполтину или разработать механизм консолидации НЗА вне контуров кредитных организаций, так как статус таких активов может оставаться без изменений долгие годы (санкционное давление и его смягчение не ожидается в обозримом будущем с горизонтом планирования 10 лет).

Регулятор указывает, что подобный подход снижает резкое давление на капитал банков при ухудшении качества активов. Вместе с этим сохраняется риск отсроченного признания проблемной задолженности, что снижает прозрачность оценки финансового состояния отдельных кредитных организаций. Преимущественно это региональные банки и страховые компании, не входящие в список системно значимых. На наш взгляд, ЦБ действует слишком жёстко, что вызывает жалобы представителей руководящего состава банков и вынуждает их использовать различные варианты для удовлетворения требованиям Банка России. Одним из примеров является допэмиссия акций Банком ВТБ для пополнения резервов с целью удовлетворения нормативов достаточности капитала в 2025 году.

ЦБ также заявляет о намерении сблизить пруденциальное резервирование с МСФО [3], что само по себе разумно, хотя в условиях фактической изоляции от международных рынков этот вопрос для большинства участников пока не первоочередной.

Одним из направлений деятельности Банка России в 2025 году стало продолжение расширения регулирования в области цифровых финансовых активов и операционной устойчивости банков. В «Основных направлениях развития финансовых технологий на 2025–2027 гг.» регулятор прямо ставит задачи по развитию механизмов контроля цифровых финансовых сервисов и повышению устойчивости финансовой инфраструктуры [5]. Мы разделяем этот приоритет — превентивный подход здесь важнее реактивного.

Рост количества киберинцидентов и увеличение объёма дистанционных банковских операций привели к усилению внимания к вопросам информационной

безопасности. Для банков это конкретные расходы на развитие систем мониторинга операций, внутреннего контроля и защиты данных. Наша точка зрения совпадает с видением Банка России и подчёркивает важность превентивных мер реагирования на только зарождающиеся риски.

Несмотря на всё перечисленное, банковский сектор в 2025 году в целом устоял — это следует и из аналитики самого ЦБ [4], и из наших наблюдений.

По данным Банка России, кредитные организации продолжили поддерживать достаточный уровень капитала и ликвидности, пусть и испытывая сложности. При этом структура банковских операций постепенно менялась под воздействием новых требований. В частности, банки стали более осторожно подходить к наращиванию высокорискованных сегментов кредитования. Это особенно проявилось на рынке необеспеченного потребительского кредитования и ипотечного кредитования, где регулятор активно использовал макропруденциальные меры. В связи с тем, что риски роста дефолтов коррелируют с длительным периодом жесткой денежно-кредитной политики, мы находим данные заявления вполне отражающими реальную картину дел в секторе.

Одновременно происходило увеличение расходов банков на выполнение новых регуляторных требований. Сложно вывести средний уровень из-за различий масштабов организаций сектора, но, по нашим средним оценкам, изменения составляют в 5–7 % от прежних уровней 2020–2022 гг. В частности, рост затрат был связан с модернизацией IT-инфраструктуры, совершенствованием внутренних систем контроля и развитием аналитических подразделений.

На основе обзора финансовой стабильности, публикуемой регулятором, следует вывод, что банковский сектор всё ещё способен поддерживать кредитование экономики в длительных условиях высоких процентных ставок, подтверждая это рекордными прибылями отдельных, наиболее крупных компаний отрасли, в основном это автокредиты [4]. Однако ужесточение требований повлияло на структуру банковских доходов, изменив их структуру. Основным фокусом кредитных организаций становится направление комиссионных доходов, рост которых составил с 2194 млрд рублей за 2024 г., до 2 372 млрд рублей за 2025 г., компенсируя снижение темпов роста процентных доходов из-за понижения ключевой ставки.

Совокупность положительных и негативных факторов, формирующих результаты 2025 года, демонстрируют устойчивость сектора к тренду на усиление риск-ориентированного регулирования даже при увеличении операционных и административных издержек из-за вступивших в силу нововведений.

События 2025 года наглядно демонстрируют развитие последовательного тренда, заданного Банком России, на снижение рисков в банковском секторе, основными факторами которого стали внедрение обновлённого НКЛ, уточнённые риск-веса, переоценка процесса резервирования и усиление контроля над операционными рисками. На наш взгляд, нововведения ушедшего года являются ответом на внешние шоки последних двух десятилетий, а выбранный курс позволит избежать повторения очень дорогих ошибок прошлого.

Регулятор последовательно адаптирует надзор под реалии российского рынка, которые активно меняются в динамичной среде из-за внешних факторов.

Обратной стороной этого процесса выступает увеличение нагрузки на финансовые организации среднего размера из-за роста требований к внутренним процедурам и аналитике компаний.

Мы согласны с официальной оценкой ЦБ о том, что банковская система в 2025 году сохранила устойчивость. Однако, на наш взгляд, регулятор выбирает избыточно осторожную стратегию, которая в отдельных аспектах создаёт менее крупным участникам рынка серьёзные барьеры и дополнительные риски там, где допустимы более сдержанные меры.

Список литературы

1. Банк России. Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора: текущий статус и новые задачи. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/180584/dbra_20250825.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
2. Банк России. Обзор банковского регулирования. URL: https://www.cbr.ru/na/banking_regulation_newsletter/ (дата обращения: 11.05.2026).
3. Банк России. Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/180584/dbra_20250825.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
4. Банк России. Обзор банковского регулирования: итоги IV квартала и дальнейшие планы. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23411> (дата обращения: 11.05.2026).
5. Банк России. Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfintech/ (дата обращения: 11.05.2026).

УЧЁТ И АНАЛИЗ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОММЕРЧЕСКОГО ТИПА: РАСШИРЕННАЯ СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ

О. В. Герман

Научный руководитель: Н. В. Колоскова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
eiholzolga@mail.ru

В статье рассматриваются особенности учёта и анализа финансово-хозяйственной деятельности частных образовательных организаций, функционирующих в условиях двойного финансирования. Выявлены ключевые ограничения стандартной коэффициентной методики применительно к данному типу организаций и предложена расширенная система показателей с отраслевыми интерпретационными поправками. Обосновано применение раздельного сегментного учёта как инструмента выявления перекрёстного субсидирования и повышения экономической устойчивости организации.

Ключевые слова: финансовый анализ, частное образовательное учреждение, подушевое нормативное финансирование, раздельный учёт, сегментный анализ, коэффициент ликвидности.

Учёт и анализ финансово-хозяйственной деятельности частных образовательных организаций имеют существенную специфику по сравнению с бюджетным сектором, поскольку такие организации сочетают признаки коммерческого предприятия и социально значимого института. Главная управленческая задача — поддерживать баланс между образовательными стандартами и экономической устойчивостью. Для финансового менеджмента это создает стабильное направление деятельности. При гарантированном подушевом нормативном финансировании (ПНФ) со стороны государства частные школы и колледжи способны обеспечить современную образовательную среду, снимая нагрузку с государственного бюджета [1].

В то же время стандартная коэффициентная методика анализа финансово-хозяйственной деятельности, разработанная с учетом специфики предприятий, доходы которых формируются из однородных источников, приводит к неоднозначной интерпретации финансовых показателей касательно образовательных организаций с двойным финансированием. Например, организация, получающая авансовый платёж подушевого нормативного финансирования в начале учебного года, может продемонстрировать высокий коэффициент текущей ликвидности. Причем он может многократно превышать нормативный диапазон. Без отраслевой поправки аналитик скорее всего расценит это как неоптимальную структуру активов, хотя фактически речь идёт о стандартном режиме кассового планирования. Аналогичная проблема возникает при анализе рентабельности, финансовой устойчивости и деловой активности. Несмотря на активное развитие теории финансового анализа [3–5], требуются

отраслевые методики для частных образовательных организаций, что определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — систематизировать особенности учёта и анализа финансово-хозяйственной деятельности образовательных организаций коммерческого типа и разработать расширенную систему аналитических показателей с учётом отраслевой специфики.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявить ключевые методологические ограничения стандартного коэффициентного анализа; разработать расширенную систему показателей с отраслевыми интерпретационными поправками; обосновать инструментарий учёта и анализа, повышающий экономическую устойчивость организации при сохранении её социальной функции.

В основе исследования лежит сочетание общенаучных и специальных методов: горизонтальный и вертикальный анализ финансовой отчётности, коэффициентный анализ с отраслевой интерпретацией, сегментный анализ маржинального дохода, метод пропорционального распределения общих затрат, сценарное моделирование. Теоретической базой послужили труды ведущих специалистов в области финансового анализа [3, 4], а также нормативные акты, регулирующие финансирование частных образовательных организаций в Республике Казахстан [1, 2].

Частная образовательная организация оперирует двумя принципиально различными потоками средств. Первым являются бюджетные средства в рамках государственного заказа со строго целевым назначением: заработная плата педагогов, учебные расходы, коммунальные платежи [2]. Второй — внебюджетные средства, а именно: родительская плата, поступления от студентов платного обучения, доходы от дополнительных услуг. При этом, согласно нормативным требованиям, финансовый анализ должен подтверждать, что средства госзаказа направлены исключительно на предусмотренные статьи, в противном случае возникает риск квалификации нецелевого использования с обязательством возврата средств в полном объёме.

Дополнительную сложность создаёт «ценовой потолок»: предельный размер родительской платы для школ, получающих госзаказ, нормативно ограничен. Это формирует «точку разрыва», ситуацию, когда объём государственного финансирования не покрывает реальную себестоимость обучения на одного учащегося. Финансовый анализ должен выявлять и отслеживать эту точку, формируя основу для обоснованных управленческих решений в части дополнительных платных услуг и оптимизации затрат [5].

Выявленные методологические ограничения стандартного анализа можно сгруппировать в несколько блоков. Во-первых, показатели ликвидности структурно искажены авансовым поступлением подушевого нормативного финансирования. Организация накапливает денежные средства в начале учебного года и расходует их равномерно, что многократно завышает коэффициент текущей ликвидности относительно нормативного диапазона. Во-вторых, при котловом учёте суммарная прибыльность организации скрывает возможное перекрёстное субсидирование: один образовательный сегмент может быть высокодоходным,

другой — убыточным, а без отдельного учёта этот факт остаётся скрытым. В-третьих, одновременные крупные расходы (капитальный ремонт, обновление оборудования) искажают финансовый результат периода, если не применяются критерии капитализации. Для устранения указанных ограничений предложена расширенная система показателей анализа финансово-хозяйственной деятельности, структурированная по аналитическим блокам (таблица).

**Расширенная система показателей анализа
финансово-хозяйственной деятельности образовательной организации
с двойным финансированием**

Блок	Показатель	Отраслевая особенность интерпретации
Контингент и доходность	Численность по сегментам (школа/колледж); охват госзаказом; доход от подушевого нормативного финансирования и платного обучения отдельно	Контингент — первичный фактор дохода; норматив ПНФ определяет ~65 % выручки
Себестоимость на учащегося	Себестоимость на 1 учащегося по сегменту; доля ФЗП в себестоимости; структура прямых и косвенных затрат	База для обоснования тарифов при расчёте «точки разрыва»
Финансовые результаты	Валовая прибыль; рентабельность продаж; маржинальный доход по сегментам	Разовые капитальные расходы требуют корректировки перед анализом тренда
Имущественное положение	Коэффициент обновления; доля долгосрочных активов; динамика НМА	Кобн ниже 0,05 — сигнал накопленного износа учебной инфраструктуры
Ликвидность	Ктл; Кал; норматив Ктл с отраслевой поправкой (исходя из среднемесячного расхода)	Ктл структурно превышает норму из-за авансового ПНФ; стандартный норматив неприменим
Финансовая устойчивость	Коэффициент автономии (Ка); трёхкомпонентный показатель; доля КО в валюте баланса	Высокий Ка типичен: организация не привлекает заёмный капитал
Деловая активность	Оборачиваемость активов; производительность труда; период погашения дебиторской задолженности	Рост выручки при снижении ОС сигнализирует о недостаточном реинвестировании

В качестве практического инструментария учёта и анализа, учитывающего выявленную специфику, целесообразно применять следующий комплекс мер.

1. Раздельный управленческий учёт по сегментам (например, школа — колледж) а также по источникам финансирования (бюджетные, внебюджетные, прочие доходы). С технической стороны реализуется через введение аналитических субсчетов к счетам доходов и расходов без внесения изменений в базовую методологию бухгалтерского учёта. Данный подход позволяет рассчитать маржинальный доход каждого сегмента и выявить перераспределение доходов между ними.

2. Модель прогнозирования доходов с учётом изменения нормативного значения ПНФ, сезонности набора обучающихся и максимально допустимой родительской платы. Прогнозирование строится исходя из трёх возможных сценариев: оптимистичного (где наблюдается рост контингента и норматива), базового и пессимистичного (снижение контингента обучающихся по государственному образовательному заказу). Такой подход обеспечивает раннее выявление «точки разрыва» [5].

3. Система управления расходами по центрам финансовой ответственности (школа, колледж, администрация). Распределение общих затрат между центрами предлагается осуществлять пропорционально контингенту. Это обеспечивает корректный расчет себестоимости на одного обучающегося по каждому сегменту и создаёт аналитическую основу для тарифной политики организации.

4. Отслеживание коэффициента обновления основных средств (Кобн) как отличительного показателя устойчивости. Образовательная организация с высокой долей недвижимости и учебного оборудования в активах несёт риск накопленного износа инфраструктуры. Снижение Кобн ниже порогового значения 0,05 служит ранним сигналом необходимости инвестиционного планирования.

5. Применение аналитических инструментов с отраслевыми интерпретационными поправками при оценке экономической устойчивости. В частности, нормативный коэффициент текущей ликвидности для организаций с авансовым ПНФ рассчитывается не из стандартного диапазона, а исходя из среднемесячного операционного расхода и числа месяцев до следующего транша финансирования [4].

Реализация предложенного комплекса инструментов учёта и анализа может обеспечить следующие результаты: повышение прозрачности финансовых потоков за счёт раздельного учёта по сегментам и источникам финансирования; корректную диагностику финансового состояния с учётом отраслевых поправок к стандартным нормативам; раннее выявление рисков: перекрёстного субсидирования, износа инфраструктуры, налоговых изменений; обоснованное управление тарифной политикой на основе себестоимости на учащегося.

Эффективное управление финансами в секторе частного образования базируется не только на контроле текущих показателей, но и на глубоком анализе себестоимости каждого образовательного продукта, прогнозировании доходов с учётом динамики государственной политики и строгом соблюдении требований к целевому использованию средств госзаказа [2]. Разработанная расширенная система показателей анализа финансово-хозяйственной деятельности позволяет коммерческим образовательным организациям не только повысить качество финансового управления, но и укрепить конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, сохраняя при этом свою социальную функцию.

Список литературы

1. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан. URL: <https://taldau.edu.kz/ru/publikaciya/>

- nacionalnyj-doklad-o-sostoyanii-i-razvitii-sistemy-obrazovaniya-rk-na-osnovanii-dannyh-2024-goda (дата обращения: 28.05.2026).
2. Об утверждении Методики подушевого нормативного финансирования дошкольного воспитания и обучения, среднего, технического и профессионального, послесреднего образования : приказ Министра просвещения Республики Казахстан № 597. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700016137> (дата обращения: 28.05.2026).
 3. Курманбекова А. А., Мурзалиева Н. К., Усенова Г. Р. Совершенствование учёта и отчётности в частных школьных и дошкольных учреждениях // Вестник Ошского государственного университета. 2024. № 1(4). С. 186–193.
 4. Чернышева Т. Ю., Шаповалова Ю. Б. Разработка информационной системы учёта и оценки образовательных услуг центра дополнительного образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18971> (дата обращения: 28.05.2026).
 5. Яковлев А. Ю. Особенности управления и осуществления финансово-хозяйственной деятельности различными видами и типами учреждений // Управление. 2018. Т. 6, № 4. С. 55–61.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩИХ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ

А. Х. Донгак

Научный руководитель: Ю. С. Галынская, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kesharaven@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная проблема недостаточного уровня развития коммуникативных навыков у студентов ИТ-направлений. Выявлены противоречия в формировании коммуникативных навыков у современных ИТ-специалистов; выделены критерии сформированности коммуникативных навыков у студентов ИТ-направленности; описана модель формирования коммуникативных навыков ИТ-специалистов в учебном процессе вуза. На основе анализа публикаций из научных электронных библиотек eLibrary (РИНЦ) и «КиберЛенинка» систематизированы и описаны три ключевых научно-педагогических подхода к решению данной проблемы.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, soft skills, ИТ-специалисты, высшее образование, проектное обучение, профессиональные компетенции.

Актуальность исследования. Современные ИТ-компании функционируют в условиях хронического разрыва между техническими знаниями (hard skills) выпускников и требованиями рынка к их гибким навыкам (soft skills). По данным исследований ИТ-рекрутинга, более 60 % неудач на испытательном сроке у junior-разработчиков связаны не с качеством кода, а с неумением работать в команде, принимать обратную связь и коммуницировать с заказчиками. Коммуникация в ИТ — это сложный комплекс компетенций: способность объяснить технические решения нетехническим стейкхолдерам, ведение грамотной технической документации, проведение конструктивного код-ревью и выявление требований на ранних этапах разработки.

Сложившаяся ситуация носит системный характер. Исследователи, изучающие профессиональную подготовку в сфере информационных технологий, фиксируют: традиционная система образования делает упор на индивидуальную работу с компьютером, что формирует устойчивый стереотип «программиста-интроверта». При этом речь идет не об отказе от фундаментальной технической подготовки, а о формировании комплементарной системы, в которой технические и коммуникативные модули взаимно усиливают друг друга [1]. Проблема усугубляется ранней профессионализацией студентов в формате фриланса или аутсорса, где преобладает асинхронная текстовая переписка, что ведет к атрофии навыков живого диалога и публичных выступлений.

Цель работы — выявить современные подходы к формированию коммуникативных навыков у будущих ИТ-специалистов на основе анализа научных публикаций.

Задачи работы:

1) выявить противоречия в формировании коммуникативных навыков у современных ИТ-специалистов;

2) выделить критерии сформированности коммуникативных навыков у студентов ИТ-направленности;

3) описать модель формирования коммуникативных навыков ИТ-специалистов в учебном процессе вуза;

4) систематизировать современные научно-педагогические подходы («лагеря») к решению проблемы на материале баз eLibrary и «КиберЛенинка».

Метод исследования: теоретический анализ научной литературы.

Проблемная ситуация, на решение которой направлен анализ, включает три взаимосвязанных противоречия. Первое — между потребностью ИТ-индустрии в специалистах, способных к эффективной командной работе, и перегруженностью учебных планов исключительно техническими дисциплинами. Второе — между наличием у студентов потенциала к развитию эмоционального интеллекта и отсутствием в вузах системной модели психолого-педагогического сопровождения. Третье — между цифровым характером современной ИТ-коммуникации и формальным, а не практико-ориентированным подходом к обучению работе в профессиональных цифровых средах (Git, Jira, Slack).

При разработке концепции систематизации подходов использовался метод сравнительного анализа публикаций в базах данных eLibrary (РИНЦ) и «КиберЛенинка» за последние 5 лет. Это позволило выявить три устойчивых методологических подхода («лагеря»), принципиально различающихся по механике и целевому эффекту (таблица).

Портфель научно-педагогических подходов к формированию коммуникативных навыков

Название	Описание
Деятельностно-проектный подход	Коммуникативные навыки «вшиты» в профессиональную деятельность. Обучение происходит через погружение в среду, приближенную к реальной ИТ-компании (Agile-команды, хакатоны, роли «заказчик-разработчик-тестировщик»). Эффективность достигается при интеграции коммуникативных задач в профессиональные модули (например, защита архитектуры проекта перед «заказчиком» в роли преподавателя) [2]
Социально-психологический (тренинговый) подход	Акцент делается на психологических особенностях личности. Необходимы специальные психолого-педагогические вмешательства: тренинги коммуникативной толерантности, развитие эмоционального интеллекта (EQ), работа со страхом публичных выступлений и обучение культуре конструктивной обратной связи при код-ревью [3]
Подход цифровой среды	Это методологическая база для организации обучения студентов в сфере ИТ. В основном подразумевает работу в окружении техники и взаимодействие с цифровой средой (специализированные сайты, адаптивное обучение и работа с ИИ)

Критерии сформированности коммуникативных навыков в рамках данных подходов оцениваются по трем аспектам: когнитивному (знание норм профессионального общения и стандартов документирования), мотивационно-ценностному (осознание важности soft skills, готовность к диалогу и эмпатия к

пользователю) и деятельностному (реальная способность защитить проект, аргументированно отстоять решение или разрешить конфликт в команде).

Модель формирования коммуникативных навыков IT-специалистов в учебном процессе вуза выстраивается по линейно-функциональному принципу без радикального расширения штата преподавателей. Рабочая группа формируется из преподавателей профильных кафедр и педагога-психолога вуза с перераспределением нагрузки. Координатор проекта отвечает за внедрение проектных форматов, PR-координатор — за организацию хакатонов и встреч с IT-компаниями, а штатные преподаватели включают критерии оценки коммуникации в рубрикаторы защиты курсовых и дипломных работ [4].

Практическая значимость исследования и рекомендации. Предложенная типология подходов к формированию коммуникативных навыков в рамках учебного процесса позволит решить задачи расширения социального и профессионального взаимодействия студентов, с одной стороны, и удовлетворения кадрового запроса IT-компаний — с другой. Развитие коммуникативных навыков IT-специалистов должно быть выстроено в системную, методически обоснованную модель, которая не подменяет техническую подготовку, а встраивает коммуникативные практики в ежедневную учебную деятельность, преодолевая стереотип «замкнутого программиста».

Выводы. В работе рассмотрены ключевые аспекты проблемы коммуникативных навыков у будущих IT-специалистов: дано определение, выделены критерии сформированности (когнитивный, мотивационный, деятельностный) коммуникативных навыков и определены ключевые факторы. На основе анализа научных работ современных исследователей выявлены три подхода: деятельностно-проектный, социально-психологический и подход цифровой среды. Наиболее эффективным является их интегративное сочетание, позволяющее подготовить конкурентоспособного специалиста, способного создавать востребованные цифровые продукты в команде.

Список литературы

1. Бухтиярова И. В. Модель формирования коммуникативной компетенции у будущих специалистов в области информационных технологий // Вестник Мининского университета. 2020. № 3(31). С. 112–125.
2. Лейбович А. Н., Батаев А. В. Формирование гибких навыков (soft skills) у студентов IT-направлений // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 3(129). С. 112–118.
3. Савченко Н. И., Савченко И. Н. Особенности формирования коммуникативной компетентности у будущих специалистов в области информационных технологий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5(139). С. 58–63.
4. Гриншкун В. В., Краснова Г. А. Информационно-коммуникационные технологии в формировании профессиональных компетенций будущих IT-специалистов // Информатика и образование. 2021. № 2. С. 15–22.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ К КОСПЛЕЙ-КУЛЬТУРЕ

К. В. Евсеева

Научный руководитель: Н. А. Коростелева, *канд. пед. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kristina.evseeva.21@mail.ru, korostel_@mail.ru

В рамках работы рассмотрена современная культура косплея и освещены итоги пилотного исследования, посвященного степени осведомленности подростков и молодых людей относительно косплей-культуры. Основная задача исследования заключалась в определении степени осведомленности молодежи о косплей-культуре и, помимо этого, в анализе главных причин участия и барьеров в данном движении.

Ключевые слова: хобби, молодёжь, массовая культура, популярная культура, косплей, неформальные объединения, субкультура, костюмированная игра.

Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом популярности такого направления, как косплей. На фоне активного развития цифровых сообществ и растущего значения фестивалей поп-культуры косплей начал играть значительную роль в формировании идентичности. Молодые люди выбирают его не только как способ развлечься, но и как инструмент для проявления себя, установления контактов и реализации своего творческого потенциала; воплощения множества креативных идей. Цифровое поколение проявляет индивидуальность не только через внешний вид, но и через выбор стиля жизни [3].

Практическая значимость исследования заключается в том, что такие практики, как косплей, играют важную роль в жизни молодёжи, помогая социализироваться и развивать творческие навыки. Данное исследование отвечает на потребность в эмпирических данных о популярности и восприятии косплей-культуры в молодёжной среде, ведь именно изучение уровня осведомлённости и вовлечённости помогает организаторам культурных мероприятий соответствовать ожиданиям молодёжи и адаптировать программы под их реальные запросы. Кроме того, работа углубляет и теоретические знания о культуре косплея, процессах формирования идентичности и самовыражения с помощью различных перформативных практик.

Цель исследования — выявление уровня информированности молодежи о косплей-культуре, а также анализ основных мотивов вовлечения в данную культуру.

Методы и инструменты исследования — теоретический анализ ключевых понятий и проведение опроса среди подростков и молодежи для достижения поставленной исследовательской цели.

Самое слово *cosplay* изначально происходит от японского сокращения английского словосочетания *costume play*, что значит «костюмированная игра». Оно было введено в употребление японским журналистом Нобуюки Такахаши

в 1983 году. Сегодня косплеем называют массовую практику копирования и публичной демонстрации костюма, образа и поведения известных героев массовой культуры в рамках фестивалей, шествий, деятельности клубов соответствующей тематики. Первоначальное желание молодёжи подражать этим героям превратилось в особую форму творчества по созданию уже существующих или новых образов [1].

Психологи объясняют интерес к косплею тем, что эта ролевая игра для людей любого возраста является возможностью самовыразиться, проявить воображение и реализовать свой творческий потенциал, разгрузить психику от отрицательных эмоций и перенапряжений, помогает отвлечься от повседневных проблем и наполнить свое сознание положительными эмоциями. Людям нравится играть, это одна из составляющих частей нашей природы. «Игра — в значительной степени основа всей человеческой культуры», — говорил академик А. В. Луначарский. Участие в косплее позволяет реализовать потребность в общении, расширяет кругозор [2].

Подростками и молодыми людьми, вовлечёнными в это движение, процесс косплея воспринимается как многогранное хобби, способное сочетать элементы игры, творчества и социальной практики. Перевоплощаясь в любимых персонажей, они лучше понимают себя, проверяют социальные границы и имеют возможность прокачать актёрское мастерство; продвигнуться в медиасреде.

Косплей-культура также считается продолжением традиций театра, маскарада и ролевых игр, с той лишь разницей, что современный косплей тесно переплетён с массовой медийностью и фан-культурой. Не секрет, что раньше элита могла организовывать маскарады или костюмированные балы, но они считаются отсылкой к реальности и нашему прошлому, в то время как косплей реализует иной сценарий, перенося изначально выдуманное и фантастическое в реальность. Особенно это было заметно по массовой популярности ролевых игр живого действия и распространению образов эльфов, основой которых было творчество Дж. Толкина. Косплей наряду с массовым производством и продажей мерча, считается одним из элементов продвижения современных фэнтезийных образов в жизнь [4]. Популярность персонажей из фэнтези и фантастики формирует общие культурные аспекты как повод для коллективной игровой деятельности, фэнтези-мотивы служат «общим языком» в коммуникации косплееров.

Участие в косплее нередко мотивирует к изучению истории персонажей, культурных контекстов и ремесленных техник, что расширяет кругозор и развивает исследовательские интересы у молодёжи. Среди мотивов — эстетическое удовольствие от создания костюма и отыгрыша, желание признания и принадлежности, а также поиск смыслов и ценностей в сообществе. Для многих молодых людей косплей становится способом реализации творческого потенциала и получения положительной обратной связи; возможностью создавать что-то своими руками, иногда даже включая создание персонажей с нуля.

Цифровое пространство делает косплей ещё более важным инструментом для самопознания. Ожидается, что стриминговые платформы и онлайн-сообщества будут и дальше усиливать влияние косплея как медиапрактики, привлекая

больше людей и предлагая новые форматы участия. Косплей-мероприятия и онлайн-площадки создают условия для обмена опытом, совместного творчества и взаимопомощи. Кроме того, косплей развивает множество практических навыков (шитьё, работа с материалами, актёрское мастерство, грим, фотосъёмка и многое другое), проектное мышление и навыки самопродвижения, что может привести к развитию хобби, формированию фриланс-проектов и даже профориентации.

Но, с другой стороны, многие косплееры сталкиваются с непониманием окружающих, что влияет на уровень социальной поддержки их увлечения и самооценку. Буллинг и предрассудки в отношении косплееров, к сожалению, довольно частая и болезненная проблема как со стороны более старшего окружения, так и внутри самой молодёжи. Общество, не привыкшее к ярким образам, порой воспринимает косплей как крайне странное увлечение, судя по внешнему виду или публичности образов, что может приводить к осуждению, угрозам и даже применению физической силы. Бытуют предрассудки о том, что косплей — это детское хобби, нечто странное или даже непристойное. Из-за возможности получить токсичные комментарии в интернете и жизни многие косплееры либо прекращают свою деятельность, либо стесняются собственных увлечений. Внутри косплей-групп также существует давление: травля из-за внешности, пола или качества костюма; имеющихся навыков.

В качестве инструмента для исследования популярности, вовлечённости и отношения молодёжи к косплей-культуре использовался опрос, состоящий из 10 вопросов. Целевая популяция — подростки и молодые люди (14–24 лет). В опросе приняли участие 27 человек, 81,5 % которых составляют девушки. 23 человека относятся к возрастной группе от 18 до 24 лет, в то время как оставшиеся — от 14 до 18. Примечательно, что 100 % респондентов оказались знакомы с таким термином, как «косплей».

74,1 % участников (20 человек) ни разу не были на косплей-мероприятиях, 18,5 % (5 человек) участвовали в них как зрители и ещё 7,4 % (2 человека) — непосредственно как косплееры.

В качестве информационных источников, в которых чаще можно увидеть упоминание косплея, наиболее распространёнными являются социальные сети (96,3 %) и ярмарки с фестивалями (44,4 %). Далее равное количество респондентов (33,3 %) выбрали в качестве источников тематические форумы/сообщества и друзей. На последнем месте, опять с равным результатом (29,6 %), идут стрим-площадки, ТВ и СМИ.

Ассоциации с этим термином в основном оказались связаны с играми и аниме, а также с костюмированными мероприятиями. Нашелся и человек, у которого косплей вызвал ассоциацию с психбольными (рис. 1).

Какие ассоциации возникают у Вас при слове «косплей»? Выберите любые два варианта

27 ответов

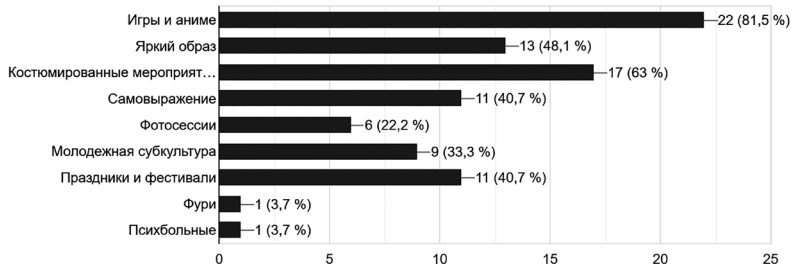

Рис. 1. Ассоциации молодежи со словом «косплей»

На вопрос о том, почему молодежь может привлекать косплей-культура, большинство (77,8 и 66,7 %) ответили, что людей может привлекать само хобби, интерес к персонажам/сообществам и способность проявить творческое самовыражение. Ещё 40,7 % респондентов выбирали такие варианты: возможность пообщаться и завести новых друзей, заполучить внимание/признание в соцсетях, возможность показать своё мастерство (шитьё, грим). Меньшинство людей (11,1 %) выбирали вариант с демонстрацией и улучшением актёрских навыков.

Само же развитие косплей-культуры в молодежной среде воспринимается по большей части как позитивное явление – 55,6 % (рис. 2).

Рис. 2. Восприятие косплей-культуры молодежью

На вопрос о том, способствует ли косплей развитию творческих навыков, значительная часть опрошенных (70,4 %) ответили положительно (рис. 3).

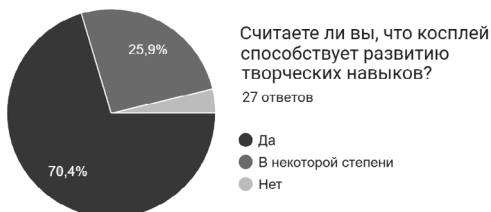

Рис. 3. Влияние косплей-культуры на развитие творческих навыков

Мешать же участию в косплее, по мнению респондентов, сильнее всего способны стеснение/страх осуждения (77,8 %) и финансовые расходы на костюмы и реквизит (74,1 %). Ещё 37 % посчитало весомыми причинами буллинг, предвзятости окружающих/семьи и нехватку местных мероприятий.

Выводы. Обобщая всю собранную информацию, можно заметить, что отношение молодёжи к косплею в основном положительное и все опрошенные знакомы с этим термином. Небольшая часть респондентов активно участвует в мероприятиях и даже создаёт костюмы. Главные мотивы — творческое самовыражение и интерес к персонажам или сообществам. К тому же, несмотря на существующие стереотипы и предубеждения, большинство подмечает положительное влияние косплея на развитие творческих способностей. В целом полученные данные свидетельствуют о распространённости косплей-культуры и подчёркивают важность её дальнейшего изучения и поддержки.

Список литературы

1. Пушкарева Т. В., Иванова Е. Ю., Шемякина Е. М. Феномен косплея: культурные прототипы и тренды // Человек и культура. 2021. № 3. С. 1–17.
2. Кулагина Н. В., Овчинникова М. А. Мотивация игроков косплея с разным стажем участия в ролевой игре // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 5. С. 31–35.
3. Дядык Н. Г. Смыслоразнообразные ориентиры студенческой молодежи цифрового поколения // Социум и власть. 2022. № 4(94). С. 26–35.
4. Рогов И. И. Фэнтези-сеттинги последних лет: роль и значение в современной коммуникации // Вопросы медиабизнеса. 2023. Т. 2, № 2. С. 20–30.

МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ю. Г. Журавлёв

Научный руководитель: Н. В. Колоскова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
zhuravlyov.yurij@mail.ru

В статье рассматриваются особенности различных методов прогнозирования финансовых результатов деятельности предприятий. Исследование носит методологический характер, изучаются достоинства и недостатки (ограничения) различных методов. Цель работы — обосновать применение совокупности методов планирования и прогнозирования прибыли в виде многоуровневой системы, включающей статистические методы для краткосрочного горизонта, финансовое моделирование — для среднесрочного и сценарно-экспертные методы — для долгосрочного планирования.

Ключевые слова: методы прогнозирования, финансовый результат, период исследования, верификация данных.

Наиболее распространённой классификацией, принятой как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, является разграничение методов по трём крупным группам: статистическим (основанным на обработке количественных данных о прошлых периодах), экономико-математическим (использующим формализованные модели взаимосвязей между переменными) и экспертным (опирающимся на профессиональные суждения специалистов). Данная классификация восходит к работам В. В. Леонтьева и получила развитие в трудах отечественных экономистов-плановиков [4]. Вместе с тем в современной литературе нередко выделяют и смешанные (комбинированные) методы, интегрирующие элементы всех трёх групп.

Существует принципиальное различие понятий «метод прогнозирования» и «модель прогнозирования»: метод представляет собой общий алгоритмический подход к процедуре (например, регрессионный анализ), тогда как модель — конкретную математическую конструкцию, реализующую данный метод применительно к изучаемому объекту [4].

Статистические методы прогнозирования основываются на обработке и анализе количественных данных о финансовых показателях организации за прошлые периоды. Их объединяет общий принцип: закономерности прошлого сохраняются в будущем, т. е. выявленные тенденции и взаимосвязи экстраполируются на прогнозный период. К данной группе относятся: анализ трендов, методы сглаживания (простая и взвешенная скользящая средняя, экспоненциальное сглаживание), анализ сезонности и циклических колебаний, а также модели класса ARIMA/SARIMA.

Метод наименьших квадратов и тренд-анализ. Тренд-анализ — один из наиболее распространённых статистических методов прогнозирования прибыли в краткосрочном горизонте. Суть метода состоит в аппроксимации временного

ряда финансового показателя аналитической функцией (трендом), параметры которой оцениваются методом наименьших квадратов (МНК).

Достоинством тренд-анализа является простота применения и интерпретации. Ограничение — неспособность учесть цикличность, структурные разрывы в динамике показателя и воздействие внешних факторов. По мнению Г. В. Савицкой, метод наименьших квадратов следует применять с осторожностью при прогнозировании прибыли в нестабильных экономических условиях, поскольку экстраполяция трендов в этом случае может давать существенно искажённые результаты [4].

Модели авторегрессии — проинтегрированного скользящего среднего (ARIMA, Autoregressive Integrated Moving Average) представляют собой наиболее мощный инструмент статистического прогнозирования временных рядов. Методология Box — Jenkins, лежащая в их основе, включает три этапа: идентификацию модели, оценку параметров и диагностическую проверку остатков.

Для рядов с выраженной сезонностью применяется расширение SARIMA(p, d, q)(P, D, Q)_s [3]. Применение ARIMA к прогнозированию прибыли и выручки организаций подтверждено многочисленными эмпирическими исследованиями. Модели ARIMA демонстрируют более высокую точность краткосрочных прогнозов финансовых результатов промышленных предприятий по сравнению с детерминированными трендовыми моделями при наличии достаточного объёма исторических данных [3].

Помимо моделей временных рядов, к статистическим методам относится парная и множественная регрессия, направленная на выявление статистически значимых связей между прибылью и факторами-аргументами (объём продаж, цены, затраты, макроэкономические показатели).

Экономико-математические методы прогнозирования отличаются от статистических тем, что они не просто описывают прошлую динамику показателей, но строят формализованные модели причинно-следственных взаимосвязей в экономической системе. Данная группа включает оптимизационные модели, имитационное моделирование, нейросетевые методы, а также методы нечёткой логики.

Метод Монте-Карло в контексте прогнозирования прибыли реализуется следующим образом: каждому ключевому параметру модели (цене реализации, объёму продаж, переменным затратам, курсу валюты и т. д.) задаётся вероятностное распределение на основе исторических данных или экспертных оценок; затем методом случайной выборки генерируются тысячи (как правило, 10 000 – 100 000) сценариев, для каждого из которых рассчитывается значение прогнозируемого показателя прибыли. Результатом является вероятностное распределение прогнозируемой прибыли [5].

Метод обеспечивает ряд неоспоримых преимуществ: учёт корреляций между факторами, оценку меры риска (Value-at-Risk, CVaR), визуализацию «веерных» прогнозов и доверительных интервалов. Практическая реализация осуществляется в специализированных надстройках к MS Excel (Oracle Crystal Ball, @Risk компании Palisade) или в специализированных платформах (Analytica, Vose ModelRisk) [5].

Искусственные нейронные сети (ИНС) представляют собой класс нелинейных многопараметрических моделей, способных аппроксимировать произвольно сложные зависимости между входными и выходными переменными. Многослойный перцептрон (MLP) с одним скрытым слоем является универсальным аппроксиматором согласно теореме Хорника — Сторчмолла-Уайта. Для прогнозирования временных рядов финансовых показателей особую ценность представляют рекуррентные сети LSTM (Long Short-Term Memory), разработанные Хохрайтером и Шмидхубером, которые способны улавливать долгосрочные зависимости в последовательностях данных [3].

Среди алгоритмов ансамблевого обучения для прогнозирования финансовых результатов широко применяются:

- *Random Forest* — ансамбль деревьев решений, устойчивый к переобучению и обладающий встроенными возможностями оценки важности признаков;
- *Gradient Boosting* (XGBoost, LightGBM, CatBoost) — последовательные ансамбли, минимизирующие функцию потерь и демонстрирующие наивысшую точность на большинстве табличных задач прогнозирования;
- (SVR) — метод опорных векторов в задаче регрессии, эффективный при работе с высокоразмерными данными и нелинейными зависимостями [5].

По результатам метаанализа, проведённого Т. Хеатоном, Дж. Полсоном и Дж. Гу, методы машинного обучения (в частности, нейронные сети и ансамблевые алгоритмы) систематически превосходят традиционные статистические модели при прогнозировании финансовых показателей компаний при условии наличия достаточного объёма обучающих данных [1]. Вместе с тем критическим ограничением нейросетевых методов является их низкая интерпретируемость, что существенно затрудняет их использование в целях управленческой отчётности и аудита прогнозов.

Оптимизационный подход к прогнозированию прибыли предполагает не экстраполяцию исторических тенденций, а нахождение оптимального значения прибыли при заданных ограничениях на ресурсы, производственные мощности, рыночный спрос и прочие условия.

Теория нечётких множеств, предложенная Л. А. Заде, открывает возможности для прогнозирования финансовых результатов в условиях неполноты и неточности исходной информации [1]. В рамках нечёткого подхода входные параметры задаются лингвистическими переменными («высокий», «средний», «низкий» уровень прибыли) с соответствующими функциями принадлежности. Нечёткая логика особенно востребована в задачах прогнозирования показателей малых предприятий, где объём исторических данных недостаточен для применения статистических методов, а также при прогнозировании в условиях качественных изменений бизнес-среды [1].

Экспертные методы прогнозирования основаны на систематизированном использовании профессиональных суждений специалистов — аналитиков, менеджеров, отраслевых экспертов. Они незаменимы в ситуациях, когда: (а) статистические данные недостаточны или недоступны; (б) прогнозируемые явления носят качественный характер; (в) возможны структурные разрывы и «чёрные лебеди», не поддающиеся количественному моделированию [3].

К основным экспертным методам относятся: метод Дельфи, метод анализа иерархий (МАИ), сценарные мастерские и морфологический анализ.

Метод Дельфи (*Delphi method*), разработанный в корпорации RAND в 1950-х годах О. Хелмером и Н. Далки, представляет собой итерационную процедуру анонимного опроса группы экспертов с последовательным уточнением оценок. Методологические принципы метода Дельфи включают:

- *анонимность* — эксперты не знают мнений друг друга в каждом туре, что исключает давление авторитетов;

- *итеративность* — проводится несколько (как правило, 3–4) последовательных туров опроса;

- *обратная связь* — после каждого тура участники получают статистическую сводку ответов и могут пересмотреть свои оценки;

- *статистическая обработка результатов* — итоговая оценка определяется как медиана индивидуальных прогнозов с расчётом межквартильного размаха.

Применительно к прогнозированию прибыли метод Дельфи используется для оценки ключевых допущений финансовых моделей (темпов роста рынка, уровня цен конкурентов, изменений регуляторной среды), которые не поддаются количественному прогнозированию, но существенно влияют на финансовые результаты организации [2].

Метод анализа иерархий (МАИ), разработанный Т. Л. Саати, представляет собой структурированную технику принятия решений и прогнозирования, основанную на попарных сравнениях альтернатив и критериев [2]. В контексте прогнозирования прибыли МАИ применяется для оценки относительной вероятности различных сценариев развития и определения их весовых коэффициентов.

МАИ широко используется в стратегическом финансовом планировании при оценке инвестиционных проектов, сценарном анализе и определении приоритетов распределения ресурсов между бизнес-единицами с различными профилями прибыльности [2].

Метод построения сценариев (*scenario planning*), восходящий к работам П. Вака в Shell International в 1970-х годах, предполагает разработку нескольких последовательных и внутренне непротиворечивых описаний возможных будущих состояний внешней среды и соответствующих прогнозов финансовых результатов организации. В отличие от вероятностного (статистического) подхода, сценарный метод не претендует на точечную оценку прибыли, а формирует «пространство возможных будущих», в котором менеджмент должен быть готов действовать.

Процедура разработки финансовых сценариев включает: идентификацию ключевых факторов неопределённости (*driving forces*); определение осей сценарного пространства (как правило, два наиболее значимых и независимых фактора); конструирование 4 базовых сценариев как комбинаций полюсных значений осей; наполнение каждого сценария конкретными прогнозами финансовых показателей; разработку индикаторов — «ранних предупреждений» для мониторинга реализующегося сценария [2].

Морфологический анализ (метод морфологического ящика), предложенный швейцарским астрофизиком Ф. Цвикки, представляет собой комбинаторный метод систематического исследования всех теоретически возможных вариантов развития ситуации. Применительно к прогнозированию прибыли морфологическая матрица строится из ключевых параметров (объём продаж, уровень цен, структура затрат, ставка налогообложения и т. д.), для каждого из которых задаётся набор возможных значений. Комбинирование значений параметров позволяет получить полное пространство возможных финансовых результатов.

Метод дерева решений (*decision tree*) используется для прогнозирования прибыли в условиях последовательных неопределённых событий. Узлы дерева соответствуют точкам принятия решений или случайным событиям (развилкам), ветви — возможным исходам с присвоенными вероятностями. Итоговое прогнозное значение прибыли определяется как математическое ожидание по всем путям дерева. Данный метод особенно эффективен при прогнозировании результатов поэтапных инвестиционных проектов и при наличии опционных характеристик бизнеса [1].

Проведённый сравнительный анализ методов прогнозирования финансовых результатов позволяет сформулировать следующие выводы.

Статистические методы (тренд-анализ, скользящая средняя, экспоненциальное сглаживание, ARIMA) обеспечивают высокую точность краткосрочных прогнозов при наличии стационарных временных рядов достаточной длины, однако плохо справляются со структурными разрывами и нелинейными эффектами.

Экономико-математические методы (финансовые модели, имитационное моделирование, нейронные сети, оптимизационные модели, нечёткая логика) обеспечивают наибольшую гибкость и аналитический потенциал, однако требуют значительной информационной и технологической базы, а нейросетевые модели страдают от низкой интерпретируемости результатов.

Экспертные методы (Дельфи, МАИ, сценарные мастерские, морфологический анализ, дерево решений) незаменимы при прогнозировании в условиях высокой неопределённости, отсутствия достаточной статистики или качественных изменений бизнес-среды, но несут в себе субъективность и ограниченную верифицируемость.

Наиболее точные и надёжные прогнозы финансовых результатов обеспечивают комбинированные ансамблевые подходы, сочетающие количественные и качественные методы с процедурой взаимной верификации.

В заключение заметим, что специфика казахстанской деловой среды обусловливает целесообразность использования многоуровневой системы прогнозирования, включающей статистические методы для краткосрочного горизонта, финансовое моделирование — для среднесрочного и сценарно-экспертные методы — для долгосрочного планирования.

Список литературы

1. Алибеков Б. А. Финансовое планирование в условиях казахстанской экономики : монография. Алматы: Экономика, 2019. 248 с.
2. Бригхэм Ю. Ф., Эрхардт М. С. Финансовый менеджмент; пер. с англ. 10-е изд. СПб. : Питер, 2019. 960 с.
3. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию; пер. с англ. 2-е изд. М. : Олимп-Бизнес, 2017. 320 с.
4. Стоянова Е. С. Финансовый менеджмент: теория и практика. 6-е изд. М. : Перспектива, 2020. 656 с.
5. Хорнгрен Ч. Т., Фостер Дж., Датар Ш. Управленческий учёт; пер. с англ. 10-е изд. СПб. : Питер, 2008. 1008 с.

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ И ПОИСКОМ СМЫСЛА

С. М. Кабакова

Научный руководитель: Ю. С. Галынская, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kabakova.sofya2003@gmail.com, barlak@list.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностных ориентаций студентов Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). Эмпирической базой выступили данные опроса 150 обучающихся первого и третьего курсов, проведённого с использованием методики М. Рокича. Выявлены приоритетные терминальные и инструментальные ценности, а также различия в ценностной структуре в зависимости от направления подготовки. Полученные результаты позволяют говорить о сочетании традиционных для российской молодёжи ориентаций на семью, здоровье и материальное благополучие с усилением значимости индивидуальной автономии и прагматичных ценностей-средств.

Ключевые слова: ценностные ориентации студентов, терминальные и инструментальные ценности, профессиональная социализация, гибридный характер ценностей.

Актуальность изучения ценностных ориентаций студенчества обусловлена тем, что студенческий возраст является сензитивным периодом формирования устойчивой системы ценностей, определяющей профессиональное самоопределение и жизненные стратегии [4, 5]. В условиях социальных трансформаций именно студенты выступают группой, наиболее чутко реагирующей на изменения [1].

Особый интерес представляет сравнение ценностных систем студентов младших и старших курсов, поскольку обучение в вузе влияет не только на профессиональные знания, но и на личностное развитие [2]. В работе анализируются ценностные ориентации студентов направлений «Гостиничное дело», «Туризм», «Психолого-педагогическое образование», что позволяет выявить специфику, обусловленную профилем будущей деятельности.

Целью данного исследования является выявление структуры ценностных ориентаций студентов СибУПК.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1. Выявить приоритетные терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) ценности в общей выборке студентов.
2. Определить различия в иерархии ценностей у студентов, обучающихся на разных направлениях подготовки («Гостиничное дело», «Психолого-педагогическое образование», «Туризм»).
3. Проанализировать специфику ценностных ориентаций студентов младших (1 курс) и старших (3 курс) курсов для оценки влияния образовательного процесса на личностное развитие.

Объектом исследования выступают ценностные ориентации, предмет — их содержание и иерархия.

Исследование носит эмпирический характер. Для сбора и анализа данных использовались следующие методы и инструменты.

Метод сбора данных: письменный опрос (анкетирование).

Инструмент: методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (адаптированный вариант). Респондентам предлагалось ранжировать два списка ценностей: терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства).

Методом обработки данных для исследования выступает описательная статистика, включающая расчёт средних рангов и частотный анализ для выявления наиболее и наименее значимых ценностей в каждой группе.

Результат проведённой работы имеет теоретическую и практическую значимость, а именно:

- исследование вносит вклад в изучение процессов профессиональной социализации и формирование личности в студенческом возрасте, подтверждая, что вуз является не только транслятором знаний, но и институтом формирования ценностной системы;

- данные могут использоваться в воспитательной работе, для адаптации учебных планов и программ внеучебной деятельности с учётом ценностных приоритетов студентов разных факультетов.

Понимание доминирующих ценностей и потенциальных конфликтов в их структуре помогает психологическим службам вуза выстраивать более эффективную психологическую поддержку и профориентационную работу для обучающихся.

Ценностная структура студентов носит гибридный характер (традиционные и индивидуалистические ценности); при этом приоритеты могут различаться в зависимости от направления профессиональной подготовки [3].

Эмпирическую базу составили данные, полученные в Сибирском университете потребительской кооперации (г. Новосибирск) в период с октября по декабрь 2025 года. Опрошено 150 студентов первого и третьего курсов: «Гостиничное дело» (50 чел.), «Туризм» (50 чел.), «Психолого-педагогическое образование» (50 чел.).

Использовалась методика М. Рокича «Ценностные ориентации» (адаптированный вариант) [4]. Респонденты ранжировали терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) ценности. Обработка данных: описательная статистика (средние ранги, частотный анализ).

Результаты исследования

1. Терминальные ценности (ценности-цели).

Терминальные ценности отражают представления студентов о главных целях жизни. Проведённый анализ выявил как общие закономерности, так и специфические различия в их выборе среди опрошенных групп (табл. 1).

Таблица 1

**Приоритетные терминальные ценности студентов
по направлениям подготовки**

Направление подготовки	Приоритетные терминальные ценности
Туризм	Интересная жизнь, свобода поступков, любовь
Гостиничное дело	Семейная безопасность, забота о родных
Психолого-педагогическое образование	Саморазвитие, карьера и успехи

Примечание: в таблице приведены средние ранги по объединённой выборке студентов 1-го и 3-го курсов.

Туризм: лидирует «интересная жизнь» — стремление к насыщенному опыту, новым впечатлениям. Высокие ранги «свободы поступков» и «любви» указывают на значимость автономии и глубоких эмоциональных связей. Это согласуется с профессиональной мобильностью и коммуникабельностью.

Гостиничное дело: выбор в пользу семейной безопасности и заботы о родных говорит о том, что студенты ценят стабильность и надёжность. Вероятно, так они подсознательно компенсируют высокую нагрузку, с которой неизбежно сталкивается специалист в индустрии гостеприимства.

Психолого-педагогическое образование: выбор в пользу «саморазвития» и «профессиональных достижений» показывает, что студенты нацелены на интеллектуальный рост и стремятся к высоким результатам, а это как раз то, что важно в педагогической деятельности [5].

2. Инструментальные ценности (ценности-средства) (табл. 2).

Таблица 2

Приоритетные ценности-средства в направлениях подготовки

Направление подготовки	Приоритетные инструментальные ценности
Туризм	Открытость новому опыту, автономия
Гостиничное дело	Добросовестность, честность
Психолого-педагогическое образование	Помощь окружающим, эмоциональная устойчивость

Туризм: для студентов этого направления важны открытость ко всему новому и независимость, потому что в работе туристической сферы постоянно приходится адаптироваться и действовать самостоятельно.

Гостиничное дело: главные качества — это добросовестность и честность, без них не построить доверие с клиентом.

Психолого-педагогическое образование: здесь важны помощь окружающим и эмоциональная устойчивость — это и есть суть их будущей работы, где без эмпатии и терпения просто не обойтись [5].

Результаты показывают: то, что студенты считают важным, во многом определяется их будущей профессией. Студенты сервисных направлений

ориентированы на открытость миру, автономию (туризм) и надёжность, семейную стабильность (гостиничное дело). Будущие педагоги нацелены на саморазвитие, профессиональные достижения и альтруистические ценности.

Выявленные различия подтверждают, что профессиональная социализация начинается уже в вузе: студенты интернализируют ценности, соответствующие избранной сфере [2, 4]. Сочетание традиционных (семья, забота о близких) и индивидуалистических (автономия, свобода) ценностей подтверждает гибридный характер ценностной структуры современной молодёжи [1].

Исследование показало, что ценностная структура студентов СибУПК имеет выраженную специфику в зависимости от направления подготовки.

Туризм: интересная жизнь, свобода, автономия, открытость новому опыту. Гостиничное дело: семейная безопасность, добросовестность, честность.

Психолого-педагогическое образование: саморазвитие, профессиональные достижения, помощь окружающим, эмоциональная устойчивость.

Перспективным направлением является сравнительный анализ ценностных ориентаций студентов младших и старших курсов в разрезе каждого направления.

Список литературы

1. Журавлёва Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе : монография. М. : Институт психологии РАН, 2014. 336 с.
2. Зобков В. А. Методология личностного развития : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 172 с. URL: <https://urait.ru/bcode/466606> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Камалова М. И. Ценностные ориентации современной российской молодёжи: публичная политика как пространство формирования // Молодёжь в современном мире: проблемы и перспективы : сб. статей / под ред. А. Б. Курлова. Уфа, 2014. С. 112–118.
4. Морозюк С. Н. Психология личности. Психология характера : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. 217 с. URL: <https://urait.ru/bcode/564457> (дата обращения: 17.03.2026).
5. Каракулова О. В., Степаненко С. П., Буравлева Н. А. Психология ценностей личности : учебн.-метод. пособие. Томск : Издательство ТГПУ, 2024. 99 с. URL: <https://fulltext.tspu.ru/OA/m2024-6.pdf> (дата обращения: 17.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Калиев

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kaliyev_1994@internet.ru

В статье анализируются ключевые проблемы квалификации вымогательства в современном уголовном праве Российской Федерации, включая разграничение с гражданско-правовыми отношениями, особенности установления угрозы как обязательного признака состава преступления, а также специфику квалификации вымогательства с использованием информационных технологий. На основе анализа судебной практики предложены меры по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: вымогательство, квалификация преступлений, угроза, преступления против собственности, судебная практика, кибервымогательство.

Актуальность темы. Среди преступлений против собственности вымогательство занимает особое место, обусловленное его двуобъектной природой: данное деяние одновременно посягает на имущественные интересы потерпевшего и его личную безопасность. Указанное свойство определяет не только повышенную общественную опасность рассматриваемого состава, но и объективную сложность его разграничения со смежными деяниями в практической деятельности правоохранительных органов.

Развитие цифровых коммуникаций и трансформация общественных отношений обусловили появление принципиально новых форм вымогательства, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Это, в свою очередь, порождает дополнительные трудности как при установлении признаков состава, так и при доказывании обстоятельств дела. Между тем действующий механизм уголовно-правового регулирования не в полной мере учитывает данные реалии, а правоприменительная практика остаётся недостаточно единообразной.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем квалификации вымогательства и разработка научно обоснованных предложений по устранению пробелов в правоприменительной практике.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- углублённый анализ элементов состава вымогательства, предусмотренного ст. 163 УК РФ;
- определение критериев отграничения вымогательства от гражданско-правовых требований;
- обобщение судебной практики по делам данной категории;

- характеристика кибервымогательства как самостоятельной криминологической формы;
- формулирование предложений по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Методология. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системно-аналитический методы, применённые при изучении норм уголовного законодательства, а также сравнительно-правовой метод и метод обобщения судебной практики. Использование данной методологии обеспечивает как теоретическую обоснованность, так и практическую направленность сформулированных выводов.

Основные проблемы квалификации вымогательства

Угроза как конститутивный признак состава. Центральным элементом объективной стороны вымогательства выступает требование, подкреплённое угрозой. Законодатель закрепил три альтернативные её разновидности: угроза применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, а также распространения сведений, способных существенно нарушить права и законные интересы потерпевшего или его близких.

На практике наибольшую сложность представляет оценка реальности угрозы. Верховный Суд РФ последовательно придерживается позиции, согласно которой критерием служит субъективное восприятие потерпевшего: угроза признаётся реальной, если у него имелись достаточные основания опасаться её исполнения исходя из конкретных обстоятельств дела. Намерение виновного фактически реализовать угрозу при этом не является обязательным признаком состава [2]. Вместе с тем оценочный характер данного критерия неизбежно порождает неоднородность судебных решений по схожим фактическим ситуациям.

Разграничение с гражданско-правовыми отношениями. Одной из наиболее дискуссионных остаётся проблема разграничения вымогательства и правомерного истребования исполнения гражданско-правового обязательства [3]. Внешнее сходство данных ситуаций нередко создаёт условия для правовой неопределённости: кредитор, требующий возврата долга под угрозой «мер воздействия», формально воспроизводит конструкцию вымогательства.

Решающим разграничительным критерием является не содержание имущественного требования, а способ воздействия на волю обязанного лица. Наличие угрозы, направленной на психическое принуждение и подавление свободного волеизъявления, свидетельствует о составе вымогательства вне зависимости от того, является ли само требование обоснованным с точки зрения гражданского права [4]. Именно субъективный критерий — осознание виновным незаконности избранного способа — служит водоразделом между уголовно наказуемым деянием и гражданско-правовым спором.

Кибервымогательство: новые вызовы квалификации. Широкое распространение цифровых коммуникаций сформировало устойчивую тенденцию к дистанционному совершению вымогательства посредством интернета, мессенджеров, электронной почты и иных платформ. Данная форма преступной деятельности обладает рядом характеристик, существенно осложняющих её правовую оценку.

Во-первых, анонимность виновного и трансграничный характер коммуникации затрудняют его установление и создают препятствия для сбора допустимых доказательств. Во-вторых, действующая редакция ст. 163 УК РФ не содержит квалифицирующего признака, прямо предусматривающего ответственность за совершение вымогательства с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что порождает неоднозначность при квалификации таких деяний [1]. В-третьих, использование программ-вымогателей (ransomware) и технологий социальной инженерии требует специальных криминалистических знаний, которыми располагают далеко не все следователи.

Доказывание субъективной стороны. Вымогательство характеризуется исключительно прямым умыслом и обязательной корыстной целью. Доказывание этих признаков традиционно представляет значительную сложность, поскольку они относятся к внутренней психической сфере лица. На практике об умысле, как правило, свидетельствует совокупность косвенных признаков: характер угроз, обстановка их высказывания, поведение виновного до и после предъявления требования, переписка и цифровые следы [5].

Теоретическая и практическая значимость. Сформулированные в исследовании выводы могут быть востребованы в нескольких направлениях. В нормотворческой деятельности — при разработке поправок к статье 163 УК РФ в части закрепления квалифицирующего признака кибервымогательства. В правоприменении — при формировании позиций по конкретным делам и разработке ведомственных методических материалов. В учебном процессе — при изучении дисциплин «Уголовное право» и «Актуальные проблемы квалификации преступлений».

Выводы и предложения. Проведённое исследование позволяет констатировать, что практические затруднения при квалификации вымогательства обусловлены тремя взаимосвязанными факторами: оценочной природой признака угрозы, структурной близостью данного состава к гражданско-правовым отношениям, а также недостаточностью нормативного регулирования применительно к цифровым формам преступности.

В целях устранения обозначенных проблем представляется обоснованным реализовать следующий комплекс мер:

1) законодательное уточнение признаков угрозы в диспозиции статьи 163 УК РФ с целью снижения её оценочного характера и повышения определённости правоприменения;

2) введение в ч. 2 ст. 163 УК РФ самостоятельного квалифицирующего признака, предусматривающего ответственность за вымогательство с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;

3) разработка Верховным Судом РФ актуализированных разъяснений, устанавливающих чёткие критерии разграничения вымогательства с самоуправством (ст. 330 УК РФ) и гражданско-правовыми отношениями;

4) формирование специализированных методических рекомендаций по исследованию кибервымогательства, включая стандарты работы с цифровыми доказательствами и криптовалютными транзакциями;

5) организация систематической профессиональной подготовки следователей в области цифровой криминалистики и современных способов совершенства дистанционных имущественных преступлений;

6) расширение механизмов защиты потерпевших, в том числе посредством обеспечения конфиденциальности их персональных данных на стадии предварительного расследования;

7) развитие профилактической деятельности, направленной на повышение правовой грамотности населения и информирование граждан о типичных схемах вымогательства.

Таким образом, эффективное противодействие вымогательству в современных условиях возможно исключительно на основе интегрированной стратегии, объединяющей совершенствование уголовного законодательства, консолидацию судебной практики, развитие следственного инструментария и инвестиции в профессиональную подготовку кадров.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
3. Боровиков В. Б. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник. М. : Юрайт, 2021. 468 с.
4. Обзор судебной практики по делам о вымогательстве / Верховный Суд Российской Федерации. М., 2022. 38 с.
5. Лопашенко Н. А. Квалификация преступлений против собственности : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 280 с.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. К. Калиева

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
Aidashka_uka@mail.ru

В статье анализируются ключевые проблемы квалификации мошенничества в современном уголовном праве Российской Федерации, включая разграничение с гражданско-правовыми отношениями, оценочный характер признаков обмана и злоупотребления доверием, а также особенности квалификации цифровых форм мошенничества. На основе анализа судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации предложены меры по совершенствованию правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: мошенничество, квалификация преступлений, обман, злоупотребление доверием, судебная практика, цифровое мошенничество.

Мошенничество является одной из наиболее распространённых и сложных форм преступлений против собственности. В условиях развития рыночной экономики и цифровых технологий наблюдается устойчивый рост преступлений, совершаемых путём обмана [1]. При этом правоприменительная практика свидетельствует о наличии значительных трудностей при квалификации данных деяний.

Несмотря на наличие нормативного регулирования, в том числе статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2], правоприменение остаётся неоднозначным. Это обуславливает необходимость комплексного анализа существующих проблем и выработки подходов к их разрешению.

Анализ судебной практики показывает, что квалификация мошенничества сопряжена с рядом устойчивых проблем. Прежде всего это связано с оценочным характером таких признаков, как «обман» и «злоупотребление доверием» [3].

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обман может выражаться как в сообщении ложных сведений, так и в сокрытии информации. При этом он может касаться не только фактических обстоятельств, но и намерений лица [2]. Однако на практике доказать наличие первоначального умысла на хищение зачастую затруднительно.

Существенной проблемой является разграничение мошенничества и гражданско-правовых отношений. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что неисполнение договорных обязательств само по себе не образует состава преступления [2]. Тем не менее на практике нередко происходит необоснованная криминализация гражданско-правовых споров.

По мнению автора, ключевая проблема заключается в отсутствии чётких критериев установления первоначального преступного умысла. Следственные органы зачастую исходят из факта неисполнения обязательств, не уделяя должного внимания анализу поведения лица на стадии заключения сделки.

Дополнительные сложности возникают при квалификации мошенничества с использованием цифровых технологий. Распространение интернет-торговли, дистанционного банковского обслуживания и электронных платежей обусловило рост новых форм преступности [5].

С учётом правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации деяния, связанные с незаконным завладением денежными средствами с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, подлежат квалификации с применением специальных норм уголовного законодательства, в том числе статей 159.1 – 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Вместе с тем на практике разграничение указанных составов преступлений вызывает существенные затруднения.

Особую сложность представляет установление субъективной стороны мошенничества. Для правильной квалификации необходимо доказать наличие прямого умысла, направленного на хищение имущества. Это предполагает анализ совокупности доказательств, включая переписку, поведение лица и иные обстоятельства [3].

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что совокупность выявленных затруднений при квалификации мошенничества определяется прежде всего оценочной природой ключевых признаков данного состава, устойчивой сложностью разграничения уголовно наказуемого деяния и гражданско-правового нарушения, а также стремительной экспансией цифровых форм преступной деятельности, кардинально изменивших облик современного мошенничества. Масштабное проникновение интернет-технологий во все сферы общественной жизни сформировало принципиально новые механизмы обмана, ранее недоступные преступникам, и сделало данную сферу одной из наиболее динамично криминализирующихся [4].

В целях повышения эффективности правоприменения представляется необходимым: разработать единые методические рекомендации по установлению признаков обмана и злоупотребления доверием; законодательно уточнить критерии отграничения мошенничества от гражданско-правовых споров; обеспечить последовательное единообразие судебной практики; укрепить профессиональную компетентность сотрудников правоохранительных органов в сфере расследования цифровых преступлений; сформировать систему превентивных мер и повысить правовую осведомлённость населения.

Осведомлённость граждан о способах совершения мошенничества позволяет существенно снизить риск стать жертвой преступления [4].

Повышение правовой культуры общества способствует снижению уровня латентной преступности и укреплению доверия к правоохранительным органам.

Не менее значимой является задача повышения профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, особенно в части расследования преступлений, совершаемых с использованием современных цифровых

технологий. В данном направлении в МВД РК Казахстана создан департамент по борьбе с киберпреступностью, который включает обученных IT-сотрудников для большего раскрытия интернет-мошенничества.

Наряду с изложенным эффективное противодействие мошенничеству предполагает модернизацию инструментария его выявления и расследования — в первую очередь внедрение современных средств цифровой криминалистики и аналитических платформ, позволяющих оперативно документировать преступления в информационно-телекоммуникационной среде.

В конечном счёте результативная борьба с мошенничеством достижима лишь на основе комплексной стратегии, объединяющей совершенствование нормативно-правовой базы, формирование устойчивой судебной практики и наращивание следственного потенциала правоохранительных органов. Неотъемлемой составляющей этой стратегии служит правовое просвещение населения: гражданин, осведомлённый о типичных схемах мошенничества и способах защиты своих прав, значительно менее уязвим для преступного воздействия. Повышение правовой культуры общества одновременно снижает латентность преступлений и укрепляет доверие к системе правосудия, а значит, должно рассматриваться не как вспомогательная мера, а как полноценный элемент уголовно-правовой политики.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48.
3. Козочкин И. Д. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник. М. : Проспект, 2022. 560 с.
4. Боровиков В. Б. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2021. 400 с.
5. Верховный Суд Российской Федерации: обзор судебной практики по делам о мошенничестве. URL: <https://www.vsrfg.ru> (дата обращения: 14.03.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

М. К. Киреева

Научный руководитель: Д. Ю. Ануфриева, *д-р пед. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ch_pedagog@sibupk.nsk.su

В работе проведен анализ теоретических подходов к пониманию сущности и содержания психолого-педагогического процесса профессионального самоопределения подростков. Раскрыты ключевые теоретические проблемы в данной области, предложен авторский подход к пониманию того, что следует считать результатом психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, психолого-педагогическое сопровождение, подростки, самосознание, потребности, выбор профессии.

Актуальность исследования. Выбор пути профессионального развития подростка является важнейшим этапом его взросления, приходящимся на период окончания школы. Осуществление такого выбора напрямую влияет на будущие благополучие подростка и перспективы его вклада в общество, его социально-экономическое развитие. Однако сопровождение данного процесса часто сопряжено с определенными трудностями. Актуальность рассматриваемой в статье проблематики состоит в том, что современные подростки подходят к выбору направлений своего профессионального самоопределения в условиях быстро меняющегося рынка труда и смены ценностных ориентаций. В таких условиях особую важность приобретает создание системы эффективного психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков.

Цель исследования: раскрыть сущность и актуальные аспекты психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков.

Задачи исследования:

- представить понятие профессионального самоопределения подростков с позиций психологии и педагогики;
- рассмотреть содержание и подходы к определению результатов психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков;
- выделить ключевые теоретические проблемы психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков.

Методы и инструменты исследования. Методологической основой исследования послужил системный подход к его выполнению с использованием методов, адекватных поставленной цели. В качестве методов исследования были применены библиографический и теоретический анализ, синтез, обобщение, элементы проблемного анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к определению сущности профессионального самоопределения подростков и его психолого-педагогическому сопровождению. Предложено авторское определение понятия психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков и того, что следует считать результатом такого сопровождения.

Юношеский возраст — это не только период масштабных эмоциональных и когнитивных преобразований, формирования самосознания, относительно устойчивого Я-образа и чувства взрослости у подростка, но и время поиска профессиональной идентичности.

Проблема профессионального самоопределения подростков достаточно сложная, что во многом определяется комплексным характером самого понятия и наличием большого количества подходов к его трактовке. Так, с позиций психологического подхода профессиональное самоопределение подростков рассматривается в качестве одно из критериев психического развития, формирование которого свидетельствует о готовности молодого человека (или девушки) к тому, чтобы стать полноценным членом общества, осуществлять полезную деятельность. С позиций педагогики профессиональное самоопределение подростков связывается с открывающимися возможностями поиска и активного выбора своей жизненной позиции, осознания смысла будущей профессиональной деятельности в единстве образовательного и профессионального пространства [1]. С педагогических позиций изучения проблемы профессионального самоопределения подростков неизменно отмечается значимая роль образовательных организаций в данном процессе.

При этом педагогическое сопровождение предполагает создание специальных условий личности: профессионального самоопределения обучающихся, возможность знакомства их с миром профессий.

Обращение к содержанию Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования позволяет отметить, что данный документ ставит перед школой задачи восприятия успешной и конкурентоспособной личности, а также задачу создания условий для профессионального самоопределения школьников. Эти задачи напрямую связаны с выбором подростком будущей профессии. Вместе с тем такой выбор должен осуществляться осознанно, на основании сформированной внутренней готовности подростка к самостоятельному планированию.

Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков также является многоаспектной категорией, содержание которой не ограничивается только созданием специальных условий, ему способствующих, в образовательной организации. Такое сопровождение представляет собой целую систему действия и взаимодействия педагогов, психологов, специалистов по профессиональной ориентации, направленную на оказание помощи подросткам в осознанном выборе будущей профессии, с учетом целого ряда личностных, ценностных, социальных и иного рода факторов. С позиций психологии данный процесс включает оказание поддержки подростку

в самопознании, выявлении и анализе собственных способностей, раскрытии и уяснении потребностей, осознании возможностей выбора [2]. С позиций педагогики психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков помимо создания соответствующих условий, способствующих проведению выбора направлений профессионального развития, включает также процесс построения образовательной и профессиональной траектории, оказание помощи в изучении, раскрытии особенностей различных профессий, проведение просветительской работы и иные направления [2].

Оказавшись перед необходимостью выбора профессии, подросток, как правило, занимает активную позицию, поскольку ему предстоит выстроить собственную индивидуальную траекторию развития, аккумулировать представления о себе, своих способностях, а также имеющиеся знания о профессиях. При этом представления подростка о мире профессий зачастую сформированы в условиях информационного дефицита и слабых связей системы школьной профориентации и реальными жизненными ситуациями. Кроме того, на выбор профессии и профессиональное самоопределение подростка оказывает влияние большое число внешних факторов, таких как позиция родителей, мнения друзей и одноклассников, влияние педагогического коллектива образовательной организации, а также ориентация на общественный престиж профессии, ее социальный статус.

В современных образовательных организациях применяется сразу несколько подходов к пониманию сущности и содержания психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков. Среди них можно выделить:

- системный подход, опирающийся на создание системной работы по профессиональной ориентации в образовательной организации;
- информационный подход, сконцентрированный на подробном информировании обучающихся о мире профессий;
- компетентностный подход, предполагающий формирование и развитие у подростков ключевых социальных компетенций, способствующих профессиональному самоопределению [3].

Следует согласиться с Н. И. Макиенко в том, что «одним из основополагающих при этом выступает компетентностный подход, который организует усвоение предметных, метапредметных и личностных компетенций в профессиональном самоопределении подростка». Но не следует недооценивать также и преимущества системного подхода, применение которого обладает большим потенциалом, поскольку позволяет обучающимся ознакомиться со спецификой различных профессий. Кроме того, интеграция в процесс психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков современных информационно-коммуникационных технологий позволяет существенно облегчить и ускорить процесс сопровождения, так как в данном случае их проведение возможно непосредственно в рамках образовательной организации.

Анализ теоретических подходов и существующих практик реализации психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения

подростков показывает, что ключевой теоретической проблемой в данной области является отсутствие единого понимания того, что следует считать содержанием такого сопровождения и его результатом. Отсутствие однозначности в данных подходах на практике часто приводит к тому, что разрабатываемые и реализуемые программы психолого-педагогического сопровождения подростков сводятся к проведению профориентационных мероприятий и не уделяют достаточного внимания изучению личностных и иных психологических аспектов профессионального выбора подростков. Подростков недостаточно просто информировать о существующих профессиях, их содержании, сильных и слабых сторонах в контексте социальной динамики и саморазвития. Параллельно с этим необходимо развивать такие качества, способствующие процессам профессионального самоопределения, как мотивация, волевая регуляция, способность к рефлексии. Особое значение в реализации психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков имеет психодиагностическая осведомленность молодых людей о собственных возможностях.

Представляется, что в качестве результата психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков следует признать комплекс, включающий достаточную информированность молодых людей о профессиях, их содержании, специфике, психологическую готовность к выбору профессии, опирающуюся на самооценку своих возможностей, интересов и склонностей, а также устойчивую мотивацию к выбору профессионального направления или уже сформированную профессиональную идентичность.

Выстраивание эффективного процесса психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков должно отталкиваться от того факта, что категорию профессионального самоопределения нельзя объяснить исключительно внутренними, личностными качествами подростка или только влиянием внешней среды. Процесс такого сопровождения — это всегда комбинация специфического взаимодействия подростка и образовательной организации, ее психологической, профориентационной службы.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков в образовательных организациях должно носить комплексный характер и системный подход.

Еще одним слабым аспектом практической реализации психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков является недостаточная адресность данного процесса.

Выводы и рекомендации. Проведенное исследование позволило установить, что с позиций психолого-педагогического подхода профессиональное самоопределение подростков следует трактовать не просто как выбор молодыми людьми конкретной профессии, но и как процесс активного самопознания, саморазвития, соотнесения собственных интересов и склонностей со своими способностями и социальными условиями. Такое понимание сущности профессионального самоопределения подростков позволяет акцентировать внимание не на выборе подходящей профессии, а именно на формировании готовности к осознанному выбору пути профессионального развития и последующей профессиональной идентичности.

Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков в этой логике следует трактовать как создание условий, способствующих тому, чтобы подросток мог исследовать свои возможности и способности, расширить имеющиеся представления о мире профессий и в конечном итоге провести осознанный, самостоятельный и обоснованный выбор.

В качестве результата психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков следует признать комплекс, включающий достаточную информированность молодых людей о профессиях, их содержании, специфике, психологическую готовность к выбору профессии, опирающуюся на самооценку своих возможностей, интересов и склонностей, а также устойчивую мотивацию к выбору профессионального направления или уже сформированную профессиональную идентичность.

Полученные результаты и выводы исследования могут быть полезны педагогам, психологам, специалистам по профессиональной ориентации, осуществляющим психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения подростков, а также использованы для дальнейших теоретических и практических исследований.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Применение инновационных материалов: передовой опыт и экономическая оценка // *Общение в эпоху конвергенции технологий* : сб. науч. ст. М. : Психологический институт Российской академии образования, 2022. С. 348–386.
2. Двараковская Т. В. Теоретические и исторические основы профессионального самоопределения подростков // *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета*. 2023. № 3. С. 146–152.
3. Морозова Л. Б., Спехова М. В. Проблемы профессионального самоопределения подростков // *Нижегородский психологический альманах*. 2025. № 2. С. 87–94. URL: <https://psykaf417.esrae.ru/42-522> (дата обращения: 25.06.2026).

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

К. А. Коваленко

Научный руководитель: Т. М. Перевощикова, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
iva-tatiana@mail.ru

В работе рассмотрены актуальные и основные задачи применения искусственного интеллекта. Представлена методика компетентностно-ориентированного обучения, система контроля эффективности результатов обучения, обозначены типичные ошибки студентов при промпт-инжиниринге.

Ключевые слова: искусственный интеллект, компетенции, нейросети, компетентностно-ориентированное обучение, галлюцинации, бесплатные ИИ-сервисы, промпт-инжиниринг.

Каждая пятая компания в мире испытывает нехватку сотрудников, обладающих знаниями в области искусственного интеллекта. Поэтому интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в компетентностно-ориентированное обучение весьма актуальна. Она решает главную проблему современного образования: переход от накопления теоретических знаний к развитию практических навыков (*hard* и *soft skills*) в условиях быстро развивающихся технологий. Компании, инвестирующие в развитие этих компетенций, получают доступ к новым возможностям, снижают издержки и создают инновационные продукты быстрее своих конкурентов. В соответствии с этим современный рынок труда требует от выпускников учебных заведений не просто теоретических знаний, а сформированной компетенции в области работы с генеративным искусственным интеллектом. Умение создавать качественные промпты (текстовые запросы) и генерировать разнородный контент (тексты, графику, код) с помощью бесплатных ИИ-программ стало базовым навыком.

Однако здесь возникает противоречие. Компетенция работы с ИИ формируется исключительно в процессе выполнения уникальных, нешаблонных практических задач. Студенты разных специальностей имеют разный стартовый уровень цифровой грамотности и разные профессиональные интересы. В рамках обычных занятий по информатике знания по промпт-инжинирингу не дать, для этого требуются специальные курсы, которые будут направлены не просто на «зазубривание» шаблонов запросов, а для формирования компетентностного подхода.

Цель исследования — разработать и обосновать проблемно-ориентированную модель интеграции ИИ в процесс обучения студентов для создания промптов и медиаконтента, обеспечивающую автоматизированную оценку формируемых навыков.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить барьеры при оценке уникального текстового и визуального контента, созданного студентами в бесплатных ИИ-программах.

2. Спроектировать архитектуру интеллектуального ИИ-ассистента для автоматического анализа логики построения студенческих промптов.

3. Разработать критерии оценки метакомпетенций (критического мышления и навыка фактчекинга) при работе с ИИ.

4. Оценить степень доверия студентов бесплатным ИИ-инструментам и предложить методику выявления галлюцинаций ИИ и низкокачественного контента.

Методы и инструменты исследования:

— метод экспертной верификации: сопоставление оценок, выставленных преподавателем-человеком и ИИ-ассистентом при анализе студенческого контента;

— бесплатные текстовые LLM (Chat GPT, Google Gemini, Yandex GPT) как объект изучения и одновременно как инструмент для генерации персонализированных технических заданий для студентов;

— специализированные ИИ-агенты — настроенные нейросети, которые выступали в роли «судей», анализируя структуру студенческих запросов на наличие ролей, контекста и ограничений.

Теоретическая значимость состоит в переосмыслении понятия «цифровая компетентность». Выше сказано, что главным критерием успешности обучения является не итоговый файл (картинка или текст), а эффективность коммуникативной взаимосвязи человека с машиной: глубина проработки промпта, скорость выхода на целевой результат и способность критически оценивать галлюцинации ИИ.

Согласно сборнику НИУ ВШЭ, анализ статистических данных за 2025 год показал следующие результаты использования ИИ студентами в проектной деятельности [1]:

— 24 % студенческих работ в России содержат признаки использования генеративного ИИ. Это почти в 4 раза больше, чем в 2023 году — 5,3 % и в 2024-м — 17,8 %. Данные получены по результатам анализа 7 млн проверок более 2 млн студенческих работ системой «Антиплагиат»;

— 85 % студентов российских вузов активно применяют ИИ в учебной практике.

Основные направления использования ИИ студентами:

— поиск информации — 77 %;

— генерация и редактирование текстов, подготовка курсовых и дипломных работ — 43 %;

— решение задач по программированию, анализ данных, автоматизация рутинных операций — 38 %.

По направлениям подготовки:

— гуманитарные и социальные науки — 26,5 % работ с признаками ИИ;

— технические специальности — 13,4 %;

— естественно-научные направления — 10,4 %.

Из этого следует, что ИИ становится неотъемлемой частью учебного и проектного процесса студентов. Доля внедрения ИИ растет с каждым годом, так как позволяет ускорить или полностью заменить знания/незнания человека.

Кроме студентов, ИИ широко используют специалисты предприятий, педагогический состав для разработки учебных материалов и программ, а также

в повседневной работе (подготовка материалов, планирование занятий, административные задачи).

Практическая значимость исследования заключается в создании готового учебно-методического комплекса курса, позволяющего сформировать компетенции у студентов.

Нами был создан проект «Создание визуал-студии «За пределом пикселя»», конечной целью которого является обучение для формирования указанных компетенций в области практического применения технологий искусственного интеллекта. Апробация курса уже прошла среди некоторых студентов СибУПК. В настоящее время в проекте планируется расширение целевой аудитории: люди пенсионного возраста, неработающие и др. Применение дистанционных технологий позволит расширить и региональную привязку [2].

Концептуальная модель учебного курса

1. Архитектура компетенций в ИИ-ориентированном обучении.

Интеграция систем искусственного интеллекта в учебный процесс существенно трансформирует традиционную матрицу образовательных результатов, разделяя формируемые компетенции на три ключевых взаимосвязанных блока:

- *Hard Skills* (технические навыки): умение писать четкие запросы для ИИ (промпты). Навык создания картинок, озвучивания текста и простых анимаций в бесплатных нейросетях.

- *Soft Skills* (гибкие навыки): умение критически оценивать работу ИИ и проводить фактчекинг галлюцинации. Развитие чувства стиля. Навык планировать время при работе на разных ИИ-платформах.

- Продуктовое мышление (бизнес-навыки): умение понимать задачу заказчика и собирать из готовых ИИ-материалов работающий рекламный продукт для реального бизнеса.

2. Структура учебного курса и сквозной образовательный маршрут.

Разработанная авторами концептуальная модель представляет собой четырехэтапный маршрут по модулям, где каждый обучающийся создает собственный рекламный видеоролик «под ключ».

Модуль 1. Препродакш и концептуализация. На данном этапе искусственный интеллект выполняет функцию цифрового соавтора и интеллектуального ментора. Обучающиеся используют текстовую модель YandexGPT в интерфейсе «Алисы» (режим «Давай придумаем») для экспресс-анализа целевой аудитории, генерации креативных идей и написания текстового сценария рекламного ролика. Итоговым результатом модуля становится утвержденный текстовый бриф и подробная раскадровка проекта.

Модуль 2. Производство визуальных и аудиоактивов. Этот этап посвящен переносу текстовой концепции в плоскость цифровой медиагенерации с использованием бесплатных лимитов нейросетей. Параллельно с помощью доступных ИИ-генераторов звука осуществляется синтез голоса для озвучивания и подбор музыкального сопровождения, очищенного от авторских прав.

Модуль 3. Продакшн. Оживление статики. Данный шаг направлен на трансформацию статичных изображений в динамический видеоряд. Применяются

бесплатные инструменты ИИ-анимации, которые позволяют генерировать короткие видеофрагменты на основе ранее созданных картинок.

Модуль 4. Постпродакшн и сборка продукта. Финальный этап требует от обучающихся применения классических регулятивных и технических навыков монтажа. Сведение всех сгенерированных элементов в единый продукт производится в бесплатных мобильных или десктопных редакторах, таких как CapCut или VN Video Editor. На данном этапе осуществляются наложение субтитров, добавление звуковых эффектов, цветокоррекция и финальный рендеринг видеоролика [2].

Наиболее часто встречаемыми типичными ошибками обучающихся при промпт-инжиниринге на этапе взаимодействия с ИИ являются: абстрактность запросов; игнорирование целевой аудитории; лексическая несогласованность; избыточное описание.

3. Система контроля эффективности и оценивание результатов обучения.

1. Входной контроль. Оценка стартового уровня цифровой грамотности обучающихся для адаптации темпа подачи материала.

2. Промежуточный контроль. Оценка качества сформированных промптов и логики сценария по завершении первых двух модулей.

3. Итоговый КРП. Публичная защита созданного медиапродукта. Оценка выставляется на основе комплексных дескрипторов: соответствие брифу, техническое качество монтажа, оригинальность визуального ряда и глубина освоения ИИ-инструментов.

Таким образом, интеграция общедоступных ИИ-инструментов в систему компетентностно-ориентированного обучения позволит существенно упростить процесс освоения современных цифровых профессий. Опыт реализации предложенной программы показал, что система бесплатных программ (включая интеллектуальные функции «Алисы» и смежные ИИ-сервисы) является достаточной дидактической базой для формирования комплексных профессиональных компетенций. Использование данных инструментов успешно трансформирует обучающегося из пассивного потребителя информации в активного создателя востребованного цифрового контента.

Список литературы

1. Предметные рейтинги THE WUR 2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/predmetnye-reytingi-the-wur-2025>.
2. «Молодёжь России». URL: <https://myrosmol.ru/projects/67529ec6-b603-4945-922f-15c8880de607?section=b0a8ada9-d5ed-4696-82d7-792926d955ab>.

РОЛЬ БИЗНЕС-АНАЛИЗА В ОБОСНОВАНИИ НАПРАВЛЕНИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИИ

А. П. Краснощеков

Научный руководитель: И. П. Колечкина, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
krasnosekov@yandex.ru

В статье обосновывается роль бизнес-анализа в поддержке управленческих решений по направлениям финансирования инновационного развития организации. Рассмотрены источники финансирования инноваций, задачи бизнес-аналитика, преимущества внедрения аналитических систем. Предложена авторская схема сравнения альтернатив инновационных проектов

Ключевые слова: бизнес-анализ, инновационное развитие организаций, инвестиционная стратегия, финансовый анализ, оценка проектов.

Экономические и технологические реалии XXI века требуют серьезного внимания по вопросу исследования и внедрения продуктов для дальнейшего бизнес-анализа на предприятии.

Принятие решений, анализ внутренней и внешней среды организации и прочие процессы на сегодняшний день невозможны без грамотно-выстроенной структуры деятельности и учета всех влияющих факторов.

Цель работы — определить и систематизировать роль бизнес-анализа в обосновании направлений финансирования инновационного развития организации, а также предложить перечень аналитических критериев для сравнения инновационных альтернатив.

Для достижения поставленной цели и решения задач в работе был использован комплекс общенаучных и специальных методов исследования. Основой данного исследования послужил теоретический анализ обширного комплекса публикаций по рассматриваемой теме посредством критического осмысления. Была осуществлена попытка систематизации существующих представлений о бизнес-анализе инновационного развития и инновациях, что позволило сопоставить ключевые особенности аналитических инструментов различных инновационных проектов.

На сегодняшний день актуальность рассматриваемой темы обусловлена практической потребностью в эффективном развитии инвестиций и управлением ими. Стратегическая направленность данного метода характеризуется, прежде всего, оптимизацией внутренних процессов бизнеса, его развитием и адаптацией к современным условиям макроэкономического положения, которое отличается своей изменчивостью. В данном контексте система интерактивной многофакторной аналитики становится незаменимым инструментом для всестороннего анализа и принятия обоснованных управленческих решений

с возможностью своевременного устранения угроз и необходимой корректировке процессов предприятия.

Бизнес-анализ в рамках развития инновационного поля переходит на новый уровень, раскрывая скрытые потребности бизнеса. Претерпевая изменения, бизнес-анализ формирует многоуровневую систему управления изменениями, не исключая метод диагностики, а используя его как одно из средств оценки потенциального пути развития, на основе которого поэтапно осуществляется стратегическое планирование. Основными аспектами данного анализа выступают такие элементы, как осмысление данных, сбалансированная оценка рисков, детальное картирование бизнес-процессов, а также разработка планов и прогнозирование дальнейшей деятельности предприятия. Таким образом, бизнес-анализ воплощает собой обоснованность выбора приоритетного направления инновационного развития предприятия и его выгодную реализацию [2].

Современные инновации служат фундаментом для развития бизнеса, поскольку включены во все сферы жизнедеятельности. В контексте рыночной экономики их роль особенно заметна: применение новых технологий, техники и модернизированных подходов к организации производства и управлению напрямую влияет на экономическую устойчивость бизнеса. Это приводит к снижению производственных затрат, расширению рыночной доли за счёт освоения новых сегментов и, в конечном итоге, к увеличению прибыли, что делает инновации мощным антикризисным фактором.

В современных экономических условиях инновационная деятельность выступает обязательным компонентом стратегии развития любой крупной успешной компании. Внедрение инноваций способствует созданию новых видов продукции, услуг и технологий, что, в свою очередь, обеспечивает устойчивый рост организации и повышает её конкурентоспособность на рынке относительно других участников отрасли.

Инвестиционные проекты подразделяются на две основные категории: внутренние (к которым относится, например, модернизация производственных мощностей) и внешние (включающие приобретение новых компаний либо долей в них). Каждая из этих категорий обладает специфическими характеристиками и требует применения дифференцированного подхода при планировании и реализации.

Выбор инновационной стратегии представляет собой многоэтапный процесс, требующий системного подхода и стратегического видения. Первоочередная задача — провести всесторонний анализ организации, охватывающий её внутренние ресурсы, организационную структуру, операционные процессы и рыночную конкурентоспособность. На следующем этапе необходимо спрогнозировать результаты внедрения инноваций, учитывая как прямые эффекты (рост производительности, снижение издержек), так и косвенные (изменение клиентской базы, трансформация бизнес-модели).

Ключевой элемент анализа — моделирование потенциальных изменений не только внутри компании, но и на внешнем рынке: эволюция потребительского спроса, появление новых технологий, сдвиги в регуляторной среде. Параллельно следует провести тщательную оценку рисков — выявить потенциальные

проблемы (финансовые, операционные, репутационные), которые могут дестабилизировать работу организации, и определить степень их влияния. Такой комплексный подход позволяет сформировать взвешенную инновационную стратегию, сбалансированную с точки зрения возможностей и угроз.

Система стратегического инновационного развития и планирования играет ключевую роль в судьбе предприятия. Её основная задача — не просто определить текущий потенциал конкурентоспособности, но и создать условия для его роста. Благодаря этому компания укрепляет свои позиции на рынке, повышает уровень экономической безопасности и получает надёжную основу для долгосрочного функционирования. Иными словами, грамотное стратегическое планирование превращает потенциал в реальные конкурентные преимущества.

Инновационная стратегия предполагает реализацию взвешенных управленческих решений, направленных на повышение конкурентоспособности организации посредством расширения её технологической и инструментальной базы. Данный подход способствует существенному росту стратегического потенциала предприятия и укреплению его позиций на рынке [1].

Внедрение инноваций, а именно инновационных стратегий развития предприятия, может оказывать положительные и негативные эффекты. Среди положительных эффектов можно выделить сокращение использования объемов сырья в процессе производства, оптимизация производственных процессов, минимизация получения брака или испорченных товаров, предназначенных для реализации на рынке конечному потребителю. Однако присутствуют и негативные последствия внедрения инновационных стратегий, такие как необходимость в дополнительном финансировании для более быстрого и эффективного внедрения определённой стратегии в производство продукции, отсутствие специально обученного персонала с опытом работы в инновационной сфере.

Для эффективного развития и реализации любого крупного инновационного проекта потребуются большие средства финансирования, данный факт является главенствующим при принятии решения и внедрении какой-либо инновации на предприятие. Данный факт напрямую влияет на возможность активизации инновационной деятельности в производство, а также на создание льготных условий для предприятия, которое внедряет модернизированные технологии и осуществляет научно-исследовательскую деятельность.

Финансирование инновационной деятельности предприятия включает в себя следующие источники:

- а) средства, выделяемые из государственного бюджета;
- б) инвестиции местных бюджетов органов власти;
- в) средства государственных инновационных финансово-кредитных организаций;
- г) инвестиции физических и юридических лиц.

Рассмотрим роль бизнес-аналитиков в анализе финансирования инновационной деятельности предприятия.

Бизнес-аналитики используют финансовый анализ для выработки рекомендаций для принятия решения инвестировать в конкретную инициативу

изменений через сравнение различных решений или подходов к решению на основе анализа:

- начальных затрат и сроков, в которые эти затраты должны быть совершены;
- ожидаемых финансовых выгод и сроков их получения;
- текущих расходов на использование и поддержку решения;
- рисков, связанных с инициативой изменений;
- текущих рисков использования этого решения для бизнес-ценности.

Обычно используется комбинация различных техник анализа, поскольку каждая предоставляет отдельный ракурс. Руководители сравнивают результаты финансового анализа различных вариантов возможных инвестиций для принятия решений о том, какие инициативы изменений поддерживать.

Преимущества от внедрения бизнес-анализа в систему управления финансами:

- автоматически формировать отчеты с детализацией каждого показателя;
- анализировать расходы по проектам и категориям (детализация отчетов позволяет оперативно выявлять причины перерасхода средств) и прогнозировать будущие затраты;
- в режиме «здесь и сейчас» контролировать и корректировать исполнение бюджета;
- проводить анализ показателей рентабельности, ликвидности, платежеспособности с необходимой степенью детализации;
- сравнивать плановые сценарии для поиска оптимальной стратегии компании на период планирования;
- производить гибкое сравнение показателей прибылей и убытков по различным периодам, функция моделирования различных значений переменных и т. д.;
- планировать движение денежных средств, анализировать доходность будущей деятельности, а также планировать задолженности;
- агрегировать данные в единой базе данных и создавать гибкие отчеты;
- рассчитывать время финансового цикла для определения нормативного уровня денежных средств.

Система бизнес-аналитики является необходимым инструментом для движения в сторону проактивного управления финансовым результатом предприятия.

Можно сделать следующие выводы.

1. Бизнес-анализ является важным элементом обоснования инновационных решений. Без него компания рискует инвестировать в проекты с отрицательным NPV или неприемлемым уровнем риска.

2. Основные задачи бизнес-анализа в данной сфере — финансовое моделирование, анализ чувствительности, сравнение альтернатив по комплексу критериев.

3. Для повышения качества анализа необходимо внедрять специализированные платформы бизнес-аналитики, интегрированные с данными управленческого учета организации.

Практическая значимость исследования заключается в системе критериев, которая может быть использована финансовыми менеджерами и бизнес-аналитиками в российских компаниях.

Аналитика представляет логические рассуждения, рассматриваемые на базе проведенного анализа. Важной задачей аналитики данных является структурирование бизнес-процессов организации для выявления формирующихся закономерностей и аномальных зон, их корректировки и использования с целью улучшений функционирования.

Список литературы

1. Бекебаева М.О. Стратегии инновационного развития: понятие, сущность и классификация // *Science and Innovation*. 2024. № Special Issue 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-innovatsionnogo-razvitiya-ponyatie-suschnost-i-klassifikatsiya> (дата обращения: 09.11.2025).
2. Волнин В. Аналитическая фабрика: как настроить финансовую аналитику под задачи бизнеса: практическое руководство. М. : Альпина Пабlisher, 2021. 548 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1841926> (дата обращения: 08.11.2025).

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРИБЫЛИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С. М. Кугатова

Научный руководитель: И. Н. Мавлина, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
sabinchen@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты планирования и прогнозирования прибыли промышленного предприятия. На материалах ТОО «Central Asia Mining» (г. Усть-Каменогорск) проведён анализ действующих методов прогнозирования, выявлены их ключевые недостатки и предложен комплекс мер по совершенствованию финансового планирования.

Ключевые слова: планирование прибыли, прогнозирование прибыли, финансовые результаты, сценарный анализ, горнодобывающее предприятие, дебиторская задолженность, финансовое планирование.

Актуальность исследования. В условиях высокой волатильности сырьевых рынков, валютных колебаний и ужесточения конкуренции вопросы точного планирования и прогнозирования прибыли приобретают принципиальное значение для обеспечения устойчивого развития промышленных предприятий. Особую остроту данная проблема имеет для компаний горнодобывающей отрасли, чьи финансовые результаты напрямую зависят от конъюнктуры глобальных рынков металлов и сырья. Практика показывает, что традиционные методы прогнозирования — экстраполяция тренда и нормативное планирование — в условиях нестабильности утрачивают свою предсказательную силу, что приводит к существенным отклонениям фактических результатов от плановых показателей [1, 2].

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является анализ действующей системы планирования и прогнозирования прибыли на промышленном предприятии, выявление её ключевых недостатков и разработка рекомендаций по её совершенствованию. Для достижения цели поставлены следующие задачи: систематизировать применяемые методы прогнозирования; провести анализ финансовых результатов исследуемого предприятия за 2023–2025 гг.; оценить адекватность используемых инструментов планирования; предложить меры по повышению точности прогнозов.

Методы и инструменты исследования. В ходе исследования применялись методы сравнительного и системного анализа, факторный метод, расчётно-аналитический метод, а также экономико-математическое моделирование. Информационную базу составили данные бухгалтерской отчётности ТОО «Central Asia Mining» за 2023–2025 гг., включая бухгалтерский баланс, отчёт о прибылях и убытках (ОПиУ) и отчёт о движении денежных средств (ДДС).

Теоретические основы прогнозирования прибыли. Прибыль является центральным показателем эффективности деятельности организации, основным источником самофинансирования и важнейшим индикатором для инвесторов и кредиторов [3]. В научной литературе выделяют несколько ключевых методов её планирования: нормативный, факторный, расчётно-аналитический, метод экстраполяции тренда, сценарный, а также бюджетирование прибыли и экономико-математическое моделирование [4, 5].

Нормативный метод основан на применении установленных норм и нормативов затрат. Факторный метод предусматривает оценку влияния отдельных факторов — объёма продаж, цен, себестоимости — на изменение прибыли. Метод экстраполяции продолжает выявленные тенденции прошлых периодов в будущее и эффективен лишь в условиях стабильной внешней среды. Сценарный метод, напротив, предполагает разработку нескольких вариантов развития событий (оптимистичный, базовый, пессимистичный) и обеспечивает устойчивость управленческих решений в условиях неопределённости. Наиболее перспективным современные исследователи признают экономико-математическое моделирование, позволяющее учитывать множество факторов одновременно [1, 3].

Анализ финансово-экономической деятельности ТОО «Central Asia Mining». Объектом эмпирического исследования выступает ТОО «Central Asia Mining» — горнодобывающее предприятие, расположенное в г. Усть-Каменогорске (Республика Казахстан). Анализ охватывает период 2023–2025 гг. и строится на данных трёх форм финансовой отчётности.

Динамика основных финансовых показателей предприятия представлена в таблице.

**Динамика ключевых финансовых показателей
ТОО «Central Asia Mining», тыс. тенге**

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изм. 24/23	Изм. 25/24
Выручка	1 614 000	1 209 000	625 900	–25,1 %	–48,2 %
Себестоимость	–	–	651 800	–	–
Чистая прибыль / убыток	+67 900	+23 700	–193 100	–65,1 %	–
Валюта баланса	2 794 631	3 076 758	2 579 520	+10,1 %	–16,2 %
Собственный капитал	1 060 094	1 083 869	890 818	+2,2 %	–17,8 %
Дебиторская задолженность	–	–	516 100	–	–
Коэффициент автономии	0,38	0,35	0,96*	–	–

* Значение 2025 г. рассчитано по данным скорректированного баланса с учётом погашения долгосрочных займов.

Как видно из таблицы, предприятие продемонстрировало устойчивое падение выручки на протяжении всего анализируемого периода: с 1 614 млн тенге в 2023 году до 625,9 млн тенге в 2025 году, то есть более чем вдвое за три года. Критически значимым является тот факт, что в 2025 году производственная

себестоимость (651,8 млн тенге) превысила выручку, что означает отрицательную валовую прибыль. По итогам года зафиксирован чистый убыток в размере 193,1 млн тенге. Вместе с тем следует отметить и позитивный момент: предприятие полностью погасило долгосрочные займы, а коэффициент автономии достиг высокого уровня (0,96), что свидетельствует о значительном запасе финансовой прочности.

Серьёзной проблемой является накопление дебиторской задолженности: к концу 2025 года её объём (516,1 млн тенге) составил более 80 % от годовой выручки, что фактически имобилизовало оборотные средства и, несмотря на формально высокий коэффициент текущей ликвидности (14,5), создало реальный дефицит операционного кэша.

Оценка применяемых методов прогнозирования и выявленные проблемы. Анализ системы финансового планирования ТОО «Central Asia Mining» позволил установить, что предприятие использовало сочетание метода экстраполяции («от достигнутого») и нормативного метода. Ретроспективный анализ показал принципиальную недостаточность этого инструментария в условиях высокой рыночной волатильности.

Во-первых, метод экстраполяции тренда выручки, достаточно эффективный в период стабильности 2023 года, оказался непригодным при резком изменении конъюнктуры: прогноз не закладывал риск падения выручки на 61 %, что привело к сохранению раздутой административной базы затрат (232 млн тенге в 2024 году против 219 млн в 2023 году) при объективно снижающихся доходах.

Во-вторых, нормативный метод планирования затрат строился «изнутри», от себестоимости, а не «снаружи», от рыночной цены реализации. Результатом стало то, что в 2025 году нормативная себестоимость превысила рыночную цену — производство стало убыточным по определению.

В-третьих, на предприятии отсутствовала практика многовариантного сценарного планирования, а прогноз прибыли строился на основе метода начисления без учёта прогноза денежных поступлений по дебиторской задолженности. Эти три системных недостатка в совокупности привели к ситуации 2025 года.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы определяется систематизацией существующих методов прогнозирования прибыли с точки зрения их применимости в условиях нестабильной внешней среды, а также выявлением специфических рисков для предприятий сырьевого сектора. Практическая значимость заключается в разработке конкретных рекомендаций для ТОО «Central Asia Mining», применимых в рамках антикризисного управления и перехода к адаптивной системе финансового планирования.

Выводы и рекомендации. На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Действующая система планирования прибыли ТОО «Central Asia Mining» носит инерционный характер и не содержит механизмов оперативной коррекции при резком изменении внешних факторов. Это подтверждается реальными данными: трёхкратное падение выручки за три года привело к убытку, хотя

предприятие сохранило высокую финансовую независимость благодаря отсутствию долгосрочных долгов.

2. Для горнодобывающих предприятий, зависящих от мировых цен на сырьё, применение метода экстраполяции и жёсткого нормативного планирования без учёта рыночной конъюнктуры создаёт системные риски убыточности.

3. В качестве первоочередных мер рекомендуется: перейти к еженедельному платёжному календарю (краткосрочное планирование денежных потоков); внедрить сценарный метод с разработкой оптимистичного, базового и пессимистичного вариантов бюджета; провести Unit-экономику для оценки маржинальности по каждому продукту; реализовать активную работу по возврату дебиторской задолженности (516 млн тенге), включая систему скидок за предоплату и претензионную работу.

4. В среднесрочной перспективе целесообразно внедрение экономико-математического моделирования (в том числе регрессионных моделей зависимости выручки от цен на металлы) и инструментов цифрового финансового планирования, которые, по данным современных исследований, достоверно повышают точность прогнозов прибыли. Использование таких инструментов позволит обеспечить переход от «жёсткой» к «гибкой» системе бюджетирования, ориентированной на рыночные индикаторы.

Таким образом, главная цель ТОО «Central Asia Mining» на ближайший период состоит в остановке падения выручки и возврате иммобилизованных средств из дебиторской задолженности в оборот. Без решения этих задач предприятию потребуется внешнее вливание капитала.

Список литературы

1. Бланк И. А. Финансовый менеджмент. М. : Ника-Центр, 2022. 656 с.
2. Савицкая Г. В. Экономический анализ : учебник. М. : Инфра-М, 2023. 647 с.
3. Ковалёв В. В. Финансовый менеджмент и бухгалтерский учёт: практическое руководство. М. : Дело, 2019. 480 с.
4. Жалнин А. А. Методы финансового планирования и прогнозирования на предприятии // Научный журнал. 2021. № 4. С. 14–19.
5. Гурнович Т. Г., Эдилсултанова М. А. Планирование и прогнозирование как функции экономического управления предприятием // Дневник науки. 2019. № 12(36). С. 34.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РОЗНИЧНЫЙ ОБОРОТ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

А. А. Кудачин

Научный руководитель: О. А. Чистякова, *д-р экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
a.kudachin15@gmail.com

В статье исследуется влияние ключевых макроэкономических факторов (инфляции, реальной заработной платы, ключевой ставки ЦБ РФ, курса национальной валюты) на динамику розничного товарооборота торговых предприятий в России в период 2020–2025 гг. На основе статистических данных Росстата и эконометрического моделирования выявлена степень чувствительности розничного оборота к изменениям макроэкономической конъюнктуры. Обоснованы практические рекомендации для торговых предприятий по адаптации к неблагоприятным макроэкономическим шокам.

Ключевые слова: розничный оборот, эконометрическое моделирование, торговые предприятия, макроэкономические шоки.

Розничный товарооборот является одним из ключевых индикаторов состояния потребительского рынка и отражает уровень жизни населения. В условиях современной российской экономики, характеризующейся структурной трансформацией, санкционным давлением и высокой волатильностью макроэкономических показателей, проблема оценки влияния внешних факторов на розничный оборот торговых предприятий приобретает особую актуальность.

Согласно данным Росстата, в 2024 г. оборот розничной торговли в России составил 49,3 трлн руб., увеличившись в номинальном выражении на 11,3 % по сравнению с 2023 г., однако в сопоставимых ценах прирост составил лишь 1,8 % [1]. Подобная диспропорция между номинальным и реальным ростом свидетельствует о значительном влиянии инфляционных процессов на стоимостные показатели розничного оборота, что требует проведения углубленного анализа.

Цель исследования — количественная оценка влияния основных макроэкономических факторов на динамику розничного оборота торговых предприятий и разработка практических рекомендаций по управлению чувствительностью торговых компаний к макроэкономическим шокам.

Проблема влияния макроэкономических факторов на розничный товарооборот рассматривалась в трудах отечественных и зарубежных ученых. Фундаментальные основы анализа потребительского спроса заложены в работах Дж. М. Кейнса, М. Фридмена (гипотеза перманентного дохода), Ф. Модильяни [2]. В российской экономической науке вопросы развития розничной торговли и факторного анализа товарооборота освещены в работах Л. А. Брагиной, Т. П. Данько, Т. А. Лукичевой, Н. Н. Молчанова, В. И. Сергеева, В. В. Веретина [3–5].

Современные исследования влияния макроэкономической нестабильности на розничный рынок представлены в работах Н. В. Еремеевой, В. В. Панюкова, Н. Ю. Ахапкина [6–7]. Аналитические материалы Высшей школы экономики и Института экономики им. Е. Т. Гайдара подтверждают высокую чувствительность потребительского спроса к изменениям реальных располагаемых доходов населения и инфляционных ожиданий [8].

Вместе с тем в условиях 2022–2025 гг. структура факторов, определяющих динамику розничного оборота, существенно трансформировалась: возросла роль ключевой ставки ЦБ РФ, курса рубля и логистических издержек, что требует переосмысления существующих методических подходов [9].

В работе применяются методы корреляционно-регрессионного анализа, факторного анализа, индексного метода и сравнительного анализа. Информационную базу составили официальные данные Росстата, Банка России, а также материалы отраслевых аналитических агентств за период 2020–2025 гг.

В качестве зависимой переменной принят объем розничного товарооборота в сопоставимых ценах (Y), в качестве независимых факторов — ключевые макроэкономические показатели:

X_1 — индекс потребительских цен (ИПЦ, %);

X_2 — реальная заработная плата (индекс к предыдущему году, %);

X_3 — ключевая ставка ЦБ РФ (среднегодовая, %);

X_4 — среднегодовой курс доллара США (руб./\$).

Выбранная система факторов позволяет комплексно оценить макроэкономическую среду, формирующую условия для развития розничной торговли. Перейдем к детальному анализу влияния каждого показателя.

1. Инфляционный фактор (X_1). Инфляция выступает двойственным фактором влияния на розничный оборот. С одной стороны, рост цен увеличивает номинальный товарооборот, с другой — снижает покупательную способность населения и реальный объем продаж. По данным Росстата, в 2022 г. ИПЦ составил 11,9 %, в 2023 г. — 7,4 %, в 2024 г. — 9,5 %, а в 2025 г. инфляция ускорилась до 12,1 % [1]. Поскольку в данном исследовании зависимая переменная (Y) рассчитана в сопоставимых ценах, номинальный эффект удорожания товаров уже исключен. Следовательно, ускорение инфляции в 2024–2025 гг. оказывает непосредственное негативное давление на реальный объем товарооборота, так как ведет к обесценению денежных сбережений населения и вынуждает его сокращать потребление, переключаясь на товары первой необходимости. Однако покупательная способность населения определяется не только уровнем цен, но и динамикой доходов, что обуславливает необходимость учета следующего фактора.

2. Фактор реальной заработной платы (X_2). Реальные располагаемые доходы населения — основной драйвер потребительского спроса. Согласно данным Росстата, в 2023 г. реальная заработная плата выросла на 10,1 %, в 2024 г. — на 8,3 %, что способствовало восстановлению потребительской активности [1]. Рост данного показателя напрямую стимулирует увеличение реального объема розничного товарооборота, формируя отложенный спрос и повышая уверенность потребителей. В условиях 2022–2025 гг. на фоне дефицита кадров

на рынке труда и индексации номинальных зарплат реальные доходы населения демонстрировали адаптационный рост, что позволяло поддерживать потребительский спрос даже в периоды ценовых шоков. Вместе с тем наличие свободных денежных средств у населения не всегда означает их немедленное направление на потребление. Решение о том, потратить ли доход на покупки или сберегать, во многом диктуется стоимостью кредитных ресурсов и доходностью банковских вкладов. Таким образом, влияние доходов на товарооборот опосредовано денежно-кредитной политикой государства.

3. Фактор ключевой ставки ЦБ РФ (X_3). Ключевая ставка ЦБ РФ является главным инструментом регулирования потребительской активности. Между стоимостью заемных средств и объемом розничного товарооборота, особенно в сегменте непродовольственных товаров длительного пользования, существует обратная зависимость. Высокая ключевая ставка (достигшая 21 % в декабре 2024 г. и сохранявшаяся на уровне 18–21 % в первой половине 2025 г. [9]) оказывает сдерживающее влияние на розничный оборот через несколько каналов: удорожание потребительского кредитования (ставки по кредитам физическим лицам превысили 25–30 % годовых); рост стоимости заемных средств для торговых предприятий; переориентация сбережений населения на депозиты. Это, с одной стороны, охлаждает ажиотажный спрос, а с другой — делает сберегательные модели поведения более привлекательными по сравнению с покупками, что создает дополнительное тормозящее воздействие на динамику зависимой переменной (Y). Необходимо отметить, что траектория ключевой ставки и общая макроэкономическая стабильность в России находятся в тесной корреляции с внешними шоками и движением национальной валюты, что требует включения в модель валютного фактора.

4. Валютный фактор. Девальвация рубля оказывает косвенное влияние на розничный оборот через удорожание импортных товаров. По данным Минпромторга, доля импортной продукции в структуре розничного товарооборота в 2024 г. составила около 38 %, при этом в отдельных товарных группах (электроника, бытовая техника, одежда) она превышает 60–70 % [10]. Рост курса доллара на 1 рубль увеличивает стоимость импортных товаров в среднем на 2,1–2,4 %, что приводит к замещению импорта отечественными аналогами и перераспределению товарооборота между товарными группами.

Резюмируя проведенный анализ, следует подчеркнуть, что макроэкономические факторы оказывают разнонаправленное и взаимосвязанное влияние на объем розничного товарооборота в сопоставимых ценах. Инфляция (X_1), высокая ключевая ставка (X_3), и ослабление национальной валюты (X_4) создают ограничительные условия для реального потребления, тогда как рост реальной заработной платы (X_2) выступает основным драйвером поддержания покупательной способности.

Для количественной оценки степени влияния каждого из указанных факторов и определения их суммарного вклада в динамику товарооборота далее необходимо построить многофакторную регрессионную модель и проверить ее на наличие проблемы мультиколлинеарности.

На основе данных за 2020–2025 гг. (квартальная периодичность, $n = 24$ наблюдений) построена множественная регрессионная модель:

$$Y = 112,4 - 1,83 \cdot X_1 + 0,71 \cdot X_2 - 0,41 \cdot X_3 - 0,28 \cdot X_4,$$

где Y — индекс реального розничного оборота (базисный период — 2019 г. = 100 %).

Параметры модели: $R^2 = 0,84$; F-статистика Фишера = 24,7 ($p < 0,01$); DW-критерий Дарбина-Уотсона = 1,92, что свидетельствует об отсутствии автокорреляции остатков.

Результаты модели показывают, что наибольшее негативное влияние на реальный розничный оборот оказывает инфляция ($\beta = -1,83$), затем — ключевая ставка ($\beta = -0,41$) и курс доллара ($\beta = -0,28$). Положительное влияние оказывает рост реальной заработной платы ($\beta = +0,71$).

Резюмируя результаты эконометрического анализа, подчеркнем, что реальный розничный товарооборот в 2020–2025 гг. формировался под перекрестным воздействием стимулирующего фактора в виде роста реальных доходов и ограничительного пресса инфляции, высокой стоимости кредитных ресурсов и валютной волатильности. Выявленная асимметрия потребительского поведения [коэффициент при (X_2) существенно ниже коэффициента при (X_1)] указывает на то, что инструменты розничной торговли должны быть переориентированы с экстенсивного стимулирования спроса на инструменты удержания покупательной способности. На основе установленных количественных зависимостей разработаны следующие рекомендации.

1. Внедрение системы динамического ценообразования с автоматической корректировкой цен в зависимости от изменений курса валют и закупочных цен, что позволит минимизировать влияние инфляционного фактора на рентабельность.

2. Диверсификация ассортимента в пользу товаров с низкой ценовой эластичностью (продукты питания первой необходимости, товары повседневного спроса), что обеспечит устойчивость товарооборота в периоды макроэкономической нестабильности.

3. Развитие собственных торговых марок (СТМ), доля которых в 2024 г. в среднем по российскому ретейлу достигла 18–20 % [10], что снижает зависимость от импортных поставок и валютных колебаний.

4. Оптимизация структуры оборотного капитала в условиях высокой ключевой ставки: сокращение товарных запасов, ускорение оборачиваемости, минимизация дебиторской задолженности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: розничный оборот торговых предприятий в России обладает высокой чувствительностью к макроэкономическим факторам, при этом наибольшее негативное влияние оказывают инфляция и ключевая ставка ЦБ РФ. Построенная эконометрическая модель объясняет 84 % вариации реального розничного оборота и может быть использована торговыми предприятиями для краткосрочного прогнозирования и планирования. В условиях структурной трансформации российской экономики торговым предприятиям необходимо внедрять адаптивные

стратегии управления, включающие динамическое ценообразование, диверсификацию ассортимента, развитие СТМ и цифровых каналов продаж. Перспективным направлением дальнейших исследований является оценка влияния цифровизации и развития маркетплейсов на чувствительность розничного оборота к макроэкономическим шокам.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Оборот розничной торговли: статистический бюллетень. М. : Росстат, 2025. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2026).
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2022. 352 с.
3. Брагина Л. А., Данько Т. П. Торговое дело: экономика и организация : учебник. М. : ИНФРА-М, 1997. 256 с.
4. Маркетинг : учебник и практикум для вузов / под редакцией Т. А. Лукичёвой, Н. Н. Молчанова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 386 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/583463> (дата обращения: 25.06.2026).
5. Сергеев И. В., Веретенникова И. И. Экономика организации (предприятия) : учебник и практикум для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 511 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/449678> (дата обращения: 20.06.2026).
6. Еремеева Н. В., Панюкова В. В. Перспективные направления исследования розничной торговли: цифровизация и омниканальность // Экономические системы. 2020. Т. 13, № 4. С. 161 – 170. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44411252>. (дата обращения: 20.06.2026).
7. Ахапкин Н. Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25.
8. Потребительские настроения населения в III квартале 2025 года (в разрезе половозрастной структуры). URL: <https://www.hse.ru/monitoring/busclpro> (дата обращения: 20.06.2026).
9. Центральный банк Российской Федерации. Ключевая ставка. URL: https://cbr.ru/hd_base/dynamic_key_rate/ (дата обращения: 20.06.2026).
10. Минпромторг России. Государственный доклад о состоянии и развитии промышленности и торговли в 2024 году. М., 2025. URL: <https://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2026).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ И МЕТОДОЛОГИИ

А. Р. Куприянова

Научный руководитель: С. Г. Горин, *канд. ист. наук, доцент*
Сибирский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС),
г. Новосибирск, Россия,
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
alinal5_2007@mail.ru

В статье рассматриваются элементы внедрения нейросетей (ИИ) в учебную деятельность студентов. Анализируется разграничение «помощник и плагиатор», предлагаются конкретные сценарии легитимного использования алгоритмов обучения для повышения академической успеваемости без нарушения норм учебной этики. Авторы разделяют позицию, что эффективная и корректная интеграция ИИ в образовательный процесс возможна только при изменении подхода к постановке задач и развитии навыков промпт-инжиниринга.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), нейросети, образовательный процесс, академическая честность, плагиат, методология, ChatGPT, промпт-инжиниринг, цифровая грамотность.

Актуальность исследования. Широкое распространение генеративных нейросетей (ChatGPT, YandexGPT, GigaChat) в образовательной сфере ставит перед академическим сообществом задачу переосмысления сложившихся подходов. Исследования конца 2023 — начала 2024 гг. показывают, что уже более половины студентов вузов прибегают к помощи искусственного интеллекта при выполнении учебных задач, как правило, без четкого понимания этических норм.

Существует явное противоречие: нейросети повышают эффективность обработки информации, делая их игнорирование нецелесообразным, однако многие учебные заведения не разработали формальных правил их использования. В результате студенты оказываются в неопределенной ситуации, где грань между допустимой помощью и академическим обманом стирается.

Таким образом, исследование актуально в свете необходимости создания ясных, этически корректных и методически обоснованных принципов интеграции ИИ в учебный процесс.

Цель и задачи исследования. Основная задача работы — разработка и теоретическое обоснование моделей применения генеративных нейросетей в образовании, соответствующих методологическим и этическим стандартам, а также формирование критериев для разграничения легитимной поддержки и нарушений академических норм.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи.

1. Определить нормативные и этические рамки использования ИИ, разграничивая приемлемую техническую помощь и недопустимые действия (плагиат, фальсификация данных).

2. Систематизировать основные формы правомерного применения: генерация идей, стилистическая доработка, разъяснение сложного материала и структурирование информации.

3. Выделить перечень запрещенных практик: прямое копирование, обход антиплагиата, полная передача интеллектуальной деятельности нейросетям [1].

4. Подготовить практические рекомендации по оформлению использования ИИ (дисклеймерам) и основам промпт-инжиниринга.

5. Обосновать тезис о том, что умелое применение нейросетей является новым типом цифровой компетенции, а не формой обмана.

Методы и инструменты исследования. Исследование базируется на совокупности теоретических подходов, соответствующих его обзорно-методологическому характеру.

Метод систематического анализа литературы позволил обобщить актуальные публикации (2023–2025 гг.) по применению ИИ в образовании, академической этике и промпт-инжинирингу с учетом их релевантности и научной достоверности.

Сравнительно-сопоставительный метод применялся для выявления различий между допустимыми и недопустимыми способами работы. Были разработаны четкие критерии: в первом случае ИИ — вспомогательный инструмент, во втором — подмена интеллектуального труда студента.

Метод кейс-анализа использован для детального изучения четырех типовых учебных сценариев (генерация идей, редактирование, репетитор, структурирование), каждый из которых сопровождался примером запроса и обоснованием этичности.

Метод нормативно-правового анализа позволил применить действующее законодательство, в частности определение плагиата, к текстам нейросетей. Ключевой вывод: поскольку ИИ не субъект права, вся ответственность за содержание работы лежит на студенте.

В качестве инструментария использовались:

- открытые генеративные модели (ChatGPT, YandexGPT) как объекты исследования и средства проверки гипотез;
- электронные научные базы (eLibrary, arXiv.org, КиберЛенинка, UNESDOC);
- общедоступные сервисы проверки уникальности.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая ценность — в формировании методологической основы для разграничения легитимного и неправомерного использования ИИ. В отличие от общих деклараций, работа предлагает конкретные критерии («ИИ — инструмент, а не автор», «ответственность студента») и типологию сценариев для разработки внутренних норм вузов.

Практическая значимость ориентирована на три группы.

Для студентов представлены этически безопасные алгоритмы действий с примерами промптов, четкий перечень запретов (прямое копирование, выдача

непроверенных фактов, обход антиплагиата) и образец дисклеймера для защиты от необоснованных обвинений [2].

Для преподавателей предлагается готовая схема объяснения правил использования ИИ и аргументация для включения положений в рабочие программы.

Для разработчиков материал может быть использован при создании курсов по цифровой грамотности и академической честности.

Главным практическим результатом является формирование у выпускников конкурентного преимущества за счет освоения грамотного взаимодействия с ИИ в процессе обучения.

Мы живём во время, когда большие языковые модели (LLM) вроде ChatGPT, YandexGPT, GigaChat плотно входят в образовательную практику. Для студентов это и подарок, и большой соблазн. С одной стороны, нейросеть за минуты делает то, на что уходили часы, с другой — возникает вопрос: не является ли ИИ «запрещённой шпаргалкой»?

В академической среде идут споры. Одни считают, что использование нейросетей неизбежно ведет к мошенничеству, другие видят в этом эволюцию образования [3]. Важно разобраться, где проходит грань между легитимной помощью и обманом, и как студенту использовать ИИ грамотно, честно и эффективно.

Легитимность и методология применения ИИ. Легитимность в учебе — это выполнение правил вуза, не противоречащих академической этике. Пока большинство университетов только разрабатывают нормы, реализуя непреложный принцип: искусственный интеллект — это инструмент, а не автор [3].

В научном понимании плагиат — присвоение чужого авторства. У нейросетей нет авторских прав и ответственности. Передача задания «напиши курсовую» и сдача текста от своего имени — не просто плагиат, а фабрикация данных, грубейшее нарушение этики. Определим, чего категорически не стоит делать:

- копипаст без проверки: ИИ часто «галлюцинирует», выдумывая факты и ссылки. Преподаватель мгновенно заметит подвох [1];

- обход антиплагиата: использование ИИ для рерайта чужих текстов с целью обмана системы. Это техническое мошенничество, легко вычисляемое детекторами;

- полное делегирование мышления: применение ИИ для задач, требующих формирования компетенций (написание кода без понимания, построение логических цепочек).

Легитимные сценарии «Студент + ИИ». Используйте ИИ как сверхбыстрого ассистента. Ответственность и финальное редактирование — за автором [3].

Научно обоснованные методы:

Метод 1. Генератор идей. Синдром белого листа — классическая проблема. Вы задаете контекст: «Я пишу курсовую по психологии на тему влияния соцсетей на память. Предложи 10 гипотез». Вы используете ИИ для преодоления творческого кризиса, итоговую гипотезу формулируете сами.

Метод 2. Редактор и корректор. Вы написали текст, но сомневаетесь в стилистике. Запрос: «Проверь грамматику и предложи более формальные

формулировки, сохранив смысл». Это аналог работы редактора, повышающий качество при сохранении вашего авторства.

Метод 3. «Репетитор». Вы не понимаете сложную концепцию. Задание ИИ: «Объясни теорию относительности так, будто мне 10 лет». ИИ подстраивается под ваш уровень. Это чистое обучение, а не списывание.

Метод 4. Структурирование информации. У вас много разрозненного материала. Запрос: «Сгруппируй эти тезисы по блокам и предложи план реферата». Содержание — ваше, форма — подсказана ИИ [2].

Техника безопасности: как оформить использование ИИ?

Чтобы вас не заподозрили в нарушении этики, указывайте факт использования ИИ [3]. В западных университетах требуют дисклеймер: «В процессе подготовки работы использовалась нейросеть ChatGPT для структурирования и проверки стилистики. Все выводы и анализ сделаны автором самостоятельно». Это показывает зрелость: вы не прячетесь, а заявляете об использовании современного инструмента.

Заключение. Эпоха игнорирования ИИ заканчивается. Запрещать нейросети бессмысленно [1]. Грамотное использование ИИ — это новый навык, базирующийся на прозрачности (вы не выдаёте сгенерированный текст за свой), критическом мышлении (проверяете каждый факт) и синтезе (добавляете к скорости ИИ свой уникальный анализ) [1].

В будущем нас ждёт коллаборация с ИИ. Студент, освоивший этот тандем в университете, получит колоссальное преимущество на рынке труда.

Выводы

1. Легитимное использование ИИ возможно при соблюдении принципов прозрачности (открытое сообщение о применении) и сохранения интеллектуальной ответственности (выводы и аналитика принадлежат студенту).

2. Большинство этических проблем обусловлено деструктивными паттернами. Прямое копирование — мошенничество, тогда как ИИ в роли генератора идей, редактора или репетитора соответствует академической честности.

3. Студентам необходима новая компетенция — промпт-инжиниринг. Без него работа малопродуктивна, с ним — становится мощным когнитивным инструментом.

4. Полный запрет нейросетей нецелесообразен, так как ведет к подпольному использованию и недоверию. Эффективнее разработка прозрачных правил и обучение их соблюдению.

Рекомендации

Для студентов:

- используйте ИИ для генерации идей, правки, разъяснения понятий и структурирования;

- избегайте прямого копирования, выдачи непроверенных фактов и полной передачи аналитики нейросети.

Для преподавателей и администрации:

- включайте в рабочие программы пункты о политике использования ИИ с наглядными примерами;

- рассматривайте обучение промпт-инжинирингу как элемент цифровой грамотности;
- внедряйте формы контроля, требующие участия человека (устная защита, кейсы, рефлексивные эссе).

Список литературы

1. Бермус А. Г., Сизова Е. В. Педагогические, лингводидактические и психологические условия использования ChatGPT в системе высшего образования: систематический обзор // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 11. С. 150–166. URL: <http://e-koncept.ru/2024/241183.htm>.
2. Исследование эффективности промпт-инжиниринга и квантованных LLM в создании структуры академических курсов / П. А. Шнайдер [и др.] // Компьютерные инструменты в образовании. 2024. № 1. С. 32–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-effektivnosti-prompt-inzhiniringa-i-kvantovannyh-llm-v-sozdanii-struktury-akademicheskikh-kursov>.
3. Руденко Е. С., Турянская С. А. Генеративный искусственный интеллект для преподавателя: стратегии, инструменты, этика // Педагогическая перспектива. 2025. № 3(19). С. 20–32.

**ПРОДВИЖЕНИЕ HR-БРЕНДА И ИМИДЖА ОРГАНИЗАЦИИ:
АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПАО БАНК «ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ»)**

К. А. Куценко

Научный руководитель: Э. А. Новосёлова, *канд. экон. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
xoon20@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования HR-бренда и имиджа организации на примере регионального банка. На основе эмпирических данных проведён анализ текущего состояния HR-бренда ПАО Банк «Левобережный», выявлены сильные и слабые стороны, предложены меры по оптимизации процессов отбора и устранению разрыва между декларируемыми ценностями и реальной практикой.

Ключевые слова: HR-бренд, имидж организации, EVP, оценка персонала, KPI, текучесть кадров, удовлетворённость клиентов, банковский сектор.

Современный рынок труда характеризуется обострением конкуренции за квалифицированные кадры, особенно в высокотехнологичных и клиентоориентированных отраслях, таких как банковский сектор. Дефицит профессионалов, усилившийся под влиянием структурных изменений экономики и санкционного давления, вынуждает работодателей активно инвестировать в развитие HR-бренда и формирование позитивного имиджа. Как отмечает Г. Подовжняня, преодоление устаревших стереотипов в управлении персоналом становится необходимым условием для выстраивания привлекательного образа работодателя [1]. При этом акценты соискателей смещаются: наряду с уровнем оплаты труда ключевое значение приобретают корпоративная культура, возможности профессионального развития, гибкость условий работы и прозрачность кадровых процессов.

Исследователи Е. В. Шестакова и М. В. Хомидова подчёркивают, что формирование модели HR-бренда предприятия является ключевой задачей в системе управления человеческими ресурсами, причём эта модель должна включать не только материальные, но и нематериальные компоненты [2]. Информационная прозрачность, обеспечиваемая сайтами-отзовиками и социальными сетями, делает невозможным создание привлекательного образа без реального улучшения условий труда. В этой связи HR-бренд превращается в стратегический инструмент, а ценностное предложение работодателя (EVP) требует чёткой формализации и сегментации по целевым аудиториям. Кроме того, как отмечает М. О. Кошлякова, социальное пространство имиджа организации охватывает не только внешние атрибуты, но и внутренние коммуникации, а также восприятие бренда внешними аудиториями [3].

Целью исследования является анализ эффективности инструментов продвижения HR-бренда ПАО Банк «Левобережный» и разработка практических рекомендаций по его усилению.

Объект исследования — HR-бренд указанной кредитной организации, предмет — методы формирования EVP и оценки персонала.

Методика исследования базируется на сочетании количественных и качественных подходов. В работе использованы данные внутренней отчетности банка за 2022–2024 годы, результаты опроса клиентов (N=2134), анализ HR-метрик (текучесть, производительность труда, доля успешно прошедших обучение), а также материалы интервью с руководителями подразделений. Применялись методы сравнительного анализа, группировки и статистической обработки данных.

Основные результаты исследования. ПАО Банк «Левобережный» является крупнейшим региональным банком Сибирского федерального округа, представленным 62 офисами. По состоянию на 1 января 2025 года чистые активы банка достигли 147,1 млрд рублей, а кредитный портфель вырос за три года на 97 % (с 59 до 116 млрд рублей). Штатная численность персонала в 2024 году составила 1595 человек. Анализ кадрового состава показал, что 77 % сотрудников имеют высшее образование, доля молодежи (18–35 лет) увеличилась с 45 до 49 %, а доля женщин остается высокой (74–77 %). Однако динамика движения персонала вызывает тревогу: коэффициент текучести кадров в 2023 году достиг 0,34, что означает ежегодную смену трети коллектива. Для банковской сферы такая текучесть отчасти нормальна, но она создаёт риски для качества обслуживания и преемственности знаний. Автором установлено, что производительность труда (рассчитанная как отношение доходов от основной деятельности к среднесписочной численности) повысилась с 5,90 млн руб./чел. в 2022 году до 12,80 млн руб./чел. в 2024 году. Рост практически в два раза говорит об интенсификации работы персонала. Вместе с тем нельзя исключать и так называемый эффект «выживания», когда на фоне оттока части сотрудников остаются наиболее продуктивные кадры.

В числе сильных сторон HR-бренда банка — хорошо выстроенная система обучения. Доля работников, проходивших курсы повышения квалификации, увеличилась с 96,5 % в 2022 году до 99,6 % в 2024-м; причём в последние два года все обучавшиеся успешно сдавали итоговые тесты. Помимо этого, банк наладил сотрудничество с вузами, организует конкурсный отбор студентов и предоставляет стажировки. Однако процедуры подбора персонала остаются уязвимым местом. По данным опроса руководителей, длительность отбора на линейные позиции составляет в среднем 3–4 недели, поэтому теряются мотивированные кандидаты, а на внешних площадках формируется негативное восприятие банка как работодателя.

Существенный разрыв между ценностями, зафиксированными в стратегии банка (клиентоориентированность, открытость, профессионализм), и фактической практикой управления в ряде подразделений заслуживает отдельного внимания. Согласно опросам персонала, 28 % респондентов указали, что декларируемые принципы не всегда подкрепляются реальными действиями руководителей среднего звена — в первую очередь в части обратной связи и признания заслуг. Как обоснованно отмечается в работе Г. Подовжней [1], ликвидация подобных разрывов невозможна без отказа от стереотипных подходов к управлению

человеческими ресурсами. По итогам оценки методом «360 градусов», внедрённой с 2023 года, зафиксированы случаи, когда руководители акцентируют внимание только на недостатках подчинённых, не предлагая при этом конструктивных вариантов улучшения ситуации. Такая модель поведения снижает лояльность сотрудников и подрывает доверие к HR-бренду организации. В то же время внешний имидж банка в глазах клиентов остаётся достаточно высоким.

Социальное пространство имиджа, как подчёркивается в исследованиях [3], охватывает и восприятие бренда внешними аудиториями. Индекс клиентской удовлетворённости (средняя оценка по пятибалльной шкале) вырос с 4,1 балла в 2023 году до 4,4 балла в 2025 году. Наиболее высоко клиенты оценивают компетентность и вежливость сотрудников — 4,8 балла. Однако скорость обслуживания получила лишь 3,6 балла, что коррелирует с внутренними проблемами рекрутинга и загрузки персонала.

На основании проведённого анализа сформулированы следующие рекомендации по совершенствованию HR-бренда.

1. Оптимизация процессов отбора. Предлагается провести аудит всех этапов рекрутинга с фиксацией времени на каждом этапе, выявить «узкие места» (дублирование проверок, отсутствие чётких критериев) и сократить количество собеседований до двух-трёх. Внедрение системы обратной связи для кандидатов позволит оперативно корректировать процедуры.

2. Устранение разрыва между ценностями и практикой. Необходимо запустить серию внутренних аудитов корпоративной культуры в подразделениях с анонимным опросом сотрудников, а также организовать рабочие встречи с руководителями для согласования конкретных действий по внедрению ценностей. Целесообразно внедрить регулярный мониторинг индекса лояльности сотрудников (eNPS) и текучести в разрезе подразделений.

3. Внедрение системы KPI для персонала. Как показал анализ, в банке применяется балльная оценка, но она недостаточно привязана к стратегическим целям. Разработка ключевых показателей эффективности для каждой должности (объём продаж, удовлетворённость клиентов, соблюдение процедур) в сочетании с прозрачной формулой расчёта премии повысит справедливость вознаграждения, что соответствует современным подходам к формированию модели HR-бренда [2]. С целью автоматизации рекомендуется использовать программное обеспечение на платформе «1С: Предприятие 8. Управление по целям и KPI». Ожидаемый экономический эффект — рост производительности труда не менее чем на 2 %, что при сохранении текущей численности даст дополнительный доход порядка 415 млн рублей.

4. Развитие программы амбассадоров бренда среди сотрудников, которые на добровольной основе будут делиться позитивным опытом работы в социальных сетях и на профильных карьерных порталах. Это усилит внешнюю привлекательность HR-бренда.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные меры могут быть использованы не только в ПАО Банк «Левобережный», но и в других финансовых организациях, стремящихся повысить эффективность управления человеческими ресурсами.

Теоретическая значимость связана с уточнением критериев оценки HR-бренда в условиях высокой текучести кадров и необходимости баланса между количественными и качественными показателями.

Выводы. HR-бренд ПАО Банк «Левобережный» имеет прочную основу в виде развитой корпоративной культуры и системы обучения, однако его дальнейшее укрепление требует устранения операционных разрывов — прежде всего, в процессах отбора и в единообразии управленческих практик. Комплексное внедрение KPI, автоматизация расчётов и систематическая обратная связь с сотрудниками и кандидатами позволят не только снизить текучесть, но и повысить клиентскую лояльность, что в итоге отразится на финансовых результатах.

Список литературы

1. Подовжняня Г. HR без стереотипов. М. : Альпина Паблишер, 2026. 264 с.
2. Шестакова Е. В., Хомидова М. В. Формирование модели HR-бренда предприятия в системе управления человеческими ресурсами. М. : Креативная экономика, 2020. 162 с.
3. Кошлякова М. О. Социальное пространство имиджа : монография. М. : ИНФРА-М, 2022. 153 с.

ОТ КЛАССИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР К ЦИКЛИЧЕСКОМУ ПОДХОДУ: КАК МЕНЯЕТСЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО АУДИТА

Я. Е. Лиферова

Научный руководитель: Ю. А. Коган, *преподаватель (практик)*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kogan2903@mail.ru

В статье рассматривается трансформация методологии аудита в условиях цифровизации экономики. Анализируется сочетание классических подходов к проверке материально-производственных запасов с современными циклическими методами и инструментами автоматизации.

Ключевые слова: аудит, методология аудита, материально-производственные запасы, цифровизация, циклический подход, автоматизация, учетная политика.

В последние годы аудиторское сообщество работает в условиях постоянных изменений. С одной стороны, ужесточаются требования к качеству проверок и обоснованности выводов, с другой — стремительно развиваются технологии, способные взять на себя значительную часть рутинной работы. Все это неизбежно ведет к пересмотру сложившихся методик, причем изменения затрагивают как фундаментальные принципы организации проверок, так и конкретные процедуры сбора доказательств. Особый интерес в этом контексте вызывает сочетание традиционных подходов, проверенных временем, с новыми инструментами и подходами к сегментированию учетной информации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра классических аудиторских процедур в связи с автоматизацией учетных процессов и внедрением цифровых технологий. Традиционные методы проверки хотя и остаются фундаментальными, требуют адаптации к новым условиям ведения бухгалтерского учета, что делает исследование процессов трансформации аудиторской методологии своевременным и практически значимым.

Цель исследования заключается в выявлении ключевых направлений трансформации методологии современного аудита, а также в обосновании необходимости сочетания классических процедур и инновационных подходов для повышения качества аудиторских проверок. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализированы традиционные методы аудита материально-производственных запасов; рассмотрены преимущества и недостатки циклического подхода к группировке хозяйственных операций; оценена роль автоматизации и искусственного интеллекта в деятельности современного аудитора.

Методы и инструменты исследования. В работе использованы общенаучные методы познания, включая анализ и синтез, индукцию и дедукцию, системный подход. Применение циклического метода группировки счетов (по циклам закупок, производства и продаж) позволило рассмотреть хозяйственные

операции в их взаимосвязи, что обеспечивает более глубокое понимание бизнес-процессов клиента.

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в систематизации современных подходов к аудиту. Теоретическая значимость состоит в уточнении понятийного аппарата и описании эволюции аудиторских методик. Практическая значимость работы определяется возможностью использования предложенных рекомендаций аудиторскими организациями для повышения эффективности проверок, снижения трудоемкости и минимизации рисков пропуска существенных ошибок.

Любая производственная компания имеет дело с большим объемом материальных ресурсов, и учет их движения занимает значительное место в работе бухгалтерии. Именно поэтому проверка материалов остается одной из ключевых задач внешнего аудита. Ее цель проста и понятна: определить, насколько достоверно эти активы отражены в отчетности и соответствуют ли данные учета реальному положению дел.

Аудитору предстоит ответить на несколько принципиальных вопросов. Во-первых, действительно ли все материалы, числящиеся на балансе, существуют и находятся в распоряжении компании. Во-вторых, все ли операции с ними были своевременно зарегистрированы и отражены на счетах. В-третьих, правильно ли рассчитана их стоимость и обоснован ли выбор метода списания, закрепленного в учетной политике.

На практике работа выстраивается в несколько этапов. На первом этапе осуществляется проверка остатков по счетам 10, 15 и 16, а также сопоставления данных синтетического и аналитического учета.

Далее необходимо оценить, насколько учетная политика организации соответствует требованиям законодательства. На втором этапе аудитору следует оценить систему внутреннего контроля. На третьем этапе проводится анализ документов, регламентирующих порядок приемки, хранения и отпуска материалов, а также организован документооборот при этих процедурах [1, 2].

Наиболее часто встречающиеся ошибки в таких операциях связаны с отсутствием первичных документов и, как следствие, с расхождением между фактическим наличием товарно-материальных ценностей и данными бухгалтерии.

Классически при проведении аудиторской проверки каждый счет учета ТМЦ проверяется отдельно. Такой подход носит фундаментальный характер, однако является наиболее трудоемким. Для снижения нагрузки на аудитора предлагается использовать комплексный подход, который можно назвать «клическим подходом». Суть его заключается в проверке счетов по группировкам. Например: группировка счетов цикла закупок, цикла производства или цикла продаж. Такой метод позволит рассмотреть хозяйственные операции предприятия в их совокупности, что является более логичным.

Вместе с тем у этого подхода есть недостатки. Главная проблема состоит в том, что определение циклов зависит от самого аудитора. В нормативных документах отсутствуют четкие указания на возможность такого деления и его принципы. При условии применения неверной группировки, а также при условии, что операции проводятся редко, но имеют большее значение, есть риск

оставить такие операции вне проверки. Кроме того, дробление информации по операциям на подциклы существенно усложняет работу аудитора и приводит к удорожанию самой аудиторской проверки. Однако при таком подходе осуществляется системный взгляд на бизнес клиента, который позволяет увидеть не только отдельные ошибки, а именно причины их совершения [3, 4].

Параллельно с развитием методик аудиторских проверок происходит автоматизация рутинных задач и внедрение технологий искусственного интеллекта. Если несколько лет назад бухгалтерский учет и аудит считался одной из консервативных сфер, то сегодня это уже достаточно автоматизированная сфера. В качестве примера автоматизации можно привести сверку с контрагентами, распознавание документов и последующий ввод таких документов в базу 1С. Наличие таких автоматизированных функций существенно снижает трудоемкость труда бухгалтера, что позволяет снизить количество выявленных ошибок при аудиторских проверках [5].

Таким образом, в настоящее время при проведении аудиторских проверок все также применяются фундаментальные подходы, основанные на аудиторских стандартах, но дополняются описанными выше нововведениями, а именно циклическими подходами. Немалую роль в работе аудитора играют также и цифровые подходы к анализу полученных данных.

В итоге все эти подходы позволяют проводить проверки на основе теории и современных цифровых технологий и помогают аудитору принимать наиболее обоснованное решение. Для дальнейшего повышения качества аудита рекомендуется активнее внедрять инструменты анализа больших данных и развивать профессиональные компетенции аудиторов в области цифровых технологий, что позволит более эффективно выявлять риски и повысить достоверность аудиторских заключений.

Список литературы

1. Об аудиторской деятельности : ФЗ от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. Кодекс профессиональной этики аудиторов от 14 марта 2025 г.
3. Камысовская С. В. Организация аудиторской проверки материально-производственных запасов. М. : Финансы и статистика, 2023. 284 с.
4. Шерemet A. Д., Суйц В. П. Аудит : учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 410 с.
5. Миронова О. А. Цифровизация аудита: новые возможности и вызовы // Аудиторские ведомости. 2025. № 2. С. 45–52.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГРАБЕЖА

Е. И. Малетина

Научный руководитель: А. В. Шеслер, *д-р юрид. наук, профессор*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),

г. Новосибирск, Россия

yekaterina.maletina@yandex.ru

В статье проводится комплексный анализ уголовно-правовой характеристики грабежа, предусмотренного ст. 161 УК РФ, с акцентом на проблемах его квалификации в теории и правоприменительной практике. Особое внимание уделяется вопросам разграничения грабежа с кражей и разбоем, а также выявлению пробелов действующего законодательства. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: грабеж, квалификация преступлений, хищение, открытое хищение, уголовное право, ст. 161 УК РФ, разграничение преступлений, насилие, правоприменительная практика.

Актуальность исследования обусловлена высокой распространенностью преступлений против собственности в Российской Федерации, значительную долю среди которых занимает грабеж. Несмотря на наличие нормативного закрепления данного состава в ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации, в правоприменительной практике сохраняется значительное количество проблем, связанных с его квалификацией. Это обусловлено как сложностью установления объективных и субъективных признаков преступления, так и необходимостью его отграничения от смежных составов, прежде всего кражи и разбоя. В связи с этим исследование проблем квалификации грабежа имеет существенное теоретическое и практическое значение.

Целью исследования является комплексный анализ уголовно-правовой характеристики грабежа и выявление основных проблем его квалификации в современной правоприменительной практике. Для достижения поставленной цели были поставлены задачи по исследованию признаков состава грабежа, анализу его социальной обусловленности, а также выявлению проблем разграничения данного преступления со смежными составами.

Социальная обусловленность уголовной ответственности за грабеж определяется высокой степенью общественной опасности данного деяния, поскольку оно посягает не только на отношения собственности, но и в определенной степени на личную неприкосновенность потерпевшего. Вместе с тем в научной литературе высказывается мнение о том, что самостоятельное выделение грабежа в системе преступлений против собственности вызывает дискуссии, поскольку его признаки во многом пересекаются с признаками кражи и разбоя. Это свидетельствует о наличии теоретической неопределенности в понимании сущности данного состава [1].

Грабеж, в соответствии со ст. 161 УК РФ [2], определяется как открытое хищение чужого имущества. Ключевым признаком данного состава является

открытый способ изъятия имущества, который выражается в совершении преступления в присутствии потерпевшего или иных лиц, осознающих противоправный характер действий виновного. При этом, как разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29, для признания хищения открытым необходимо, чтобы виновный осознавал факт восприятия его действий окружающими.

Объективная сторона грабежа включает активные действия, направленные на изъятие чужого имущества, которые совершаются открыто и могут сопровождаться применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозой его применения. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Виновное лицо осознает общественно опасный характер своих действий, их открытость и направленность на незаконное извлечение имущественной выгоды. Субъектом преступления признается вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Одной из ключевых проблем правоприменительной практики является установление признака открытости хищения. На практике данный признак носит оценочный и во многом субъективный характер, поскольку зависит от восприятия ситуации как самим виновным, так и окружающими лицами. В ряде случаев возникают сложности при определении, осознавал ли виновный факт наблюдения за его действиями, что непосредственно влияет на квалификацию содеянного [3].

Существенные трудности вызывает также разграничение грабежа и кражи, предусмотренной ст. 158 УК РФ. Основным критерием разграничения выступает способ совершения преступления — тайный или открытый. Однако в практике нередко встречаются ситуации, когда первоначально тайное хищение становится открытым вследствие обнаружения виновного. В таких случаях решающее значение приобретает момент осознания преступником факта обнаружения. Если лицо продолжает противоправные действия, осознавая их открытый характер, содеянное подлежит квалификации как грабеж.

Не менее сложным является разграничение грабежа и разбоя, ответственность за который предусмотрена ст. 162 УК РФ. Основным критерием здесь выступает характер применяемого насилия. При грабеже насилие не должно представлять опасности для жизни или здоровья потерпевшего, тогда как при разбое оно носит опасный характер. На практике уголовно-правовая оценка грабежа, соединенного с насилием, осложняется тем, что правоприменителю необходимо установить не только сам факт физического воздействия на потерпевшего, но и его юридически значимые характеристики. Значение имеют характер примененного насилия, его интенсивность, направленность действий виновного, способ подавления сопротивления потерпевшего, а также наступившие либо реально возможные последствия. В связи с этим разграничение насилия, не опасного для жизни или здоровья, и насилия, создающего такую опасность, не всегда может быть произведено формально, поскольку требует анализа всей совокупности фактических обстоятельств совершенного деяния.

Особую сложность представляет квалификация грабежа, совершенного несколькими лицами, когда поведение одного из участников выходит за пределы

предварительной договоренности. Такая ситуация может возникнуть, например, в случаях, когда совместный умысел первоначально был направлен на тайное хищение чужого имущества, однако один из соучастников в процессе совершения преступления начинает действовать открыто либо применяет насилие к потерпевшему. В подобных обстоятельствах принципиальное значение приобретает вопрос о том, охватывались ли соответствующие действия умыслом других участников. Если переход к открытому хищению или применение насилия не были согласованы и не осознавались остальными соучастниками как возможный вариант развития преступного поведения, содеянное таким лицом должно оцениваться с учетом положений об эксцессе исполнителя. Отсутствие устойчивого единообразия в разрешении подобных ситуаций объективно влияет на стабильность судебной практики и может приводить к различной правовой оценке сходных по фактическому содержанию деяний.

Действующая редакция ст. 161 УК РФ закрепляет основные признаки грабежа, однако не устраняет всех вопросов, возникающих при квалификации данного преступления. Проблема заключается в том, что законодательная конструкция состава не всегда позволяет достаточно точно отразить различия между отдельными способами открытого хищения, степенью общественной опасности применяемого насилия и ролью каждого участника при групповом совершении преступления. Кроме того, в уголовном законе отсутствует развернутая система критериев, позволяющих последовательно разграничивать насилие, не опасное для жизни или здоровья, насилие, опасное для жизни или здоровья, а также угрозу применения такого насилия. Это создает риск расширительного либо, напротив, чрезмерно ограничительного толкования соответствующих признаков.

В целях повышения определенности уголовно-правового регулирования представляется необходимым дальнейшее уточнение квалифицирующих признаков грабежа. Такое совершенствование может быть связано с более детальным раскрытием содержания насильственного способа совершения грабежа, закреплением дополнительных признаков, отражающих повышенную общественную опасность отдельных форм посягательства, а также с формированием более ясных правил отграничения грабежа от кражи, разбоя и иных смежных составов преступлений против собственности. При этом нормативные изменения должны быть направлены не на искусственное усложнение состава преступления, а на обеспечение единообразного понимания его признаков в судебной и судебной практике.

Следовательно, проблемы квалификации грабежа имеют не единичный, а системный характер. Они обусловлены как особенностями законодательной конструкции ст. 161 УК РФ, так и сложностью фактических ситуаций, возникающих при совершении открытого хищения чужого имущества.

Наиболее значимыми остаются вопросы разграничения грабежа и смежных составов, оценки характера насилия, а также определения пределов ответственности соучастников при отклонении поведения одного из них от первоначального умысла. Разрешение указанных проблем возможно при сочетании совершенствования уголовного законодательства, развития доктринальных подходов и выработки более последовательных разъяснений судебной практики.

Список литературы

1. Петрякова Л. Ю. Социальная обусловленность уголовной ответственности за открытое хищение чужого имущества // Молодой ученый. 2021. № 51(393). С. 247–249.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Филиппова В. А. Некоторые вопросы квалификации грабежа // Молодой ученый. 2020. № 50(340). С. 342–344.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЛАНА СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

А. В. Малько

Научный руководитель: О. И. Лихтанская, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
alex.malko66@gmail.com

В статье рассматриваются инновационные методы формирования плана снижения рисков организации в условиях VUCA-среды на примере АО «ЕнисейАгроСоюз». В качестве концептуальной основы использована модель VUCA Prime, позволяющая выстраивать систему снижения рисков через видение, понимание, ясность, гибкость и самоорганизацию. Дополнительно раскрыта категория стойкости компании в шести измерениях: финансовом, организационном, стойкости бизнес-модели и инноваций, операционном, цифровом и технологическом, а также стойкости бренда, репутации, социального и экологического курсов.

Ключевые слова: управление рисками, VUCA Prime, стойкость компании, агробизнес, адаптация, риск-менеджмент, АО «ЕнисейАгроСоюз».

Современная бизнес-среда характеризуется высокой степенью изменчивости, неопределенности, сложности и неоднозначности, что в научной и управленческой литературе обозначается как VUCA-условия. Для предприятий агропромышленного комплекса эти факторы имеют особую значимость, поскольку хозяйственная деятельность зависит не только от рыночной конъюнктуры, но и от организационной согласованности, качества управленческих решений, устойчивости логистики, доступности ресурсов и способности быстро реагировать на изменения. В таких обстоятельствах традиционные механизмы управления рисками, основанные преимущественно на регламентации и последующем реагировании, оказываются недостаточными.

Для АО «ЕнисейАгроСоюз» проблема приобретает прикладной характер, поскольку предприятие функционирует в среде, где любые нарушения в снабжении, кадровом обеспечении, производственной координации или финансовом планировании способны привести к существенным потерям. Именно поэтому формирование плана снижения рисков следует рассматривать как часть более широкой задачи — укрепления стойкости компании. В данном контексте стойкость понимается не только как способность сохранять стабильность, но и как способность адаптироваться, восстанавливаться и перестраивать управленческую систему в ответ на внешние и внутренние вызовы.

Актуальность исследования обусловлена высокой изменчивостью внешней среды, возрастающей неопределенностью и необходимостью перехода от реактивного риск-менеджмента к проактивной модели, основанной на управленческих решениях.

Цель статьи заключается в обосновании инновационных методов формирования плана снижения рисков организации на примере АО «ЕнисейАгроСоюз» с учетом логики VUCA Prime и концепции стойкости компании.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- раскрыть теоретические основания управленческой адаптации;
- определить роль VUCA Prime в построении риск-ориентированной модели;
- описать шесть измерений стойкости компании;
- обозначить параметры планируемого пилотного исследования.

Объектом исследования является система управления рисками АО «Енисей-АгроСоюз». Предметом исследования выступают инновационные методы формирования плана снижения рисков в условиях нестабильной внешней среды.

Методологическую основу составляют системный подход, сравнительный анализ, сценарное моделирование, экспертная оценка и методы прогнозирования. В качестве аналитического инструментария применяются SWOT- и PEST-анализ, а также логика риск-картирования. Теоретическая база сформирована на основе работ, посвященных внутреннему контролю, риск-менеджменту в промышленности и АПК, цифровой трансформации управления и проектированию систем управления рисками [3].

Важно подчеркнуть, что в настоящей редакции статьи речь идет не о завершенном эксперименте, а о планируемом пилотном исследовании. Это позволяет корректно отразить научную логику и избежать преждевременных выводов. Предполагается, что апробация будет проводиться в управленческом формате: через сценарное планирование, межфункциональную координацию, регламентирование зон ответственности и последующую оценку изменений в устойчивости системы.

Модель VUCA Prime рассматривается как управленческая интерпретация VUCA-среды, в которой нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность нейтрализуются через противоположные управленческие качества. В контексте АО «ЕнисейАгроСоюз» данная модель может быть раскрыта следующим образом.

- Vision — формирование ясного образа устойчивого предприятия и приоритетов снижения рисков.
- Understanding — глубокое понимание причин рисков, взаимосвязей между подразделениями и факторов внешней среды.
- Clarity — обеспечение прозрачности управленческих решений, ключевых показателей и зон ответственности.
- Agility — гибкость организационных процедур, позволяющая быстро адаптировать управленческие решения.
- Self-organization — развитие самостоятельности подразделений и переход к более устойчивой модели координации [4].

Таким образом, VUCA Prime следует рассматривать не как абстрактную концепцию, а как практическую управленческую рамку, в которой план снижения рисков превращается в инструмент постоянной настройки компании под изменяющиеся условия.

В современной управленческой практике все большее значение приобретает категория стойкости компании. В рамках настоящей статьи она рассматривается в шести взаимосвязанных измерениях.

Финансовая стойкость. По логике McKinsey, финансовая стойкость означает устойчивость компании в пяти блоках: прибыльности, ценообразовании, расходах; уровнях ликвидности и долгосрочной нагрузки; казначейских операциях, включая хеджирование; уплаты налогов и соблюдении налогового законодательства; а также в управлении рисками. Для АО «ЕнисейАгроСоюз» это означает необходимость сохранять достаточную маржу, контролировать структуру затрат, поддерживать платежеспособность и заранее учитывать финансовые последствия рисков.

Организационная стойкость. Организационная стойкость включает устойчивость в стратегическом планировании и планировании рабочей силы; в организационной структуре; в процессах; а также в обеспеченности кадрами. Для предприятия это означает наличие ясной управленческой архитектуры, распределенной ответственности и кадрового резерва, способного обеспечить непрерывность процессов.

Стойкость бизнес-модели и инноваций. Данное измерение связано с устойчивостью позиции на рынке; соответствием продукции нуждам клиентов; гибкостью бизнес-модели; инновациями; участием в экосистемах и альянсах. Для АО «ЕнисейАгроСоюз» это особенно важно, поскольку конкурентоспособность предприятия определяется не только объемом выпуска, но и способностью адаптировать продуктовую и организационную модель к изменениям спроса и рыночных условий.

Операционная стойкость. Операционная стойкость означает функционирование ключевых служб в условиях сбоев и стабильность производства; стойкость цепей поставок; неизменность стандартов качества; а также гибкое производство. В контексте птицеводческого предприятия это выражается в способности поддерживать производственный ритм при изменении поставок, ресурсных ограничениях и внутренних организационных сбоях.

Цифровая и технологическая стойкость. Цифровая и технологическая стойкость складывается из устойчивости ИТ-стратегии и обеспечения компании информационными технологиями, включая облачные решения; кибербезопасности; а также защиты данных. Для АО «ЕнисейАгроСоюз» это означает необходимость защищенной информационной среды, надежной управленческой аналитики и технологической поддержки принятия решений.

Стойкость бренда, репутации, социального и экологического курсов. Это измерение включает взаимодействие со стейкхолдерами; управление брендом и репутацией; а также соблюдение принципов ESG. Для предприятия агробизнеса такая стойкость означает доверие со стороны партнеров, потребителей, органов власти и персонала, а также способность сохранять социальную и экологическую ответственность.

Роль стойкости в формировании плана снижения рисков. Стойкость компании в шести измерениях позволяет связать управление рисками с более широкой логикой устойчивого развития. В этой парадигме план снижения рисков не сводится к перечню компенсационных мер, а становится частью стратегии усиления компании. Для АО «ЕнисейАгроСоюз» это означает, что управленческие решения должны быть направлены одновременно на снижение угроз

и на развитие способности предприятия сохранять работоспособность в условиях изменений [1].

В практическом плане это выражается в следующих направлениях:

- укрепление финансовой дисциплины и мониторинга маржинальности;
- повышение гибкости организационной структуры;
- развитие кадровой устойчивости;
- совершенствование сценарного планирования;
- усиление управленческой прозрачности;
- формирование репутационной и ESG-ориентированной политики.

В таблице представлен план развития стойкости АО «ЕнисейАгроСоюз» (птицефабрика «Енисейский бройлер», с. Миндерла) в 6 измерениях в 2026–2027 гг., учитывая специфику мясного птицеводства: кризис цен (убытки 30–40 %), дефицит кадров, санкции на импорт кормов, птичий грипп, рост энерготарифов (+15 %), логистика в Красноярском крае (данные Росстата, Rabobank (2026), отраслевые отчеты).

Цель — Enterprise Resilience Framework (ERF) (6 измерений).

План развития стойкости АО «ЕнисейАгроСоюз» (птицефабрика «Енисейский бройлер»)

Измерение	Ключевые меры в 2026–2027 гг.	Оценка затрат, млн руб.
Финансовая стойкость	Усиление контроля затрат и практик управления финансовыми рисками; хеджирование цен на корма через форвардные и рамочные договоры; формирование кэш-резерва на 30–45 суток; стресс-тестирование финансовой модели по сценариям цен и спроса; подготовка заявок на субсидии и льготы	2
Операционная стойкость	Пересмотр стратегии снабжения; локализация кормов через долгосрочные контракты с региональными поставщиками; резервирование критических поставок на 45 суток; диверсификация маршрутов и поставщиков; регламентация действий при сбоях	1,8
Организационная стойкость	Матричные команды «производство—финансы—снабжение»; обучение сотрудников риск-менеджменту и VUCA-управлению; сценарное планирование с квартальным пересмотром; резервирование ключевых должностей и план преемственности	1,5
Цифровая и технологическая стойкость	Безопасность информации и защита данных; настройка управленческой аналитики и отчетности; внедрение простых цифровых панелей контроля KPI; регламенты резервного копирования и доступа; повышение кибергигиены персонала	1,3
Стойкость бизнес-модели и инноваций	Переоценка направлений развития; фокус на наиболее маржинальных рынках; выход из неэффективных и убыточных направлений; развитие новых продуктовых и сбытовых решений; проверка экспортных и партнерских возможностей	1,7

Измерение	Ключевые меры в 2026–2027 гг.	Оценка затрат, млн руб.
Стойкость бренда, репутации, социального и экологического курсов	ESG-ориентированные меры; локальные закупки и взаимодействие с сообществом; укрепление бренда «Енисейский бройлер»; стандарты качества и прослеживаемости на уровне управленческих процедур; отчетность для стейкхолдеров	1,2
	ИТОГО затрат:	9,5

Дополнительные рекомендации по внедрению

KPI 2026–2027: EBITDA >15 %, падеж <2.3 %, резервы 45 сут., cyber-incidents 0.

Риски приоритеты: цены кормов (40 %), птичий грипп (20 %), энергия (15 %).
Источники: Росстат, Rabobank 2026, отраслевые данные.

Планируемое пилотное исследование. На данном этапе корректно говорить не о завершенном эксперименте, а о планируемом пилотном исследовании — поэтапном плане малобюджетной управленческой трансформации. Его цель — проверить, насколько предложенная модель VUCA Prime и система стойкости в шести измерениях способны повысить адаптивность управленческих решений в АО «ЕнисейАгроСоюз».

Предполагается, что пилотное исследование будет включать:

- констатирующую оценку текущего уровня управленческой стойкости;
- определение критических зон риска;
- разработку матрицы управленческих решений в логике VUCA Prime;
- проверку согласованности организационных, финансовых и операционных решений;
- последующий анализ изменений в показателях устойчивости [2].

Итогом пилотного этапа должна стать не декларация о достигнутом результате, а формирование обоснованной базы для последующей апробации и масштабирования модели.

Выводы

1. В условиях VUCA-среды план снижения рисков должен строиться как управленческий механизм, основанный на логике VUCA Prime и ориентированный на повышение адаптивности компании [5].

2. Для АО «ЕнисейАгроСоюз» наибольшее значение имеют не отдельные инструменты контроля, а комплексная система стойкости компании в шести измерениях: финансовом, организационном, стойкости бизнес-модели и инноваций, операционном, цифровом и технологическом, а также репутационно-ESG-ориентированном.

3. На текущем этапе корректно говорить о планируемом пилотном исследовании, поскольку управленческая модель еще требует апробации и последующей оценки.

4. Интеграция управления рисками и категории стойкости позволяет перейти от локального реагирования к системной адаптации предприятия.

Следовательно, инновационные методы формирования плана снижения рисков организации в рамках VUCA Prime создают основу для повышения устойчивости АО «ЕнисейАгроСоюз» и обеспечивают более высокий уровень управляемости в изменяющейся бизнес-среде.

Список литературы

1. Новое в менеджменте. Серия сборников / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://gsb.hse.ru/newmanagement/news/892407134.html>.
2. Серебрякова Т. Ю. Управление рисками организации: методический аспект // Международный бухгалтерский учет. 2017. Т. 20, № 5(419). С. 294–306.
3. Основные пути снижения рисков в АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 11.
4. Риск-менеджмент: фреймворк VUCA-Prime // PMServices. 2024.
5. VUCA реальность: система инструментов // Science CFUV. 2024.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

А. В. Мельникова, М. А. Нечаева

Научный руководитель: И. В. Розумань, *канд. юрид. наук, доцент*

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),

г. Новосибирск, Россия

alina.melnikova888@mail.ru, milena.nechaeva.work@mail.ru

В работе проведен анализ опыта применения технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов. Рассматриваются примеры внедрения искусственного интеллекта в различных странах, дана оценка возможностей по повышению эффективности расследования и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правоохранительные органы, прогнозирование преступности, уголовное расследование, зарубежный опыт.

Тема преступности давно перестала быть чем-то нереальным — каждый день в новостях появляются сообщения об убийствах, кражах, террористических актах. По данным ООН, в мире каждые 70 сек. совершается одно убийство, и это только официальная статистика. Причём ситуация заметно отличается в зависимости от региона. Например, в Латинской Америке и ряде африканских стран уровень насильственной преступности остаётся критически высоким, тогда как в Европе и Восточной Азии он значительно ниже. Объясняется это прежде всего разным уровнем социальной стабильности и качеством работы полиции. Если смотреть на структуру смертности от преступлений, картина выглядит так: около 43 % смертей связаны с огнестрельным оружием, 24 % — с межличностными конфликтами, 17 % — с нападениями, 8 % приходится на организованную преступность. Всё это говорит о том, что проблема куда шире, чем кажется на первый взгляд, и требует системного ответа [1, 2].

Исходя из анализа статистики смертности, которая приведена на рис. 1, можно сказать, что значительная часть смертности населения связана с внешними факторами, включая преступность, дорожно-транспортные происшествия и иные угрозы для нашего населения. То есть возрастает роль правоохранительных органов в предотвращении случаев, которые угрожают жизни человека. Современные проблемы требуют внедрения новых технологических решений, среди которых особое место занимает искусственный интеллект [1].

Рост преступности во всем мире заставляет каждое государство искать новые способы по борьбе с ней. Традиционные методы работы полиции уже не всегда позволяют быстро реагировать на угрозы, так как преступники активно используют современные технологии для совершения преступлений, в связи с этим многие страны начали внедрять системы искусственного интеллекта [2].

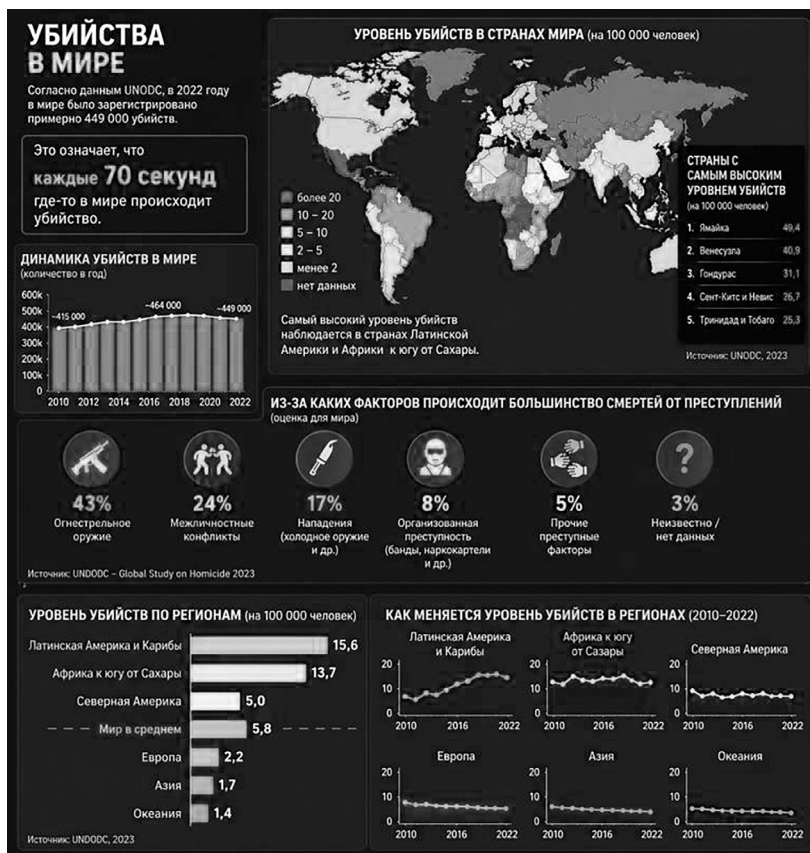

Рис. 1. Статистика убийств в мире

Исходя из вышеизложенного, данная проблема является актуальной, а изучение зарубежного опыта по применению искусственного интеллекта в правоохранительных органах позволит минимизировать случаи возникновения преступности в нашей стране, будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов, укреплению общественной безопасности, снижению уровня смертности от внешних причин, а также совершенствованию механизмов профилактики и преступлений.

В настоящее время технологии развиваются довольно стремительно, приводя к глобальной информатизации общества. Наиболее распространенным направлением на сегодняшний день является искусственный интеллект, а именно его интеграция в правоохранительную деятельность. ИИ имеет огромный потенциал для революции этой области, за счет оптимизации операций, повышения

точности и минимизации ошибок человека, предвзятости, объективности принятия решений и т. д. Данные технологии позволяют автоматизировать большой поток информации, выявить закономерности преступной деятельности и повышать эффективность расследования совершенных преступлений.

В последнее время многие зарубежные государства стали активно внедрять искусственный интеллект в различные виды деятельности, в том числе и в деятельность полиции и правоохранительных органов. Использование искусственного интеллекта в этих видах деятельности включает в себя различные алгоритмы, машинное обучение, анализ различных данных, например, выявление закономерностей, аномалий и необычного поведения предполагаемого преступника. Зарубежный опыт показывает, что правоохранительные органы все чаще прогнозируют и предотвращают преступления при помощи искусственного интеллекта [3].

Цель исследования заключается в анализе зарубежного опыта применения искусственного интеллекта в правоохранительных органах, а также в выявлении преимуществ и рисков при использовании новейших технологий. Результаты данного исследования могут послужить основой для формирования национальной политики в отношении искусственного интеллекта для его применения и содействия ответственной интеграции технологий искусственного интеллекта в деятельности национальных правоохранительных органов.

Для выполнения заданной цели были поставлены задачи:

- проанализировать статистические данные о преступности в различных странах мира, выявить основные тенденции и факторы, влияющие на их распространение;
- изучить опыт использования технологий искусственного интеллекта в правоохранительных структурах различных стран;
- выявить преимущества применения искусственного интеллекта в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности;
- сформулировать предложения по использованию положительного зарубежного опыта в национальной правоохранительной системе.

В работе используются следующие методы:

- анализ научной литературы (изучение статей, докладов, международных отчетов и нормативных документов);
- сравнительно-правовой метод (сопоставление подходов разных государств к применению искусственного интеллекта в правоохранительной сфере);
- статистический метод (исследование данных о преступности и эффективности внедрения цифровых технологий);
- системный метод (рассмотрение искусственного интеллекта как элемента современной системы правоохранительной деятельности);
- логический метод (формулирование выводов на основе изученного материала).

В работе использовались несколько подходов. Прежде всего, анализ научной литературы и международных отчетов, в том числе материалов ООН и Европейской комиссии. Также применялся сравнительно-правовой метод: интересно было посмотреть, как по-разному страны подходят к одной и той же

проблеме. Дополнительно использовались статистический и системный методы, а выводы формулировались с опорой на логический анализ собранных данных.

В качестве источников привлекались материалы самих правоохранительных органов, публикации зарубежных и российских исследователей, официальная статистика преступности и аналитика по цифровизации в сфере безопасности.

Представьте город будущего, где преступление раскрывается еще до того, как оно совершено, где искусственный интеллект предугадывает опасность, а камеры на улицах не просто наблюдают, но и понимают происходящее — и это уже не фантастика, это реальность, которая медленно, но уверенно входит в наш мир. Именно так в Индии используют систему *Marvel*, которая объединяет искусственный интеллект, видеонаблюдение, распознавание номеров и поведенческую аналитику. Программа следит за дорогами, отслеживает транспорт, помогает в раскрытии преступлений и создает цифровой профиль нарушителей. Система *Marvel* работает довольно несложно, уличные камеры фиксируют автобусы, пешеходов и происшествия в реальном времени, систем автоматически распознает номера, анализирует маршруты и скорость. Искусственный интеллект «поднимает» полицейские архивы, затем все данные отправляются на обработку. Также система используется в поиске пропавших людей на границе и при антитеррористических операциях. В будущем система должна стать полноценным мозговым центром для полиции. Работа *Marvel* хороша тем, что искусственный интеллект не является следователем, это лишь технологический конструктор, который создает нужные способы решения и передает их полицейским.

В Японии, одной из самых технологических стран мира, планируется повсеместно внедрить систему искусственного интеллекта для предотвращения преступлений. Эдесь действует система *Fujitsu*, которая включает видеонаблюдение, распознавание лиц, обработку данных в режиме реального времени. Глобальная цель системы *Fujitsu* — создание мира будущего с упором на безопасность. Особенность *Fujitsu* в том, что он анализирует скелет человека, то есть у людей на камере сначала определяется положение частей тела, чтобы зафиксировать их скелет, а затем уже проводится анализ [4].

В США в пограничных с Мексикой регионах активно внедряется система *Overwatch* от *Massive Blue*. Данная система создает реалистичных персонажей, чтобы общаться с подозреваемыми или просто с неблагонадежными людьми в социальных сетях и мессенджерах. К примеру, торговцы запрещенными веществами и активисты, недовольные правительством. Цель — выявление преступной деятельности. Также платформа круглосуточно наблюдает за социальными медиаплатформами. В США активно развивается еще одна платформа на базе искусственного интеллекта — *Motorola Solution*. Ее принцип действия такой: камеры — как уличные, так и нательные у полицейских — фиксируют происходящее и транслируют все в «облако». Так искусственный интеллект и видеоаналитики выявляют подозрительные действия и распознают лица и предметы, в том числе номера машин [5].

В Таиланде представили полицейских-роботов, в которых встроены камеры и чип с искусственным интеллектом. Помимо собственных данных робот

использует видео уличных камер, дронов. Благодаря ИИ робот распознает лица, отслеживает подозреваемых, определяет любые виды оружия, вплоть до ножа или деревянной палки, а также проводит поведенческий анализ, то есть если ему кажется, что где-то затевается драка или кто-то ведет себя подозрительно, он тут же передает информацию своим живым коллегам.

В Китае улицы патрулирует полицейский робот-шар Rotten Bot, он может перемещаться по суше и воде со скоростью до 35 км/ч. У робота есть камеры распознавания лиц, GPS для навигации, ультразвуковые датчики. Для сдерживания правонарушителей робот-шар оснащен распылителями слезоточивого газа и акустическими средствами для разгона толпы.

Так, зарубежный опыт показывает, что правоохранные органы все чаще переходят от расследования преступлений к их прогнозированию.

На рис. 2 представлены глобальные распределения показателей внедрения искусственного интеллекта.

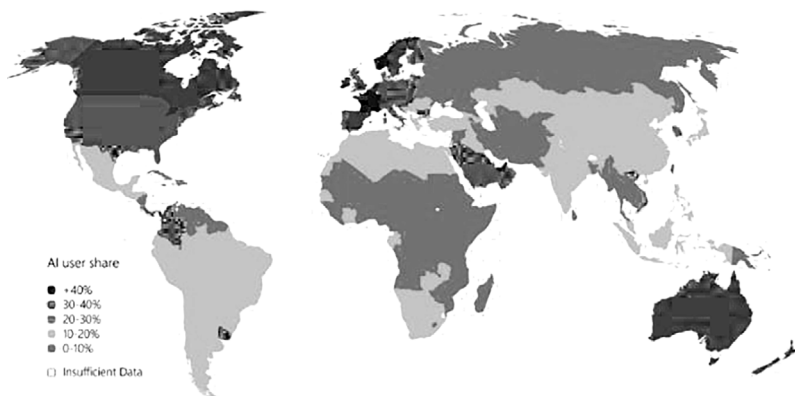

Рис. 2. Распределение показателей внедрения искусственного интеллекта в мире

С учетом рассмотренных примеров представляется возможным сформулировать предложения по использованию положительного зарубежного опыта в национальной правоохранительной системе. Прежде всего, целесообразно развивать интеллектуальные системы видеонаблюдения в общественных местах, на дорогах и объектах массового пребывания людей. Подобные технологии позволяют в автоматическом режиме выявлять нетипичные случаи поведения, распознавать транспортные средства и обнаруживать бесхозные предметы с последующей передачей сигнала дежурным. Это реально сокращает время реагирования и, как следствие, повышает раскрываемость преступлений.

Параллельно остро стоит вопрос создания единых цифровых платформ для межведомственного обмена данными. Зарубежная практика подтверждала, что когда полицейский мгновенно получает доступ к сведениям о розыске, транспортных средствах и истории правонарушений, то результативность работы заметно растёт.

Среди перспективных направлений выделяется и оснащение сотрудников нагрудными видеорегистраторами. Такие устройства одновременно дисциплинируют обе стороны, то есть и граждан, и полицейских, а при каких-то спорных инцидентах служат объективной доказательственной базой.

Вместе с тем внедрение зарубежного опыта должно сопровождаться надежной правовой регламентацией. Необходимо установить четкие правила использования персональных данных, биометрической информации и систем видеонаблюдения, а также предусмотреть механизмы общественного контроля за применением подобных технологий. Это позволит сохранить баланс между обеспечением безопасности и соблюдением прав граждан [3].

Список литературы

1. Организация Объединённых Наций. Global Study on Homicide 2023. URL: <https://www.unodc.org/> (дата обращения: 29.04.2026).
2. UNODC. United Nations Office on Drugs and Crime: Crime Data. URL: <https://dataunodc.un.org/> (дата обращения: 29.04.2026).
3. Европейская комиссия. Artificial Intelligence Act. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/> (дата обращения: 29.04.2026).
4. Fujitsu Limited. Public Safety and Security Solutions. URL: <https://www.fujitsu.com/> (дата обращения: 29.04.2026).
5. Motorola Solutions. AI for Public Safety and Security. URL: <https://www.motorolasolutions.com/> (дата обращения: 29.04.2026).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ БАНДИТИЗМА И ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Д. Р. Меньшикова

Научный руководитель: А. В. Шеслер, *д-р юрид. наук, профессор*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ws.v.sw@mail.ru

В статье исследуются актуальные проблемы разграничения составов бандитизма (ст. 209 УК РФ) и организации преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК РФ). Анализируются законодательные признаки указанных составов, выявляются коллизии в правоприменительной практике и предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: бандитизм, преступное сообщество, организованная преступность, уголовное законодательство, квалификация преступлений, судебная практика.

Актуальность исследования. Противодействие организованной преступности является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики Российской Федерации. Статьи 209 и 210 УК РФ, закрепляющие ответственность за бандитизм и организацию преступного сообщества соответственно, в теории уголовного права нередко именуются «смежными» составами ввиду сходства ряда объективных и субъективных признаков [3, с. 89]. Вместе с тем их неправильное разграничение влечёт существенные нарушения принципа законности и справедливости наказания. Особую остроту проблема приобрела после масштабного реформирования ст. 210 УК РФ Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ, введшего ч. 1.1 об ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также последующих изменений 2022–2024 гг. [5].

Цель и задачи исследования. Цель настоящей работы — выявить системные противоречия в законодательном закреплении и практике применения ст. 209 и ст. 210 УК РФ и на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства. Для достижения цели решаются следующие задачи: анализ признаков банды и преступного сообщества; сравнительный анализ составов; изучение позиций Верховного Суда РФ; выработка рекомендаций *de lege ferenda*.

Методы и инструменты исследования. Исследование проведено с применением формально-юридического, сравнительно-правового и системно-структурного методов [1, с. 12]. Нормативную базу составили УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» и от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нём (ней)» [4], а также материалы опубликованной судебной практики за 2019–2024 гг.

Основные результаты исследования. Сравнительный анализ ст. 209 и ст. 210 УК РФ позволяет выделить четыре ключевых критерия их разграничения: цель создания, наличие оружия, структура группы и форма вины относительно деятельности организации [1, с. 34; 3, с. 91].

1. Обязательным признаком банды выступает вооружённость — наличие хотя бы у одного участника огнестрельного или иного оружия при осведомлённости об этом остальных [2, с. 47]. Для преступного сообщества данный признак факультативен. Между тем судебная практика демонстрирует ситуации, когда вооружённые преступные сообщества ошибочно квалифицируются как банды, и наоборот, что искажает системный характер уголовного закона.

2. Банда создаётся исключительно в целях нападения на граждан или организации (специальная цель). Преступное сообщество ориентировано на совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений в целях получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды — формулировка значительно более широкая [5]. Смещение указанных целей на практике приводит к конкуренции норм, разрешаемой нередко произвольно [3, с. 93].

3. Введение ч. 1.1 ст. 210 УК РФ породило новую проблему: лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, несёт ответственность вне зависимости от его участия в конкретном преступном сообществе или преступной организации [5]. Данная норма вызвала острую дискуссию в науке: одни авторы усматривают в ней нарушение принципа виновной ответственности, другие — необходимый инструмент борьбы с «ворами в законе» [1, с. 87]. Правоприменительная практика по ч. 1.1 остаётся немногочисленной и противоречивой.

4. Проблема конкуренции ст. 209 и ст. 210 УК РФ усугубляется при совокупности: суды по-разному решают вопрос о том, образуют ли действия участников вооружённого преступного сообщества совокупность бандитизма и организации преступного сообщества либо квалификация должна проводиться по одной из статей [2, с. 49]. Пленум Верховного Суда 2010 г. прямо указал на возможность совокупности, однако критерии её разграничения от единого сложного состава в постановлении прописаны недостаточно [4].

Практическая и теоретическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании действующей редакции ст. 209 и ст. 210 УК РФ, при подготовке разъяснений Верховного Суда РФ, а также в учебном процессе по дисциплинам «Уголовное право» и «Криминология» [1, с. 201]. Теоретическая значимость обусловлена систематизацией критериев разграничения смежных составов и выявлением законодательных пробелов [3, с. 101].

Выводы и рекомендации. По результатам исследования сформулированы следующие предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

1. В диспозиции ст. 209 УК РФ целесообразно уточнить понятие «нападение», разграничив его с понятием «насилие» в целях устранения терминологической неопределённости.

2. В постановление Пленума Верховного Суда РФ 1997 г. необходимо внести разъяснения о критериях разграничения банды и вооружённого преступного сообщества, в том числе применительно к случаям их совокупности.

3. Норму ч. 1.1 ст. 210 УК РФ следует дополнить указанием на конкретные деяния, образующие объективную сторону, во избежание расширительного толкования и нарушения принципа определённости уголовного закона.

4. Представляется обоснованным введение в УК РФ самостоятельной нормы, закрепляющей общее понятие организованной преступной деятельности как системообразующей категории для ст. 209, 210, 210.1 УК РФ.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность уголовно-правового противодействия организованной преступности и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Список литературы

1. Агапов П. В. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 256 с.
2. Быков В. М. Банда. особый вид организованной вооружённой группы // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 47–50.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Проблемы конкуренции норм о бандитизме и организованной преступности // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 89–101.
4. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12. URL: <https://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 05.05.2026).
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : ФЗ от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14. Ст. 1459.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ БЕЗУБЫТОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ С УЧЁТОМ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ

А. Б. Морозова

Научный руководитель: Н. В. Колоскова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
morozanna2026@mail.ru

В статье рассмотрены методические подходы к оценке безубыточной деятельности производственного предприятия с учётом финансово-экономических рисков. В исследовании показано, что оценка безубыточной деятельности предприятия может быть проведена с применением ряда традиционных и современных методов, отмечены их преимущества и недостатки, сформулирован вывод о том, что полноценная оценка безубыточной деятельности с учётом финансово-экономических рисков возможна на основании использования комплекса методов, сочетающего традиционные подходы и современные инструменты, позволяющие повысить точность и глубину проведения анализа.

Ключевые слова: безубыточность, безубыточная деятельность, оценка безубыточности, финансово-экономические риски.

Безубыточная деятельность производственного предприятия является важнейшим показателем оптимальной организации его хозяйственной и финансовой деятельности. Оценка зоны безубыточной деятельности позволяет своевременно выявить риски возникновения убытков, обеспечить рациональную загрузку производственных мощностей, выявить резервы экономии и повышения доходности. Разработка механизмов обеспечения финансовой устойчивости производственного предприятия, снижения финансово-экономических рисков его функционирования невозможна без научного обоснования системы индикаторов безубыточной деятельности и методических подходов к её оценке, что определяет актуальность темы исследования.

Целью исследования является рассмотрение методических подходов к оценке безубыточной деятельности производственного предприятия с учетом финансово-экономических рисков. Для достижения цели рассмотрены традиционные методы и современные подходы к оценке безубыточной деятельности предприятий.

Исследование проведено на теоретическом уровне и с применением методов анализа, синтеза, обобщения, библиографического и логического анализа. Теоретическая значимость исследования заключается в обобщении актуальных методических подходов к оценке безубыточной деятельности производственных предприятий, обосновании необходимости дополнения традиционных подходов к оценке методиками, позволяющими принять во внимание финансово-экономические риски.

В литературе представлено большое количество методов оценки безубыточной деятельности предприятий. Наиболее часто встречающейся и исторически первой методикой проведения такого анализа является метод маржинального

дохода (или метод валовой маржи), в рамках которого производится расчёт маржинального дохода как суммы чистой прибыли и переменных затрат предприятия. Смысл такого анализа в том, чтобы определить ту минимальную часть продукции, которую предприятию необходимо продать, чтобы обеспечить состояние безубыточности, т. е. покрыть доходами все понесённые расходы. Количественная категория точки безубыточности в этом случае рассчитывается как отношение совокупных постоянных затрат к коэффициенту маржинального дохода на единицу продукции [2]. Для того чтобы воспользоваться данным методом, необходимо иметь чёткое представление о том, из чего складываются постоянные и переменные затраты предприятия. Применение данного метода может быть полезным только в рамках краткосрочного периода, в течение которого цена на продукцию остаётся постоянной, но никак не отражает рискованных условий ведения производственно-коммерческой деятельности современных предприятий.

Математический метод оценки безубыточной деятельности (аналитический метод, или метод управления) по своей логике соответствует методу маржинального дохода. Он заметно чаще используется в отечественной практике и использует для вычисления точки безубыточности формулу расчёта прибыли предприятия. В рамках применения данного метода также осуществляется расчёт пограничного количественного критерия безубыточного состояния — точки безубыточности предприятия (как отношения совокупных постоянных затрат к разнице между ценой и удельными переменными затратами). Ограничения применения данного метода, так же как и метода маржинального дохода, связаны с его применимостью для краткосрочного периода.

Широкое распространение получил также графический метод, который заключается в определении точки безубыточности путём построения графиков, отображающих выручку, постоянные, переменные и совокупные затраты. Применение данного метода позволяет визуализировать расчётные значения, наглядно представить динамику состояния безубыточной деятельности в зависимости от изменений переменных, постоянных затрат, выручки и прибыли предприятия.

Опираясь на российскую практику бухгалтерского учёта, в отсутствие возможности разделить совокупные затраты предприятия на переменные и постоянные, может быть применён метод определения безубыточной деятельности предприятия. В рамках данного подхода оценка последней осуществляется посредством определения условно переменных и постоянных затрат и установления критического объёма продаж, обеспечивающего безубыточность. Метод используется для проведения анализа многопродуктового бизнеса на основании расчётной формулы:

$$V_{\text{кр}} = \frac{F}{k-1}, \quad (1)$$

где $V_{\text{кр}}$ — критический объём продаж;

F — совокупные постоянные затраты;

k — коэффициент средней доходности.

Данный метод не отличается точностью расчётов [4].

Говоря о финансово-экономических рисках в контексте безубыточности, подчеркнём, что существует большое количество предпринимательских рисков,

препятствующих получить планируемую маржинальность дохода. Важно проранжировать по степени влияния (опасности) все риски, например: риск инфляционных потерь, риск чрезмерной налоговой нагрузки, коммерческие и логистические риски, риск отрицательного финансового левериджа. В связи с этим необходимо рассчитывать и планировать запас финансовой прочности, т. е. тот процент превышения фактического объёма продаж над объёмом точки безубыточности, который и станет буфером между прибылями и убытками и поможет пережить трудные времена. Необходим такой запас финансовой прочности, чтобы его хватало на периоды спада продаж и финансовой неустойчивости предприятия.

Оценка безубыточности производственного предприятия может осуществляться как в рамках ретроспективного анализа, так и в рамках прогнозного анализа. А. А. Коляда указывает на необходимость сценарного подхода к прогнозируемой оценке безубыточной деятельности предприятия, что соответствует стратегическому финансовому менеджменту [1]. Таких сценариев должно быть разработано как минимум три: основной, оптимистический, пессимистический.

Основной сценарий прогнозируемой оценки безубыточной деятельности предприятия представляет собой такой вариант развития событий на рынке, которому менеджмент предприятия верит больше всего. Оптимистический сценарий представляет собой наилучший вариант в сравнении с основным, вероятность наступления которого меньше, но всё же возможна. Пессимистический сценарий представляет собой наихудший вариант развития события для предприятия по сравнению с основным и оптимистическим. Оценка безубыточной деятельности предприятия должна осуществляться в рамках всех трёх сценариев. Практическая значимость такого подхода определяется тем, что деятельность предприятия должна приносить доход при любом сценарии: если предприятие достигнет безубыточного состояния даже при пессимистическом сценарии, минимально сформированный в данных условиях объём продаж, обеспечивающий покрытие всех затрат предприятия, позволит ему не обанкротиться.

В ситуации, когда при оценке безубыточного состояния менеджмент предприятия обнаруживает невозможность его достижения и чтобы избежать рисков финансовых потерь, предприятию необходимо найти возможность увеличить объём производства и продаж (что на практике далеко не всегда легко реализуемо), либо сократить постоянные и не прямые переменные затраты до того уровня, который может быть покрыт за счёт продажи продукции в определённом объёме. Если и данных управленческих воздействий окажется недостаточно, то предприятию придётся пересмотреть подходы к формированию прямых переменных затрат, найти резервы их сокращения, что возможно уже только в рамках изменения существующей финансовой бизнес-модели.

Моделирование сценариев на основе изменений базовой модели безубыточной деятельности производственного предприятия — один из подходов, который позволяет учесть влияние финансово-экономических рисков на безубыточную деятельность предприятия, просчитать, как изменятся показатели безубыточности при воздействии ряда факторов, способных оказать влияние на цены, затраты и прочие элементы финансовой модели работы предприятия.

Наиболее точными и информативными моделями оценки безубыточного состояния производственных предприятий, широко доступными в современной практике, являются вероятностно-статистические модели. В таких моделях все параметры, обеспечивающие безубыточное состояние предприятия (постоянные затраты, цена, переменные затраты, прогнозируемый объём продаж), фиксируются как случайные величины, подчиняющиеся известными законами распределения. Для каждого параметра определяются вероятные отклонения, которые могут быть вызваны влиянием факторов, несущих риски нестабильности, на основании чего осуществляется прогнозирование вероятностного интервала обеспечения безубыточного состояния [3]. Применение данного метода позволяет учитывать факторы безубыточности в динамике, обеспечивает многовариантность и точность планирования, но требует применения специально разработанного программного обеспечения.

Таким образом, оценка безубыточной деятельности производственного предприятия может быть проведена с применением ряда методов. Рассмотренные в работе традиционные методы проведения такого анализа (математический, графический, метод маржинального дохода) подходят в большей степени для краткосрочного анализа, позволяют чётко выделить количественные показатели безубыточной деятельности при условии анализа однопродуктовых групп производимой продукции. Недостатком применения традиционных методов оценки безубыточной деятельности предприятия в контексте исследования является то, что они не позволяют учитывать существующие финансово-экономические риски производственно- коммерческой деятельности.

Современные методы оценки безубыточной деятельности лишены данного недостатка, поскольку предполагают анализ чувствительности построенных моделей к факторам внешней среды, могут быть дополнены сценарным планированием и опираются на применение информационно-аналитических инструментов.

Полноценная оценка безубыточной деятельности производственного предприятия с учётом финансово-экономических рисков возможна на основании использования комплекса методов, сочетающего как традиционные подходы, так и современные инструменты, позволяющие повысить точность и глубину проведения такого анализа.

Список литературы

1. Коляда А. А. Следующий уровень. Стратегический менеджмент новой эпохи: практическое руководство. М. : Альпина ПРО, 2026. 616 с.
2. Нурисламова Г. Р. Применение возможностей маржинального анализа в системе управления предприятием // Молодой ученый. 2021. № 52(394). С. 252 – 255.
3. Смирнова Л. И. Управленческий анализ. Краснодар: КубГАУ, 2021. 27 с.
4. Тимонина М. Ю., Ильина И. В. Анализ безубыточного объема продаж и зоны безопасности организации // Молодой ученый. 2019. № 47(285). С. 226 – 230.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ УЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ МУЗЫКАНТОВ В ЛЕТНИЙ ПЕРИОД: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

С. Д. Морозова

Научный руководитель: Т. М. Перевощикова, *ст. преподаватель*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
iva-tatiana@mail.ru

На основе анализа судебной практики в статье дается оценка применимости статьи 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к деятельности уличных музыкантов. Делается вывод о том, что данная норма фактически неэффективна из-за сложности доказательной базы. Региональные законы о тишине рассматриваются как альтернативный механизм правоприменения.

Ключевые слова: уличные музыканты, административная ответственность, статья 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, региональные законы о тишине, летний период, тишина в городе.

Летний сезон 2026 года традиционно сопровождается увеличением числа уличных музыкантов, выступающих в общественных местах российских городов. С одной стороны, это способствует развитию городской культуры, с другой — наблюдается рост жалоб на шум. Это противоречие создает необходимость в эффективном правовом регулировании. Отсутствие единой практики привлечения уличных музыкантов к административной ответственности и пробелы в законодательстве обуславливают **актуальность темы**.

Цель работы: выявление механизмов привлечения уличных музыкантов к административной ответственности и оценка применимости ст. 6.4 КоАП. Для этого решались следующие задачи: анализ ст. 6.4 КоАП РФ, изучение судебной и административной практики по делам об уличных выступлениях, рассмотрение региональных законов о тишине для альтернативного применения.

В исследовании использовались методы (анализ, синтез, индукция) и юридические методы (формально-правовой, сравнительно-правовой анализ, анализ судебной практики). Базу составили решения судов общей юрисдикции, доступные в справочных правовых системах, а также региональные правовые акты.

Официально статья 6.4 КоАП РФ («Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых и общественных зданий, сооружений, транспортных средств») может относиться к действиям уличных музыкантов, создающих шум [1]. Однако анализ показывает, что этот стандарт предназначен для защиты от шума, возникающего при строительных работах, вентиляции и оборудования на строительных площадках. Основной проблемой при применении этого критерия к физическому лицу, владеющему музыкальным инструментом, является сложный состав правонарушения. Для привлечения виновных к ответственности требуются измерения уровня шума

и участие специалистов Роспотребнадзора. На практике это правило становится неприменимым к уличным артистам. Анализ судебной практики за период 2024–2026 гг. показал, что конкретных случаев привлечения музыкантов к ответственности по ст. 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях нет. Согласно этой статье, штрафуются только юридические лица, нарушающие санитарные нормы.

В реальной практике место ст. 6.4 занимают два механизма. Первый — региональные законы о тишине.

Примеры регионального регулирования показаны в таблице [2].

Примеры регионального регулирования тишины в отношении уличных музыкантов

Регион	Нормативный акт	Статья	Запрещённое действие	Штраф
Челябинская обл.	Закон № 580-ЗО	Ст. 13	Громкая игра на музыкальных инструментах в ночное время	До 1000 руб.
Пермский край	Закон № 460-ПК	Ст. 7.2	Музыка, пение, крики с 23:00 до 7:00 (до 9 в выходные)	2000–3000 руб.
Тверская обл.	Закон № 46-ЗО	Ст. 54.1	Музыка, пение, крики с 23:00 до 7:00 (до 10 в выходные)	500–1000 руб. или предупреждение
Новосибирская обл.	Закон № 99-ОЗ	Ст. 4.1	Нарушение тишины и покоя в ночное время	500–1000 руб.

Второй механизм — квалификация по ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство». На практике это часто происходит при отсутствии замеров шума, но при наличии жалобы на нарушение общественного порядка.

В некоторых городах России (Санкт-Петербург и Нижний Новгород) уже введено цифровое бронирование мест для уличных музыкантов. Однако сформированная практика введения процедуры имеет явный недостаток: порог шума всего в 60 дБ не соответствует характеристикам живого инструмента и по сути делает невозможным легальное исполнение [3]. Сложившаяся ситуация создает угрозы для реализации конституционного права на творчество (ст. 44 Конституции РФ) [4].

Выводы и рекомендации.

1. Ст. 6.4 КоАП РФ де-факто не применяется к уличным музыкантам. Главная причина — сложная доказательная база, требующая экспертизы.
2. Реальное регулирование осуществляется на уровне региональных законов о тишине. Это создает неравенство в правовом статусе музыкантов в разных регионах России.
3. Практика уличных выступлений через систему бронирования имеет недостаток: порог шума в 60 дБ.
4. Пересмотреть стандарты в сторону 75–85 дБ в соответствии с европейской моделью и распространить цифровое бронирование и площадки для музыкантов во всех регионах страны.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : ФЗ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2026). Ст. 6.4, 20.1.
2. Об административных правонарушениях в Челябинской области : Закон Челябинской области от 27.05.2010 № 584-ЗО (с изм. от 01.03.2026). Ст. 13.
3. Сахарова Ю. В. К вопросу о правовом регулировании деятельности уличных артистов // Юрист. 2025. № 10. С. 59–66.
4. Черников С. Б., Шамрай И. Н. Экономико-правовые аспекты деятельности уличных музыкантов // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2016. № 2-3(70-71). С. 200–206.

СОЗДАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО АДАПТАЦИИ И ЗАКРЕПЛЕНИЮ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ В КРАСНОЯРСКОЙ ДИРЕКЦИИ СВЯЗИ ОАО «РЖД»

Д. А. Надольская

Научный руководитель: Ю. С. Галынская, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
olesich8@mail.ru

Статья посвящена разработке и внедрению системных мероприятий по адаптации и закреплению молодых сотрудников в Красноярской дирекции связи ОАО «РЖД». В условиях постоянных технологических изменений, растущих требований к надежности коммуникационных систем и необходимости формирования мотивированного кадрового потенциала важная задача — создание эффективных инструментов для быстрого вовлечения новых сотрудников в рабочий процесс, повышения их вовлеченности и укрепления командного духа.

Ключевые слова: адаптация персонала, молодые специалисты, деловая игра, наставничество, командообразование, мотивация, кадровая политика.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации процессов адаптации молодых специалистов, что способствует повышению эффективности работы всей организации и достижению стратегических целей компании [1].

Целью исследования является разработка комплексной системы мер по адаптации и закреплению молодых сотрудников в Красноярской дирекции путей сообщения ОАО «РЖД», включающей организацию деловой игры «Моя дорога», систему наставничества, корпоративные спортивные и социальные инициативы.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

- 1) разработка мероприятий для повышения вовлеченности и профориентации молодых специалистов;
- 2) оценка эффективности реализуемых мероприятий и их влияния на кадровый потенциал организации.

В работе используются методы анализа и проектирования, включая системный подход, сценарное моделирование, оценку социально-экономической эффективности и управление рисками.

Нами предлагаются такие инструменты для адаптации и закрепления молодых сотрудников, как деловая игра «Моя дорога», система индивидуальных программ наставничества, а также спортивные и мотивационные мероприятия [2].

Первое мероприятие — деловая игра «Моя дорога». В ней участники демонстрируют свои навыки общения, лидерства, аналитического мышления. Они проходят ряд этапов, выполняя различные задания. В результате собираются данные, на их основе формируются индивидуальные профили, а затем разрабатываются рекомендации по развитию. Это командный формат, который

помогает новичкам быстрее освоиться, понять свои сильные стороны, легче влиться в корпоративную среду, снизить уровень стресса. Кроме того, повышается мотивация и прокачиваются командные навыки. Такие игровые подходы делают адаптацию менее болезненной.

Второе мероприятие — внедрение системы наставничества с помощью чат-бота. Идея проста: автоматизированная платформа, которая упрощает взаимодействие между наставником и подопечным. Вместе они разрабатывают план развития, следят за прогрессом, обмениваются информацией, получают отчеты. Удобство заключается в следующем: обучение становится управляемым, нагрузка на руководителей снижается, а поддержка сотрудника становится постоянной, не случайной.

Третье — организация курсов йоги и фитнеса, чтобы сотрудники умели переключаться между работой и личной жизнью, чувствовать себя лучше. Есть идея запустить групповые занятия. В программу включены тренировки с профессионалами, как очно в оборудованном зале, так и онлайн. И вот что интересно: это не просто спорт, а способ помочь людям сохранять здоровье, бодрость и мотивацию.

Перед запуском этих инициатив нужна предварительная оценка эффективности. Без нее легко увлечься красивыми идеями, не понимая, что реально работает и сколько это стоит, реалистичный бюджет. Без него проект рискует застрять, ведь деньги небесконечны. И тут важно понять: грамотное планирование — не просто формальность, а фундамент. Оно помогает вовремя заметить отклонения, минимизировать перерасход и достичь целей без лишних сюрпризов и проволочек.

В таблице подробно расписаны все статьи расходов на реализацию.

Затраты на реализацию проекта

Мероприятие	Ресурс	Кол-во	Цена, руб	
			за ед.	общая
Разработка деловой игры «Моя дорога»	Зарплата ответственным за проведение мероприятия, руб.	–	–	90 000
	Бумага, пачка	1	Бесплатно (в наличии)	–
	Маркеры, шт.	10		
	Проектор, экран, шт.	1		
Итого затрат, руб.				90 000
Взаимодействие с наставником	Зарплата ответственным за проведение мероприятия, руб.	–	–	72 000
	Платформа для чат-бота, шт.	1	Бесплатно (в наличии)	–
	Лицензия, шт.	1		
Итого затрат, руб				72 000

Окончание таблицы

Мероприятие	Ресурс	Кол-во	Цена, руб.	
			за ед.	общая
Организация и проведение занятий по йоге и фитнесу	Свободный кабинет, шт.	1	Бесплатно (в наличии)	–
	Инвентарь и оборудование (коврики, полотенца, гантели), шт.	12	Покупается участниками	–
	Найм тренера по фитнесу, 2 раза в неделю	1 чел.	3 000 / тренировка	24 000
	Найм тренера по йоге, 2 раза в неделю	1 чел.		24 000
Всего затрат, руб.				48 000
Общая сумма затрат на все мероприятия, руб.				210 000

Общие затраты на мероприятия — 210 000 рублей. Если благодаря их внедрению снизить текучесть кадров и удержать 5 сотрудников, экономия составит 328 885 рублей, что делает мероприятия экономически выгодными для организации.

Теперь рассчитаем экономический эффект по формуле

$$\mathcal{E} = P / Z,$$

где $\mathcal{E}$ — экономический эффект от внедрения мероприятий;

P — экономический результат от реализации проекта;

Z — стоимость реализации мероприятий.

$$\mathcal{E} = 328\,885 / 210\,000 = 1,56.$$

Коэффициент 1,56 указывает на то, что реализованный проект не только полностью окупается, но и дает дополнительный экономический эффект в размере 56 %.

При реализации таких мероприятий, как игра «Моя дорога», организация наставничества с помощью чат-бота или проведение курсов йоги и фитнеса, существует риск возникновения кадровых проблем. Они могут помешать успешной реализации проектов и снизить их эффективность.

Перечислим основные риски, связанные с организацией, привлечением и управлением персоналом, а также способы их минимизации.

1. Недостаточная подготовка модераторов и участников. Отсутствие нужных знаний и навыков для проведения мероприятий.
2. Низкая мотивация сотрудников.
3. Неправильная организация пространства для игры — неучет условий для комфортного восприятия и участия.
4. Различие между ожиданиями участников и целями мероприятия.
5. Недостаточная объективность при обработке данных.
6. Низкая квалификация психолога или аналитика.
7. Отсутствие четких правил и стандартов оценки ключевых навыков.

8. Сопротивление руководителей или сотрудников переменам.
9. Недостаточная подготовка наставников.
10. Недостаток ресурсов (времени, технической поддержки).
11. Низкая квалификация инструкторов. Может снизить эффективность и безопасность занятий.
12. Неправильный подбор программы обучения — несоответствие уровня подготовленности участников.
13. Неудовлетворительные условия проведения занятий — неудобные или неподходящие помещения, недостаточное оборудование или вентиляция.
14. Низкая мотивация участников.

Список литературы

1. Смирнова Е. В. Мотивация и развитие молодых специалистов в современных условиях // Вестник управления персоналом. 2022. Т. 8, № 3. С. 45–52.
2. Петров В. А. Инновационные методы адаптации новых работников // Современные технологии в HR. 2020. № 12. С. 78–84.

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ДИАЛОГ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. Немков

Научный руководитель: В. В. Звягинцев, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
na.kpf@yandex.ru

Исследование посвящено аналитике изменений механизмов нравственного воспитания молодежи в условиях цифровизации общества. Основное внимание уделено взаимодействию традиционных ценностей с формами цифрового поведения.

Ключевые слова: нравственное воспитание, этические нормы поведения, цифровая среда, ценностные ориентиры, информационная безопасность, компетентность в виртуальном пространстве.

В современном мире цифровая среда становится одним из определяющих факторов формирования личности человека [2]. В связи с этим возникает необходимость изучения механизмов влияния цифровых технологий на нравственное развитие молодежи и определение эффективных методов воспитания в условиях новых реалий.

Цель проведенного исследования обусловлена необходимостью выявления особенностей трансформации основ нравственного воспитания в цифровой среде.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**.

1. Определить ценностные ориентиры у современной молодежи.
2. Выявить основные риски взаимодействия в цифровой среде.
3. Проанализировать особенности поведения в виртуальном пространстве.
4. Предложить практические решения, которые будут полезны для ориентации молодежи в вопросах нравственности при взаимодействии в онлайн ресурсах.

В процессе исследования применялись следующие **методы**:

- A. Авторская анкета, состоящая из 20 вопросов (шкала Ликерта).
- B. Методика Шварца для оценки ценностных приоритетов.
- C. Кейс-метод с использованием моральных дилемм для определения векторов поведения в сложившейся ситуации (2 кейса: реакция на фейковую новость и ситуация сетевой травли).
- D. Статистический анализ полученных данных.
- E. Сравнительный анализ результатов.

Данные, полученные в ходе исследования, и их интерпретация позволили определить **практическую значимость работы**.

1. Выявление актуальных проблем воспитания в условиях цифровой среды.
2. Определение эффективных каналов влияния на молодежь.

3. Возможность разработки целевых программ повышения цифровой грамотности, формирования рекомендаций для педагогов и родителей.

4. Создание системы мониторинга этического поведения в виртуальном пространстве.

Исследование проводилось методом выборочного анкетирования с участием 30 студентов Новосибирского государственного технического университета. Средний возраст опрашиваемых 20,5 лет, гендерный состав респондентов: 60 % (18 человек) — девушки, 40 % (12 человек) — юноши.

В результате исследования были выявлены различные особенности поведения респондентов как в офлайн, так и в онлайн-среде.

1. Ценностные ориентиры, определенные по методике Шварца, у интервьюированных распределились следующим образом.

— Семейные ценности и традиции наиболее значимы для 90 % респондентов (27 человек). Это самый популярный ответ при выборе из всех предложенных вариантов.

— Дружба и социальные связи оказались важны для 83 % опрашиваемых (25 человек).

— Честность и справедливость имеют значение у 80 % испытуемых (24 человека).

— Патриотические ценности актуальны для 60 % респондентов (18 человек).

Обобщение полученных данных выявило, что семья, дружба, честность и патриотизм формируют нравственную основу у современной молодёжи. Семья и друзья являются ключевыми источниками поддержки и нравственными ориентирами в жизни опрошенной молодежи. Таким образом, традиционные ценности по-прежнему играют важнейшую роль в формировании личностных качеств молодежи [1].

2. Характер потребления контента и особенности взаимодействия в цифровой среде формируют специфические паттерны поведения современной молодёжи [2]. В зависимости от характера контента выявлены следующие предпочтения у исследуемой группы молодых людей.

— Среди всех типов контента наиболее распространен развлекательный — 87 % (26 человек) отдают ему предпочтение.

— Блогами интересуется 80 % аудитории (24 человека).

— Музыкальные платформы востребованы у 73 % опрошенных (22 человека).

— Новостные ресурсы используют 63 % (19 человек).

— Образовательный контент актуален у 57 % (17 человек).

Полученные данные проведенного опроса показали, что предпочтения молодежи смещены в сторону «легкого», развлекательного и визуально насыщенного контента. Блоги и музыкальные платформы позволяют не только отдыхать, но и формировать личный стиль, находить единомышленников со схожими жизненными интересами. При этом новостной и образовательный контент не теряет актуальности — большая часть аудитории стремится быть в курсе актуальных событий и склонны к саморазвитию. На фоне полученных данных стоит отметить приверженность молодёжи к ресурсам с литературными источниками и прослушиванию аудиокниг.

3. Анализ соблюдения правил поведения в онлайн-среде показал следующие результаты:

- к соблюдению сетевого этикета склонны 63 % респондентов (19 человек);
- распространение недостоверной информации фиксируют 37 % (11 человек);
- защиту персональных данных считают важной 53 % опрошенных (16 человек);
- несанкционированное распространение данных допускают 47 % анкетированных (14 человек).

Итоги изучения вопроса показали, что уровень цифровой грамотности неоднороден, что подтверждает необходимость развития критического мышления [2]. Более половины интервьюированных соблюдают базисные правила сетевого этикета и проявляют бдительность в защите личных данных. Однако почти половина опрошенных допускает распространение информации, не задумываясь о правомерности своих действий, а более трети участвуют в распространении непроверенной или заведомо ложной информации. Это сигнализирует о необходимости просветительских программ в сфере кибербезопасности и медиаграмотности.

4. Изучение реакции опрашиваемых на недостоверную информацию и нравственные конфликты, проведенное с использованием кейс-методов, показало следующие результаты.

- Проверка информации на правдивость проводится лишь в 23 % случаев (7 человек)
- Пересылка непроверенных данных происходит в 37 % ситуаций (11 человек).
- Игнорирование проблемы выбрало 40 % опрошенных (12 человек).
- Противодействие кибербуллингу демонстрируют 57 % (17 человек).
- Пассивное наблюдение за конфликтами отмечают 30 % (9 человек).

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что молодежь в ситуациях морального выбора преимущественно склонна к бездействию. Уровень проверки информации крайне низок. Выявленные проблемы с проверкой информации и распространением недостоверных данных требуют системного подхода к формированию цифровой компетентности [1]. Поведение в ситуациях нравственного конфликта двойственно: несмотря на склонность к равнодушному восприятию и отстраненности, заметная часть опрошенных готова противостоять травле в сети. Противодействие кибербуллингу — наиболее распространенная активная реакция — ее демонстрируют 57 % опрошенных, что делает эту проблему осознаваемой и значимой и говорит о ее актуальности и необходимости формирования комплекса мероприятий для борьбы и обозначением возможных алгоритмов противодействия возникновению подобного рода случаев в онлайн-среде.

5. Осведомленность о рисках в глобальной сети — важнейший элемент интернет серфинга, основа использования интернет-ресурсов.

- С травлей и оскорблениями в интернете сталкивались 73 % опрошенных (22 человека).

— С фейковыми новостями сталкивались 47 % (14 человек). При этом 23 % не задумывались на эту тему (7 человек).

— Жертвами утечки данных стали 20 % респондентов (6 человек).

Результаты опроса показали, что травля и оскорбления в сети — самый распространенный негативный онлайн-опыт у молодежи, половина опрошенных сталкивалась с недостоверной информацией, каждый пятый участник опроса имеет опыт нарушения цифровой безопасности.

На основании полученных данных исследования были выделены следующие значимые взаимосвязи.

Нравственные ценности и реакция на кибербуллинг. Высокий уровень значимости семейных ценностей и дружбы коррелирует с готовностью противостоять нападкам и травле в сети. Ориентированность на социальные связи формирует сочувствие, стремление не дать в обиду и защитить других.

Потребление развлекательного контента и распространение фейковой информации. Популярность развлекательного контента в сочетании с высоким уровнем распространения недостоверной информации и непроверенных данных свидетельствует о том, что развлекательный контент чаще содержит непроверяемую информацию, а его потребители менее критичны к источникам данных.

Осведомленность о рисках и поведение в сети. Люди, сталкивающиеся с агрессией в свою сторону, чаще готовы ей противостоять. Опыт получения фейковой информации слабо коррелирует с проверкой информации: столкнувшись с дезинформацией большинство не меняет своих привычек, что приводит к формированию убеждений доверять любой информации без ее проверки.

Патриотические ценностные ориентиры и информационный выбор. Выявленная у молодежи поддержка общественных устоев сочетается с интересом к новостным ресурсам, что указывает на мотивацию к повышению информированности о происходящих событиях в общественной жизни у людей с активной гражданской позицией.

Образовательный контент и критическое мышление. Относительно низкий интерес у опрашиваемых к образовательному контенту соотносится с низким уровнем проверки достоверности информации, размещаемой в сети.

Проведенное исследование глубже помогло понять, как видоизменяются подходы к нравственному воспитанию молодежи в эпоху цифровизации, и сформулировать основные **выводы**, относящиеся к этой трансформации.

— Несмотря на большее влияние цифровой среды в жизни современного человека, сохраняются традиционные ценностные установки.

— Развлекательный контент преобладает в числе интересов у опрашиваемых, что требует учета при разработке воспитательных программ и формирует особый контекст нравственного развития.

— Фрагментарность навыков безопасного поведения в Сети допускает несанкционированное распространение данных, указывает на необходимость целенаправленного обучения.

— Пассивность характерна для ситуаций морального выбора, готовность к действиям проявляется только в случаях прямой агрессии.

— Опыт столкновения с рисками в онлайн-сфере не приводит к системному изменению поведения в аналогичных ситуациях, что показывает проблему недостаточной медиаграмотности и низкого уровня рефлексивности в оценке онлайн-публикаций.

— Трансформация подходов к нравственному воспитанию требует учета современных вызовов цифровой эпохи [2].

Для расширения понимания процессов нравственного воспитания в цифровую эпоху целесообразно:

— увеличить выборку до 200–300 респондентов с включением в число опрашиваемых студентов различных вузов и специальностей для проверки данных. Идеально провести исследование в различных ФО России;

— провести более продолжительное исследование (2–3 года) с обновлением каждые 3–6 месяцев для отслеживания изменения приоритетов и поведения.

Загадка современности: молодые люди в цифровой среде одновременно придерживаются проверенных временем ценностей, но порой ведут себя очень противоречиво. Разрыв между убеждениями и действиями, низкий уровень критического мышления и медиакомпетентности, цифровой этики требует комплексного подхода к воспитанию цифровой культуры у молодежи [2].

Практические рекомендации:

— внедрение курсов по цифровой этике в образовательную программу;

— организация тренингов по развитию критического мышления;

— разработка программ повышения цифровой грамотности.

Список литературы

1. Антоненко В. С. Влияние современности на духовные ценности человечества // Этнос и культура в эпоху глобализации : сб. матер. V Междунар. науч. очно-заочн. конф., Сухум, 30 июня. 1 июля 2022 года. Сухум : Издательство КубГТУ, 2022. С. 8–12.
2. Шишов С. Е., Кальней В. А. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический контекст и современные вызовы // Гуманизация образования. 2025. № 1. С. 103–127.

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, ПОТЕРЯВШИХ РАБОТУ

Т. В. Низовцева

Научный руководитель: Ю. С. Галынская, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
nizovtsevatm@mail.ru

В статье рассматриваются социально-психологические условия реабилитации лиц, потерявших работу, как система ранней поддержки, восстановления профессиональной субъектности и возвращения к занятости. Обоснована необходимость сочетать психологическое консультирование, групповую работу, карьерное сопровождение и ресурсы служб занятости.

Ключевые слова: потеря работы, безработица, социально-психологическая реабилитация, психологическая поддержка, профессиональная адаптация, поиск работы.

Актуальность исследования. Потеря работы является событием, которое затрагивает не только доход, но и повседневный режим, профессиональную идентичность, социальный статус, самооценку и представления человека о будущем. Даже при благоприятных агрегированных показателях рынка труда, фиксируемых официальной статистикой [1], индивидуальная ситуация увольнения может переживаться как кризис: исчезает привычный источник дохода, растет неопределенность, меняется характер общения в семье и профессиональной среде. Поэтому помощь лицам, потерявшим работу, не должна сводиться к передаче перечня вакансий; ей требуется реабилитационная логика, направленная на восстановление способности действовать.

Научная литература показывает устойчивую связь безработицы с ухудшением психического здоровья: ростом дистресса, снижением самооценки, депрессивными и тревожными проявлениями [2]. Обзор *C. R. Wanberg* подчеркивает, что последствия утраты занятости зависят от длительности поиска работы, финансового давления, социальных контактов, качества прежнего увольнения, опыта дискриминации и интенсивности поиска [4]. Российские исследования социально-психологической адаптации безработных также указывают на роль адаптационной готовности, субъективного благополучия и саморегуляции [3]. Эти данные позволяют рассматривать потерю работы как многомерный стрессор, требующий социально-психологического сопровождения.

Под социально-психологической реабилитацией в данной статье понимается организованное сопровождение человека после увольнения, направленное на восстановление эмоциональной устойчивости, профессиональной самоэффективности, социальных связей и реалистичной стратегии возвращения к труду. Важно не переносить ответственность за безработицу только на самого человека: увольнение может быть связано с реструктуризацией организации, технологическими изменениями, региональным дефицитом вакансий,

дискриминацией или семейными обстоятельствами. Следовательно, эффективная помощь должна учитывать внутренние переживания человека и внешние барьеры, которые ограничивают его возможности на рынке труда.

Цель и задачи исследования. Цель исследования — определить социально-психологические условия, повышающие результативность реабилитации лиц, потерявших работу, и предложить практико-ориентированную модель сопровождения данной группы.

Для достижения цели решались задачи:

- 1) уточнить содержание понятия социально-психологической реабилитации применительно к ситуации увольнения;
- 2) выделить факторы риска дезадаптации;
- 3) описать условия восстановления психологической устойчивости и профессиональной активности;
- 4) сформулировать рекомендации для специалистов служб занятости, образовательных организаций, центров психологической помощи и работодателей.

Объектом исследования является процесс реабилитации лиц, потерявших работу. Предметом исследования выступают социально-психологические условия, при которых человек восстанавливает способность к целенаправленному поиску занятости, профессиональному самоопределению и продуктивному взаимодействию с окружением.

Рабочая гипотеза состоит в том, что наиболее устойчивый эффект достигается при одновременной работе на трех уровнях: индивидуальном, межличностном и институциональном. Индивидуальный уровень связан со снижением тревоги и восстановлением самооценки; межличностный — с поддержкой семьи, группы и профессиональных контактов; институциональный — с доступом к понятным сервисам занятости, обучению и консультациям.

Методы и инструменты исследования. Методологическую основу работы составили теоретический анализ публикаций по психологии безработицы и адаптации, сравнительный анализ подходов к сопровождению безработных граждан, обобщение результатов мета-аналитических и обзорных исследований, концептуальное моделирование условий реабилитации. Дополнительно применялся вторичный анализ статистических и программных материалов, описывающих состояние рынка труда и подходы к поддержке психического здоровья в сфере занятости [1, 5]. Такой дизайн позволяет систематизировать условия, которые необходимо учитывать при разработке практической программы сопровождения.

Инструментальная часть модели может строиться на сочетании диагностики, консультирования и обучения. На первичном этапе целесообразны полуструктурированное интервью, оценка субъективного уровня стресса, анализ финансовой и семейной нагрузки, уточнение профессионального опыта, ограничений и ожиданий. Важно фиксировать не только наличие вакансий, но и готовность человека планировать день, отправлять отклики, проходить собеседования, переносить отказы, пользоваться цифровыми платформами и обращаться за помощью. Для прикладной апробации могут применяться шкалы психологического дистресса, самооценки, воспринимаемой социальной

поддержки, карьерной адаптивности и удовлетворенности жизнью. Их использование должно сопровождаться этической беседой и не заменять клиническую диагностику при выраженных признаках депрессии, суицидального риска, зависимости или насилия.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении реабилитационного подхода к потере работы. Безработица рассматривается не только как отсутствие рабочего места, а как состояние нарушенного социального участия, где переплетаются материальная неопределенность, утрата привычных ролей, снижение статуса и перестройка жизненного проекта. Такой подход соединяет социальную психологию, психологию труда, карьерное консультирование и практику служб занятости. Он также задает границы ответственности специалистов: психолог не подменяет экономическую политику и рынок вакансий, но помогает человеку сохранить способность к действию, критически оценивать возможности и использовать доступные ресурсы.

Практическая значимость выражается в возможности применения предложенной модели при организации помощи следующим адресатам: гражданам, уволенным по сокращению; выпускникам, не нашедшим работу после обучения; работникам предпенсионного возраста; лицам после длительного перерыва в занятости; мигрантам; одиноким родителям и людям с ограничениями здоровья. Для каждой группы требуется разная конфигурация помощи. Молодому специалисту чаще необходимы профессиональная ориентация и тренировка самопрезентации. Работнику старшего возраста важны преодоление дискриминационных ожиданий, признание накопленного опыта и освоение цифровых сервисов. Человеку после длительной безработицы необходимы восстановление повседневного режима, работа с выученной беспомощностью и постепенное расширение социальных контактов.

В прикладной модели можно выделить пять условий реабилитации: 1) ранняя стабилизация после увольнения: информирование о правах, снижение тревоги, нормализация переживаний и план ближайших действий; 2) восстановление субъектной позиции: анализ профессиональных достижений, работа с самооценкой и образом желаемой занятости; 3) социальная поддержка: участие семьи, групп взаимопомощи, профессиональных сообществ, наставников и консультантов; 4) сопровождение поиска работы: подготовка резюме, тренировка собеседования, освоение цифровых сервисов, анализ причин отказов; 5) профилактика повторной дезадаптации: помощь в адаптации на новом месте, предупреждение выгорания и поддержка обучающей траектории.

Институциональное условие реабилитации состоит в согласованности действий разных субъектов помощи. Служба занятости предоставляет информацию о вакансиях, обучении и мерах поддержки; психолог снижает дистресс и помогает восстановить мотивацию; образовательная организация обеспечивает переподготовку; работодатель дает понятную обратную связь и адаптационную поддержку. В рекомендациях ВОЗ и МОТ по психическому здоровью на работе подчеркивается необходимость предотвращать психосоциальные риски, поддерживать работников с трудностями психического здоровья и создавать

безопасную рабочую среду [5]. Для лиц, потерявших работу, эта логика может быть продолжена в форме межведомственного сопровождения до трудоустройства и в первые месяцы после него.

Выводы и рекомендации. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Потеря работы является не только экономической проблемой, но и событием, способным нарушить профессиональную идентичность, самооценку, социальные связи и организацию повседневной жизни. Эффективность реабилитации зависит от раннего начала помощи: чем дольше человек остается один на один с неопределенностью и отказами, тем выше риск дезадаптации. Результативное сопровождение должно сочетать психологическую поддержку, обучение навыкам поиска работы, развитие социальных контактов и доступ к институциональным ресурсам. Единая программа для всех безработных недостаточна; помощь должна дифференцироваться по возрасту, профессии, длительности безработицы, семейной нагрузке, состоянию здоровья и региональным возможностям трудоустройства.

Для практики рекомендуется на первичном приеме оценивать не только профессиональный профиль соискателя, но и риск эмоционального истощения, депрессии, социальной изоляции и финансового давления. В службах занятости и образовательных организациях целесообразно развивать короткие групповые программы, объединяющие психологическую стабилизацию, карьерное планирование и тренировку поведения на собеседовании. В индивидуальном сопровождении следует переходить от общей мотивационной беседы к конкретному плану действий на одну-две недели: подбор вакансий, подготовка документов, обучение цифровым сервисам, расширение контактов, анализ результатов.

Для работодателей значима корректная коммуникация при увольнении, поскольку способ расставания влияет на самооценку и дальнейшую активность человека. Результат реабилитации следует оценивать не только фактом трудоустройства, но и качеством адаптации: устойчивостью нового рабочего места, удовлетворенностью работой, снижением дистресса и восстановлением социального участия. Основной смысл социально-психологической реабилитации состоит не в принуждении человека принять любую вакансию, а в возвращении способности видеть реалистичные варианты, выбирать из них, переносить временные неудачи и использовать поддержку.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2025: статистический сборник. М. : Росстат, 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 20.05.2026).
2. Paul K. I., Moser K. Unemployment impairs mental health: meta-analyses // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 74, № 3. P. 264–282.
3. Шамионов Р. М., Еремина Е. Н. Предикторы социально-психологической адаптации безработных и лиц, занятых в сфере труда // *Вестник*

- Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2017. Т. 14, № 4. С. 383–399.
4. Wanberg C. R. The individual experience of unemployment // *Annual Review of Psychology*. 2012. Vol. 63. P. 369–396.
 5. World Health Organization, International Labour Organization. Mental health at work: policy brief. Geneva: World Health Organization, 2022. 20 p. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240057944> (date of access: 20.05.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РФ

Е. Е. Николаева

Научный руководитель: С. А. Достовалов, *канд. юрид. наук, доцент*

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),

г. Новосибирск, Россия

nikolaeva20172017@gmail.com

В статье исследуется прогрессивная система исполнения наказаний в Российской Федерации как ключевой институт уголовно-исполнительного права, обеспечивающий индивидуализацию отбывания лишения свободы и стимулирование осуждённых к исправлению. Анализируются проблемы правового регулирования, в том числе недостатки механизма условно-досрочного освобождения (УДО), отсутствие чётких критериев оценки степени исправления и прозрачности принятия решений. Предлагаются пути совершенствования законодательства: внедрение балльной системы оценки поведения осуждённых, учёт риска рецидива при рассмотрении ходатайств об УДО, создание учреждений объединённого типа для плавного перехода между условиями содержания.

Ключевые слова: прогрессивная система исполнения наказаний, уголовно-исполнительное право, условно-досрочное освобождение (УДО), индивидуализация наказания, балльная система оценки поведения.

Прогрессивная система исполнения наказаний представляет собой один из важнейших институтов уголовно-исполнительного права, обеспечивающих индивидуализацию отбывания лишения свободы и стимулирование осуждённых к исправлению, а в условиях модернизации пенитенциарной системы Российской Федерации, закреплённой в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года, исследование механизмов реализации данного института приобретает особое значение для повышения эффективности исправительного воздействия и обеспечения безопасности общества [1].

Актуальность темы обусловлена противоречием между декларируемыми целями исправления осуждённых и существующими механизмами правового стимулирования в уголовно-исполнительном законодательстве. Согласно положениям Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, одним из приоритетных направлений является создание справедливой и контролируемой системы мотиваций осуждённых к законопослушному поведению, влекущему изменение условий отбывания наказания. Вместе с тем в правоприменительной практике выявляются существенные пробелы: отсутствие чётких критериев степени исправления осуждённых, недостаточная регламентация балльной системы оценки поведения, фрагментарность научных подходов к изучению прогрессивной системы. Эти обстоятельства снижают эффективность исправительного воздействия и затрудняют прогнозирование поведения осуждённых.

Д. В. Горбань полагает, что необходим отход от классического понимания прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы и введению в действующее законодательство понятия «прогрессивной системы ресоциализации осужденных» [2].

Цель исследования заключается в комплексном анализе правового регулирования прогрессивной системы исполнения лишения свободы в Российской Федерации и разработке предложений по совершенствованию механизмов ее реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать нормативную базу, регулиующую прогрессивную систему исполнения наказаний, включая положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ и подзаконные акты;

2) разработать законодательные инициативы, направленные на совершенствование института условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом;

3) оценить перспективы распространения элементов прогрессивной системы на альтернативные лишению свободы наказания.

Методы и инструменты исследования. Исследование базируется на применении комплекса научных методов, позволяющих обеспечить всесторонний анализ проблематики: системный подход применяется для изучения элементов прогрессивной системы и их взаимосвязей; концептуальный подход позволяет изучить прогрессивную систему с позиций ее влияния на действующее уголовно-исполнительное законодательство как самостоятельного его принципа; дополнительно используются формально-логический метод для толкования норм права.

Теоретическая значимость работы определяется развитием концептуальных основ уголовно-исполнительного права в части соотношения прогрессивной системы с другими институтами исполнения наказаний.

Практическая значимость заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства.

Условно-досрочное освобождение (УДО) представляет собой краеугольный камень прогрессивной системы исполнения наказаний, обеспечивая правовой стимул для исправления осужденных и служа мостом между изоляцией и возвращением в общество. В отличие от простого перевода на облегченные условия содержания внутри пенитенциарной системы, УДО завершает исполнение наказания, что делает его наиболее значимым поощрительным механизмом в арсенале уголовно-исполнительного права.

Современная конструкция УДО закреплена в ст. 79 УК РФ [3] и носит комплексный характер, требуя одновременного наличия нескольких обязательных элементов. Суд должен признать, что осужденный не нуждается в полном отбывании наказания для своего исправления, что вред, причиненный преступлением, возмещен полностью или частично в размере, определенном судом, а также фактически отбита предусмотренная законом часть срока. Правовая природа УДО подразумевает оценку «исправления» как комплексной категории, где решающее значение имеет общий баланс дисциплины и труда, участие

в программах социальной адаптации, характеристика администрации и наличие социально-полезных связей вне учреждения.

Несмотря на широкое распространение института, механизм УДО не всегда оказывает необходимое исправительное воздействие и не гарантирует достижение целей наказания, закрепленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, и здесь проблема заключается в отсутствии законодательно закрепленной обязанности прогнозировать вероятность совершения нового преступления при рассмотрении ходатайства об УДО. Текущая редакция ст. 79 УК РФ требует лишь констатации факта исправления на момент рассмотрения дела, но не предусматривает оценку рисков рецидива, что приводит к механистическому подходу в правоприменении. Кроме того, можно согласиться с Н. С. Емельяновым, что основанием для условно-досрочного освобождения должны быть: возмещение ущерба потерпевшей стороне, погашение исков, успешное прохождение лечебно-профилактических и психологических программ, отсутствие действующих дисциплинарных взысканий [4].

Также следует отметить, что в юридической доктрине активно обсуждается предложение о внедрении балльной системы УДО, которая сделала бы процедуру более объективной и прозрачной. Суть подхода заключается в установлении четких критериев, в сумме дающих определенное количество баллов (например, 100 баллов за максимальное соответствие требованиям), а при достижении максимального количества баллов осужденный мог бы получить право на автоматическое освобождение, а при наборе от 80 до 100 баллов решение принимал бы суд с мотивированной оценкой обстоятельств. Система предполагает как «плюсовые» критерии (отсутствие взысканий, участие в образовательных программах, возмещение вреда), так и «минусовые» (получение выговоров, нарушения режима). Наиболее значимые критерии, такие как полное возмещение вреда потерпевшим или активное участие в программах ресоциализации, должны давать большее количество баллов, в то время как формальные нарушения режима меньшее число.

Условно-досрочное освобождение как элемент прогрессивной системы требует существенной модернизации, и необходимо законодательно закрепить обязанность суда оценивать риск рецидива, внедрить объективные критерии степени исправления в виде балльной системы и рассмотреть возможность распространения УДО на пожизненно осужденных после более длительного, но все же ограниченного срока, чем нынешние 25 лет. Представляется, что данные меры позволят сохранить стимулирующий потенциал института при одновременном повышении общественной безопасности.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Прогрессивная система исполнения лишения свободы является эффективным инструментом индивидуализации наказания, однако ее правовое регулирование требует существенного совершенствования, в частности, необходимо закрепление данного принципа на уровне основополагающей ст. 8 УИК РФ [5].

2. Важнейшим элементом прогрессивной системы выступает изменение условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного, однако

механизм оценки такого поведения остается недостаточно прозрачным, и для этого требуется внедрение объективных критериев и балльной системы оценки.

3. Наиболее значимыми стимулами для осужденных остаются возможность условно-досрочного освобождения и замена наказания более мягким видом, что требует совершенствования процедур их применения с учетом личностных характеристик осужденных.

4. Следует внедрить балльную систему оценки поведения осужденных, обеспечивающую объективность решений о переводе на иные условия содержания.

5. Целесообразно совершенствовать организационно-структурное построение учреждений, предусмотрев создание учреждений объединенного типа, обеспечивающих плавный переход между различными условиями содержания.

Список литературы

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.
2. Горбань Д. В. О прогрессивной системе ресоциализации осужденных к лишению свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 1(23). С. 19 – 27.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Емельянов Н. С. Прикладные проблемы прогрессивной системы исполнения наказаний в виде лишения свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 4(22). С. 47 – 53.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА НА ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

С. Т. Нуралинова

Научный руководитель: В. И. Чистякова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
S_angels@mail.ru

В работе рассматриваются современные методы оценки качества системы риск-менеджмента на горно-металлургических предприятиях, включающих обогатительные фабрики и металлургические заводы. Выявлены отраслевые виды рисков, определена система параметров, характеризующих качество системы риск-менеджмента и методы оценки ее качества, предложен интегральный показатель оценки качества системы риск-менеджмента с учетом отраслевой специфики.

Ключевые слова: качество системы риск-менеджмента, методы оценки, отраслевая специфика.

Производственная деятельность предприятий горно-металлургической отрасли по добыче сырья сопровождается множественными и существенными рисками. Работа связана со сложным современным горно-добывающим оборудованием, человеческим фактором, политической и экономической ситуацией. В этих условиях система риск-менеджмента применяется для своевременного выявления, анализа и оценки факторов, являющихся критически рисковыми для бизнеса. Наличие различных подходов и методов оценки качества системы риск-менеджмента свидетельствует об актуальности проблемы обоснования наиболее приемлемых методов оценки для компаний горно-металлургической отрасли [5].

Особенность горно-металлургической отрасли заключается в комплексном характере рисков, которые могут оказывать влияние одновременно на производственные процессы, экологическую безопасность, экономические показатели и устойчивость предприятия в целом. Это требует применения современных подходов к оценке качества системы риск-менеджмента, включающих как количественные, так и качественные методы оценки.

В работе рассматриваются основные методы оценки качества системы риск-менеджмента на горно-металлургических предприятиях, анализируются существующие подходы и предлагается интегральная модель оценки, учитывающая отраслевую специфику, уровень автоматизации и степень интеграции системы.

Горно-металлургические предприятия относятся к числу наиболее рискованных отраслей промышленности. Производственные процессы обогащения руды, плавки металлов и транспортировки сырья характеризуются высокой технологической сложностью, повышенной аварийностью и значительным влиянием человеческого фактора [4].

В современных условиях цифровизации и внедрения корпоративных информационных систем (КИС), включая ERP-системы, возрастает необходимость не только управления рисками, но и оценки качества самой системы риск-менеджмента. Это обусловлено тем, что эффективность управления рисками напрямую влияет на устойчивость производства, экологическую безопасность и экономическую результативность предприятия [1, 2].

Особое значение имеет контроль и организация риск-менеджмента, поскольку именно они обеспечивают функционирование системы управления рисками на уровне обогатительной фабрики и металлургического завода.

Цель исследования — изучение и обоснование наиболее приемлемых методов оценки качества системы риск-менеджмента на горно-металлургических предприятиях.

Задачи исследования:

- рассмотреть сущность системы риск-менеджмента в металлургической отрасли;
- раскрыть понятие качества системы риск-менеджмента;
- изучить существующие методы оценки качества системы риск-менеджмента;
- разработать интегральный подход к оценке качества системы риск-менеджмента;
- определить роль корпоративных информационных систем в мониторинге рисков и оценке системы качества риск-менеджмента;
- сформировать практические рекомендации по совершенствованию оценки качества системы риск-менеджмента.

В работе применяются следующие **методы исследования**:

- системный анализ (для изучения структуры риск-менеджмента предприятия);
- процессный подход (анализ бизнес-процессов обогатительной фабрики и металлургического завода);
- методы качественной и количественной оценки рисков;
- экспертные оценки (метод Дельфи);
- анализ ключевых индикаторов риска (KRI);
- сравнительный анализ стандартов ISO 31 000 и COSO ERM [1, 2].

Инструментальной базой исследования выступают корпоративные информационные системы (ERP), системы мониторинга производственных процессов и цифровые панели управления рисками.

Теоретическая значимость заключается в развитии подходов к оценке качества системы риск-менеджмента с учетом специфики горно-металлургического производства, где риски носят комплексный производственно-технологический и экологический характер [5].

Практическая значимость состоит в возможности применения предложенной методики для:

- повышения эффективности управления рисками на обогатительных фабриках;
- снижения аварийности металлургических процессов;
- повышения надежности корпоративных информационных систем;

- оптимизации затрат на риск-менеджмент;
- повышения устойчивости предприятия в условиях нестабильной внешней среды.

Риск-менеджмент на предприятиях типа «обогащительная фабрика + металлургический завод» включает управление следующими группами рисков:

- технологические риски (поломка оборудования, сбой плавильных процессов);
- производственные риски (простой, снижение качества продукции);
- экологические риски (выбросы, загрязнение воды и воздуха);
- кадровые риски (ошибки персонала, недостаток квалификации);
- информационные риски (сбой КИС, потеря данных);
- риски промышленной безопасности.

Система оценки качества риск-менеджмента. Качество системы риск-менеджмента определяется степенью достижения следующих параметров:

- полнота идентификации рисков;
- точность оценки вероятности и последствий;
- эффективность мер реагирования;
- уровень интеграции с КИС;
- скорость принятия решений;
- уровень автоматизации контроля.

Методы оценки качества системы риск-менеджмента

1. Ключевые индикаторы эффективности (KPI/KRI). Используются показатели:

- количество реализованных рисков;
- уровень потерь от рисков;
- время реакции на инцидент;
- процент предотвращенных рисков [3].

2. Метод зрелости системы риск-менеджмента. Оцениваются уровни:

- начальный;
- управляемый;
- интегрированный;
- оптимизированный.

3. Экспертный метод оценки. Применяется для анализа качества процедур идентификации и контроля рисков.

4. Интегральная модель оценки качества системы риск-менеджмента.

Предлагается интегральный показатель качества:

$$Q = \sum (W_i \times K_i),$$

где W_i — весовой коэффициент показателя;

K_i — значение i -го критерия [5].

Роль цифровых технологий в оценке качества системы риск-менеджмента.

Современные ERP-системы и модули риск-менеджмента обеспечивают:

- автоматический сбор данных о рисках;
- мониторинг производственных отклонений;
- прогнозирование аварийных ситуаций;
- формирование отчетности в реальном времени.

Таким образом, по результатам выполненного исследования систему риск-менеджмента на горно-металлургических предприятиях предлагается рассматривать как интегрированную часть корпоративного управления. Кроме того, эффективность риск-менеджмента напрямую зависит от уровня его интеграции в корпоративную информационную систему (КИС). Наиболее результативным является применение комбинированного подхода к оценке качества системы риск-менеджмента: KPI, экспертные методы, интегральная модель. При таком подходе ключевую роль играет автоматизация контроля рисков, которая достигается за счет:

- внедрения цифровых платформ мониторинга рисков;
- развития системы ключевых индикаторов риска (KRI);
- повышения уровня подготовки персонала;
- интеграция риск-менеджмента с ERP-системами предприятия;
- регулярная оценка зрелости системы управления рисками.

Практическая значимость исследования методов оценки качества системы риск-менеджмента на горно-металлургических предприятиях состоит в совершенствовании управления рисками в условиях высокой технологической и производственной сложности рассматриваемой отрасли.

В работе раскрыты теоретические аспекты оценки качества системы риск-менеджмента, предложен комбинированный подход, учитывающий специфику деятельности обогатительных фабрик и металлургических предприятий; обоснована необходимость внедрения цифровых технологий и корпоративных информационных систем для повышения эффективности мониторинга и контроля рисков.

Список литературы

1. COSO ERM Framework: интегрированная модель управления рисками организаций. 2017. URL: <https://www.coso.org> (дата обращения: 15.05.2026).
2. ISO 31000:2018. Risk management. Guidelines. 2018. URL: <https://www.iso.org> (дата обращения: 15.05.2026).
3. World Bank. Risk Management in Extractive Industries Report. 2025. URL: <https://documents1.worldbank.org> (дата обращения: 15.05.2026).
4. Иванов А. А. Риск-менеджмент в промышленности. М. : Инфра-М, 2024. 132 с.
5. Нуралинова С. Т., Чистякова В. И. Современные подходы к оценке качества системы менеджмента риска организации // Экономика XXI века : сб. матер. V Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 70-летию со дня основания Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), в рамках Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации (Новосибирск, 3 декабря 2025 г.). Ч. 2 / [под ред. О. А. Чистяковой]; АНОО ВО Центросоюза РФ «СибУПК». Новосибирск, 2025. С. 119–126.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. О. Пакканен

Научный руководитель: А. А. Распутин, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
pakkanen_a.o@mail.ru

В статье анализируются современные тенденции и проблемы развития агропромышленного комплекса. Рассматриваются ключевые показатели сельского хозяйства, тенденция изменения структуры посевных площадей, динамика финансовых затрат. Особое внимание уделяется процессам цифровизации управления, применению высокоавтоматизированной техники, а также их влиянию на деятельность сельскохозяйственных предприятий. Сформулированы практические рекомендации по развитию агропромышленного комплекса в целом, поддержке аграриев со стороны государства, укреплению продовольственной безопасности населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, экономическая динамика, цифровизация, агробизнес, финансовое управление, продовольственная безопасность, государственная поддержка АПК, проблемы развития, модернизация.

В современных реалиях агропромышленный комплекс Российской Федерации играет стратегическую роль в обеспечении продовольственной безопасности и социально-экономической стабильности всех регионов. Повышение благосостояния населения и динамическое развитие экономики субъектов и страны в целом не представляется возможным при отсутствии стабильно развитого, прогрессивного агробизнеса [2].

Для решения проблем развития агропромышленного комплекса страны необходима комплексная поддержка со стороны государства, так как функционирование данного сектора экономики нацелено на решение важных социально-экономических задач по обеспечению продовольственной безопасности населения [1].

За последние годы отрасль сельского хозяйства в России претерпела ряд немаловажных изменений в ходе решения устранения проблем в разных областях АПК. Одной из важных проблем является технологическое отставание и износ технического оснащения аграриев. Многие предприятия используют морально устаревшую технику, а обеспеченность техникой на единицу обрабатываемой площади остаётся низкой. Одним из решений данной проблемы является плотное сотрудничество с белорусскими тракторо- и машиностроительными заводами, выпуск отечественными заводами современных и высокоавтоматизированных моделей сельскохозяйственной техники.

Государственная поддержка российских аграриев в виде возмещения части затрат на приобретение техники, которая может составлять до 50 % от понесенных затрат (не более 20 млн рублей), а также предоставление льготного

лизинга (до 15 лет) и краткосрочного кредитования (до 1 года) со ставкой до 6,8 % на 2026 год — все эти меры стимулирования от государства помогают сельхозтоваропроизводителям периодически обновлять тракторный и машинный парк, компенсируя часть расходов. На данный момент материальное стимулирование происходит преимущественно в области растениеводства, в то время как животноводство претерпевает недостаток финансовых вливаний в техническое обеспечение ферм.

Кадровый дефицит, который в 2026 году составляет около 50 %, является немаловажной проблемой для аграрного сектора страны. На сегодня средний возраст работника АПК составляет 45–50 лет, молодое поколение без энтузиазма идет работать на сельскохозяйственные предприятия ввиду тяжелых условий труда, сезонности и низкого уровня оплаты труда. На данный момент молодым специалистам АПК производится «подъемная» единовременная выплата, разного рода стимулирования непосредственно на предприятии. Хорошей практикой могло бы послужить предоставление большего количества целевых мест для абитуриентов от сельскохозяйственных предприятий в вузы с дальнейшей гарантией трудоустройства, предоставления жилья и выплаты единовременных выплат молодым специалистам. Выполнение этих условий позволило бы снизить кадровый голод до 25–30 %. Также необходимо своевременное обновление знаний действующих сотрудников аграрного сектора в связи с быстроразвивающимися тенденциями ведения бухгалтерского учета, внедрением цифровизации в агрономию, животноводство и ветеринарию.

Нестабильные погодные условия, засухи, ранние заморозки и другие экстремальные явления могут существенно снизить урожайность, привести к невызреванию культур или гибели всего урожая. Климатические риски накладывают свой отпечаток на сельское хозяйство в целом, это приводит к изменению структуры посевных площадей, применению усовершенствованных видов гербицидов, минеральных и органических удобрений.

В 2025 году карта посевных площадей по структуре культур изменилась кардинальным образом. Отечественные аграрии отдали предпочтение высокомаржинальным техническим культурам — это соя, рапс, лен-кудряш, подсолнечник (+8 % к 2024 году), в 2026 году данная тенденция сохранилась — увеличение на 10 % к 2025 году. Увеличение посевов технических культур предполагает значительный прирост прибыли сельхозтоваропроизводителей.

Посев высокомаржинальных культур предусматривает использование большего количества удобрений и гербицидов для увеличения и повышения качества урожая. Под урожай 2025 года приобретено и внесено более 380 тыс. т минеральных удобрений (в 2024 году было внесено около 450 тыс. т). Зерновые и зернобобовые культуры остаются приоритетным направлением отечественных аграриев.

Несмотря на все климатические вызовы, аграрии собрали достойный урожай: валовой сбор зерновых и зернобобовых культур составил более 3 млн т, что более чем на 640 т больше показателя 2024 года. Валовой сбор технических культур составил более 830 тыс. т, превысив показатели 2024 года на более чем 330 т.

Среди перспектив развития агропромышленного комплекса можно выделить следующие аспекты.

1. Цифровизация. Внедрение технологий точного земледелия, высокоавтоматизированных комбайнов и сеялок, БПЛА и дронов для мониторинга высевы, загрязнения сорняками, систем управления стадом, «умных теплиц», чат-ботов и искусственного интеллекта для прогнозирования урожайности, температуры и влажности почвы, применение цифровых платформ ЕФИС ЗСН, ФГИС «Зерно», «Меркурий», «Сатурн», «ВетИС» (с подсистемой «Хорриот»). Эти нововведения позволят повысить урожайность в среднем на 30 %, а также снизить затраты до 20 %. Продолжается развитие Единой цифровой платформы Минсельхоза России.

2. Развитие науки и технологий. Укрепление отечественной базы научно-исследовательских испытаний, развитие генетики, геномной инженерии, селекции, биотехнологий, создание агробиотехнопарков. Особое внимание следует уделить разработке и производству критически важных добавок, ветеринарных препаратов и вакцин на основе отечественного сырья.

3. Государственная поддержка. Льготный лизинг, краткосрочное кредитование, субсидии, квоты, программы поддержки малых форм хозяйствования, единовременные выплаты молодым специалистам. Объем государственной поддержки превышает 500 млрд рублей ежегодно.

4. Вовлечение в оборот новых земель сельскохозяйственного назначения. К 2030 году планируется привлечь в сельскохозяйственный оборот не менее 13,2 млн га земли, развивать мелиорацию и повышать плодородие почв.

5. Укрепление продовольственной безопасности согласно Указу Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Необходимо повышать урожайность и качество собранного урожая, применять безопасные гербициды и удобрения, развивать направление органического сельского хозяйства и производства органической продукции, использовать исключительно отечественные семенные материалы, развивать племенное скотоводство, создавать новые технологии производства, переработки и хранения продукции, включая полный цикл на одном предприятии.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии устойчивого потенциала для развития отечественного агропромышленного комплекса. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность управления, адаптироваться к изменениям внешней среды и обеспечить долгосрочный экономический рост.

Список литературы

1. Акбашева Д. М., Абайханова А. А., Кызылалиева Д. Н. Актуальные проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России // Управленческий учет. 2022. № 3-2. С. 176–181.
2. Рябчикова Н. Н. Менеджмент агропромышленного кластера: тенденции и перспективы развития в России // Лидерство и менеджмент. 2021. Т. 8, № 4. С. 555–566.

РОЛЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР И ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Е. А. Перемыкина

Научный руководитель: Ю. А. Коган, *преподаватель (практик)*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kogan2903@mail.ru

В статье рассматривается трансформация роли аудита в условиях меняющейся экономической среды. Особое внимание уделяется аналитическим процедурам как инструменту получения доказательств и системе внутреннего аудита как механизму постоянного контроля. Определены задачи, решаемые с помощью аналитических процедур, и этапы организации внутреннего финансового аудита в коммерческих и бюджетных организациях.

Ключевые слова: аналитические процедуры, внутренний аудит, финансовый контроль, аудиторские доказательства, управление рисками, бюджетный учет.

В условиях динамично меняющейся экономической среды, усиления конкуренции и повсеместной цифровизации значение эффективного финансового контроля возрастает многократно. Бизнес-процессы становятся сложнее, а требования к прозрачности и достоверности финансовой отчетности жестче. В этом контексте аудит перестает быть просто формальной проверкой цифр. Он трансформируется в мощный аналитический инструмент, позволяющий не только выявлять ошибки, но и прогнозировать риски, оценивать эффективность управления и обеспечивать устойчивое развитие организации. Ключевую роль в этом процессе играют два взаимосвязанных элемента: аналитические процедуры как метод получения доказательств и система внутреннего финансового аудита как механизм постоянного контроля и совершенствования.

Аналитические процедуры представляют собой фундамент для формирования профессионального суждения аудитора. В отличие от простой сверки документов, они базируются на глубоком понимании бизнеса клиента, его отраслевых особенностей и внутренних закономерностей. Суть этих процедур заключается в анализе и оценке финансовой и нефинансовой информации, выявлении взаимосвязей между показателями и исследовании их колебаний.

Анализ литературных источников показывает, что единого, жесткого определения аналитических процедур не существует, однако большинство подходов сходятся на следующем [1, 2, 5]:

- сопоставление текущих данных с информацией за предыдущие периоды с плановыми показателями (бюджетами, прогнозами) и со среднеотраслевыми значениями;

- изучение взаимосвязей между элементами финансовой отчетности (например, между выручкой и дебиторской задолженностью) и между финансовыми

и нефинансовыми данными (например, между расходами на оплату труда и численностью персонала);

— использование различных методов — от простых сравнений до сложных экономико-математических моделей, кластерного и регрессионного анализа.

Таким образом, аналитические процедуры являются не просто техническим приемом, а комплексным аналитическим подходом, который помогает аудитору «увидеть» общую картину, выявить аномалии и сконцентрироваться на наиболее рискованных областях проверки.

Перечень задач, решаемых с помощью аналитических процедур, значительно шире, чем просто проверка достоверности отчетности. Они служат достижению различных целей. В первую очередь это понимание бизнеса аудитором и эффективное планирование этого бизнеса. Решение такой задачи позволяет верно распределить ресурсы рабочей группы аудиторов.

Вторая задача, которую возможно решить с помощью аналитических процедур, — это сбор аудиторских доказательств. С помощью таких процедур определяют правильность отражения информации по счетам бухгалтерского учета и в конечном счете определяют общее финансовое положение предприятия.

Следующая задача, которая стоит перед аудитором и которую возможно решить с помощью аналитических процедур, — это выявление ошибок и различных искажений в учете хозяйственной деятельности предприятия. Такие ошибки могут свидетельствовать о несовершенстве учетной политики, низкой квалификации работников бухгалтерии или о намеренном искажении учета.

При проведении аудиторской проверки следует обязательно провести оценку непрерывности хозяйственной деятельности предприятия. При этом осуществляется анализ финансовых коэффициентов, который позволяет определить возможность дальнейшего развития предприятия, а также необходимость принятия антикризисных мер, если такие требуются.

При анализе отчетности компании аудитору также требуется проведение аналитических процедур в части проверки достоверности такой отчетности и соответствия ее данным, указанным по счетам бухгалтерского учета предприятия.

Аналитические процедуры в работе аудитора следует использовать и в системе внутреннего аудита. Система внутреннего аудита — это система контроля и управления рисками. В рамках этой системы аудитор помогает руководству предприятия оценить текущее состояние бизнеса, поставить цели на будущее и определить пути их достижения. В процессе такой проверки аудитор использует методы фактической проверки, к которым относятся проведение инвентаризации, экспертизы, а также проведение служебного расследования, если такое требуется. Сочетание различных методов проверки позволяет получить полную картину деятельности организации, чтобы в дальнейшем выявить слабые места как в деятельности, так и в учете и наметить пути решения.

Для бюджетных организаций внутренний аудит является обязательным, так как он обеспечивает контроль за целевым и эффективным расходованием государственных средств. В коммерческом секторе его роль также неуклонно растет, поскольку инвесторы и собственники требуют прозрачности и гарантий сохранности активов.

Правовую и методологическую основу внутреннего финансового аудита в России составляют Бюджетный кодекс РФ, федеральные стандарты, а также Международный стандарт аудита 500 «Аудиторские доказательства» [3, 4].

Деятельность служб внутреннего аудита строится на принципах законности, объективности, независимости, профессиональной компетентности и ответственности.

Процесс внутреннего аудита включает три ключевых этапа.

1. Организация и планирование. Распределение ответственности и полномочий, формирование аудиторской группы, разработка плана и программы проверки.

2. Проведение аудита. Непосредственная проверка, включающая уведомление объекта, сбор и анализ данных, составление отчета о результатах.

3. Анализ результатов и принятие мер. Разработка плана корректирующих действий и контроль за его выполнением.

Методология внутреннего аудита базируется на широком спектре приемов и способов. Она включает как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специфические.

Таким образом, в современных условиях аудит представляет собой сложную многоуровневую систему анализа предприятия, по итогам которого руководители и собственники юридических лиц получают полный объем информации о деятельности компании и разрабатывают пути дальнейшего развития.

Список литературы

1. Гиниятуллина Д. Р. Совершенствование внутреннего аудита в государственном секторе // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 6(2). С. 95 – 100.
2. Горбунова Н. А. Принципы и методы внутреннего финансового контроля (аудита) эффективности деятельности государственного учреждения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12-2. С. 251 – 256.
3. Международный стандарт аудита 500 «Аудиторские доказательства» : прил. № 16 к приказу Министерства финансов Российской Федерации от 9 янв. 2019 г. № 2н в ред. от 27.10.2021 г. // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317408/ (дата обращения: 08.06.2026).
4. Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита: «Определения, принципы и задачи внутреннего финансового аудита»: приказ Минфина России от 21 ноября 2019 г., № 196н в ред. от 01.09.2022 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338586/ (дата обращения: 08.06.2026).
5. Блекот О. В., Торопова И. С. Организация внутреннего финансового аудита // Проблемы и перспективы развития системы учета, аудита и государственного управления в условиях цифровой экономики : матер. III Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь, 26 мая 2023 года. Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2023. С. 289 – 292.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ВЫЗОВЫ

А. И. Перепичка

Научный руководитель: С. А. Достовалов, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
chdean_law@sibupk.nsk.su

В работе анализируется цифровая трансформация контрольно-надзорной деятельности (КНД) в России как стратегическое направление развития госуправления в рамках национальной цели до 2030 года. На основе данных Единого реестра контрольных мероприятий Генпрокуратуры РФ за 2025 год продемонстрированы практические результаты цифровизации: сокращение числа проверок при росте их эффективности до 88 % и рассмотрены ключевые инструменты: «Электронный инспектор», предиктивная аналитика и риск-ориентированный подход. Обозначены барьеры на пути трансформации (правовые ограничения, кибербезопасность, финансирование) и перспективные направления развития КНД.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, автоматизация, интернет вещей (IoT), видеоаналитика, кибербезопасность.

На сегодняшний момент цифровая трансформация затрагивает все сферы государственного управления, и контрольно-надзорная деятельность не исключение. Внедрение цифровых технологий призвано повысить эффективность контроля, снизить административную нагрузку на бизнес и минимизировать коррупционные риски. В статье изучено, какие инструменты уже применяются и с какими трудностями сталкиваются сотрудники данной сферы деятельности. До 2030 года цифровая трансформация — одна из главных национальных целей России, предполагающая достижение «цифровой зрелости» экономики, социальной сферы (включая здравоохранение и образование) и госуправления [1].

Исследование базируется на открытых данных Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий Генпрокуратуры РФ за 2025 год и посвящено анализу региональных видов госконтроля. На основе нового закона, систематизирующего формы надзора, проведен количественный анализ таких мероприятий, как контрольная закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная и выездная проверка.

Цифровая трансформация процессов и функций контрольно-надзорных органов требует научного обобщения достигнутых результатов на теоретическом и методологическом уровнях. Для изучения цифровой трансформации в сфере контрольно-надзорной деятельности необходимо определить само понятие цифровой трансформации и раскрыть его содержательные характеристики.

«Цифровая трансформация — это комплексное преобразование деятельности, включающее внедрение технологий и ведущее к глубоким культурным и организационным изменениям (в т. ч. в сфере взаимодействия с органами власти и предоставления госуслуг), в отличие от оцифровки (перевода информации в цифровой формат, например сканирования документов)

и цифровизации (реинжиниринга процессов с использованием цифровых инструментов)» [5].

Цель цифровой трансформации состоит в достижении цифровой зрелости ключевых отраслей экономики, социальной сферы (включая здравоохранение и образование) и государственного управления, а ее задачи охватывают повышение эффективности надзорных мероприятий за счет автоматизации и внедрения передовых технологий, снижение административной нагрузки на подконтрольные субъекты посредством перевода взаимодействия в электронный формат, внедрение риск-ориентированного подхода к планированию и проведению проверок с применением аналитики и предиктивных моделей, повышение прозрачности и подотчетности контрольно-надзорной деятельности для граждан и бизнеса, а также создание единого цифрового пространства для всех участников надзорных процессов.

Для понимания механизмов цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности были рассмотрены ключевые инструменты цифровизации, среди которых: интеллектуальная система «Электронный инспектор» [4] (автоматизация планирования проверок и отчетности), Единый реестр проверок (обеспечение прозрачности КНД), мобильные приложения для инспекторов (доступ к данным в режиме реального времени), каналы онлайн-взаимодействия с подконтрольными субъектами (личные кабинеты, цифровая отчетность, онлайн-консультации и обратная связь), средства аналитики и отчетности (прогнозная аналитика на основе больших данных, интерактивные дашборды, единая автоматизированная система отчетности), а также технологии предиктивного контроля, искусственного интеллекта, роботизации процессов, цифровых двойников и облачных решений, способствующие повышению эффективности, прозрачности и оперативности контрольно-надзорных мероприятий.

Существенным фактором успешной цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности выступает ее финансовое обеспечение. Отдельным аспектом анализа стало финансирование цифровизации КНД: в 2025 году на реализацию соответствующей программы в РФ выделено 63,4 млрд рублей из федерального бюджета, при этом субъекты РФ могут покрыть до 70 % затрат на внедрение цифровых решений за счет региональных бюджетов. По оценкам экспертов, окупаемость таких инвестиций составляет около трех лет за счет повышения эффективности процессов и сокращения операционных издержек.

За последние годы организация контрольно-надзорной деятельности (КНД) претерпела глубокую трансформацию, поскольку произошел переход от системы сплошного контроля, предусматривавшей обязательную проверку каждого объекта один раз в три года вне зависимости от уровня риска, к риск-ориентированному подходу [2]. В его рамках интенсивность контрольных мероприятий — форма, продолжительность и периодичность проверок — определяется категорией риска, к которой отнесена деятельность контролируемого лица или используемые им производственные объекты. Основой такого подхода служат специальные индикаторы риска, позволяющие оптимизировать распределение надзорных ресурсов и повысить общую эффективность КНД. Стратегические направления дальнейшей автоматизации процессов задает федеральный проект

«Цифровое государственное управление» в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ» [3].

Подтверждением масштабности изменений служит статистика: по итогам 2025 года в России зафиксировано значительное сокращение числа контрольно-надзорных мероприятий при одновременном росте их эффективности. Ключевыми факторами стали полный переход на риск-ориентированный подход, цифровизация процессов и внедрение автоматизированных систем контроля. Общее количество проверок составило 273 тысячи по всей стране, это на 20 тыс. меньше, чем в 2024 году, и в 5,6 раза меньше, чем в 2019 году (около 1,1 млн). Снижение коснулось как плановых, так и внеплановых мероприятий. Плановых проверок было проведено 35 тысяч — на 13 % меньше, чем в 2024 году (40 тыс.). Согласно изменениям в законодательстве, плановые проверки теперь проводятся только для объектов, относящихся к высокому и чрезвычайно высокому риску. Эффективность проверок (доля мероприятий, в ходе которых выявлены нарушения) достигла 88 %. Для сравнения: до начала реформы в 2019 году этот показатель составлял менее 40 %.

Проведенный анализ цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности (КНД) демонстрирует, что внедрение современных информационно-коммуникационных технологий открывает принципиально новые возможности для повышения эффективности государственного контроля. Вместе с тем процесс цифровой трансформации сталкивается с рядом существенных барьеров, культурным сопротивлением изменениям, нормативно-правовыми ограничениями, проблемами кибербезопасности и ограниченностью финансирования. Перспективы развития контрольно-надзорной деятельности связаны с дальнейшей автоматизацией рутинных процессов, расширением применения IoT, предиктивной аналитики и цифровых двойников, а также интеграцией с международными системами контроля. Достижение «цифровой зрелости» к 2030 году, заявленное как национальная цель, требует консолидации усилий государства, бизнеса и научного сообщества.

Таким образом, цифровая трансформация КНД — не просто технологический апгрейд, а стратегическое направление развития государственного управления, способное обеспечить баланс между эффективным контролем и снижением административной нагрузки, повысив доверие граждан и бизнеса к контрольно-надзорным органам.

Список литературы

1. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: постановление Правительства

- Российской Федерации от 10 марта 2022 года № 336 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1715.
3. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/pasport_federalnogo_proekta/ (дата обращения: 07.03.2026).
 4. Жигун Л. А. Цифровые инновации в контрольных органах власти // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 2733–2742.
 5. Костина О. В. Цифровизация контрольно-надзорного производства. М., 2025.

РЫНОК МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ КАЗАХСТАНА: ОТ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

К. А. Покатова

Научный руководитель: С. А. Баркова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ssmod10@yandex.ru

В статье анализируется рынок медицинских изделий Республики Казахстан, определяется его структура и основные тенденции развития. Рассматривается деятельность одного из хозяйствующих субъектов этого рынка ТОО «Альянс-MEDICA» с целью установления возможностей его развития в условиях политики импортозамещения.

Ключевые слова: рынок медицинских изделий Республики Казахстан, конкуренция, структура рынка, экономическое развитие организаций.

Актуальность исследования продиктована тем, что система здравоохранения Республики Казахстан находится в стадии активной модернизации, сопровождающейся ростом как государственного финансирования, так и частных расходов населения. По данным Бюро национальной статистики, в IV квартале 2025 года объём услуг в сфере здравоохранения достиг 1 252 207,9 млн тенге, из которых 17 % (более 212 млрд тенге за квартал) были оплачены напрямую гражданами. В ежедневном исчислении казахстанцы тратят на медицинские нужды около 2,3 млрд тенге собственных средств [1]. Такая динамика создаёт устойчивый спрос на медицинские изделия и расходные материалы, включая перевязочные средства, инъекционные принадлежности, средства ухода за пациентами.

Цель исследования — на основе комплексного анализа рыночных, конкурентных и внутренних факторов деятельности ТОО «Альянс-MEDICA» оценить экономическую целесообразность и стратегические перспективы запуска собственного производства медицинской клеёнки в Республике Казахстан.

Достижение поставленной цели предполагает выполнение следующих задач: проанализировать динамику и товарную структуру рынка медицинских расходных материалов в Казахстане за 2022–2024 гг., выявить наиболее перспективные сегменты для локализации производства; провести оценку конкурентной среды на рынке изделий медицинского назначения, определить степень импортной зависимости основных игроков и позиционирование «Альянс-MEDICA», изучить организационно-экономическое состояние компании, определить ее сильные и слабые стороны; выполнить PEST-анализ внешней среды для идентификации ключевых возможностей и угроз; сформулировать выводы о целесообразности запуска производства медицинской клеёнки.

В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов экономического анализа, адаптированных к специфике рынка медицинских изделий.

Рынок медицинских расходных материалов в Казахстане за 2022–2024 гг. вырос на 24,7 % — с 228,5 до 285,0 млрд тенге — при ежегодных цепных темпах роста 11–12 % [2].

Основными движущими силами развития рынка медицинских изделий Республики Казахстан являются:

- государственные программы поддержки и развития здравоохранения;
- выход на рынок предприятий частного сектора, доля которых составляет около 35 % рынка;
- политика импортозамещения, которая даёт значительные преференции для местных производителей при участии в тендерах на государственные закупки.

Если говорить о таком сегменте рынка, как медицинская клеенка, то здесь дополнительно действуют такие факторы, как демографическое старение населения (индекс старения, рассчитываемый как отношение числа людей старше 65 лет на 100 детей, составляет 32,9 %), большое количество лежачих больных, интенсивное развитие служб по уходу за больными и т. п.

Рынок медицинских изделий Казахстана достаточно конкурентен, но практически все участники обладают высокой зависимостью от импортных поставок, за исключением компании «ORDAMED», которая имеет собственное производство.

Одним из субъектов, активно участвующих на рынке изделий медицинского назначения, является АО «Альянс-MEDICA». Компания входит в топ-3 наиболее диверсифицированных компаний, имеет опыт работы с госзаказом и частными клиниками, а также собственный отдел регистрации, что даёт преимущество в прохождении требований TP TC 007/2011.

Компания обладает хорошим потенциалом. Численность персонала выросла на 18,1 % за три года, причём число специалистов увеличилось на 23,5 % — это подтверждает наращивание проектных и регистрационных компетенций.

Компания реализует масштабные проекты, среди которых можно назвать:

- оснащение Областной больницы (г. Семей) — 120 млн тенге;
- поставка оборудования в частную клинику (г. Алматы) — 45 млн тенге;
- производство медицинской мебели — 90 млн тенге;
- регистрация новых медицинских изделий — 5 млн тенге;
- внедрение ERP-системы — 35 млн тенге.

Показатели проектной деятельности компании представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели проектной деятельности ТОО «Альянс-MEDICA»

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста 2025/2023, %
Количество реализованных проектов, шт.	4	5	7	175,0
Общий бюджет проектов, млн тенге	180	250	390	216,7
Средний бюджет одного проекта, млн тенге	45,0	50,0	55,7	123,8
Количество ключевых контрагентов (заказчиков)	8	10	15	187,5
Доля производственных проектов в общем бюджете, %	0	36,0	47,4	—

Как видно из данных табл. 1, компания имеет положительную динамику как в количестве реализуемых проектов, так и в бюджете проектов. За анализируемый период почти в 2 раза увеличилось и количество ключевых контрагентов. Развивая собственное производство, компания решает задачу импортозамещения критически важной медицинской продукции.

Экономические показатели деятельности организации представлены в табл. 2 [3].

Таблица 2

**Экономические показатели деятельности
ТОО «Альянс-MEDICA» за 2023-2025 гг., млн тенге**

Показатели	Годы			Темп роста, %			Изменение 2025/2023, +/-
	2023	2024	2025	2024/2023	2025/2024	2025/2023	
Выручка	2 500	2 800	3 200	112,0	114,3	128,0	+700
Себестоимость продаж	1 900	2 100	2 450	110,5	116,7	128,9	+550
Валовая прибыль	600	700	750	116,7	107,1	125,0	+150
Коммерческие и управленческие расходы	470	550	600	117,0	109,1	127,7	+130
Прибыль от продаж	130	150	150	115,4	100,0	115,4	+20
Чистая прибыль	84	96	104	114,3	108,3	123,8	+20
Рентабельность, %	3,36	3,43	3,25	—	—	—	-0,11 п. п.

Как видно из таблицы, выручка выросла на 28 % (с 2,5 до 3,2 млрд тенге), чистая прибыль — на 23,8 % (с 84 до 104 млн тенге). Рентабельность продаж оставалась стабильна на уровне 3,25–3,43 %. Ее небольшое снижение в 2025 году (на 0,11 п. п.) обусловлено ростом себестоимости импортного сырья — именно этот риск и призвано снизить собственное производство.

Компания имеет достаточную финансовую подушку (чистая прибыль ~100 млн тенге в год) для инвестиций в новую производственную линию, особенно при условии использования государственных преференций.

Для выявления угроз и возможностей развития был проведен PEST-анализ. По его результатам были проранжированы следующие факторы:

- наиболее значимая возможность (оценка 5) — политика импортозамещения (20 % преференция локальным производителям на госзакупках, программа «Офсетные контракты»);

- наиболее значимая угроза (оценка 5) — волатильность курса тенге, которая напрямую увеличивает себестоимость импортных расходных материалов. Открытие собственного производства даст возможность понизить эту зависимость и в дальнейшем просто избавиться от нее;

- в качестве дополнительных возможностей, получивших оценку 4, может стать появление новых технологий в сфере биоразлагаемых полимеров.

Подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать, что включение национальных производителей в процесс импортозамещения позволит снизить высокую зависимость национального рынка от зарубежных производителей. Имеющийся положительный опыт развития проектной деятельности национальных компаний в сфере производства медицинских изделий создаёт устойчивые предпосылки для закрепления отечественного производителя на рынке медицинских изделий.

Список литературы

1. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан : официальный сайт. URL: <https://stat.gov.kz> (дата обращения: 02.05.2026).
2. Аналитический обзор рынка медицинских изделий Республики Казахстан за 2022–2024 гг. URL: <https://medtech.kz> (дата обращения: 22.04.2026).
3. ТОО «Альянс-MEDICA». Бухгалтерский баланс : отчет о прибылях и убытках за 2023, 2024, 2025 годы. Усть-Каменогорск, 2023–2025.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ: ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

К. А. Покатова, В. Ю. Лавриненко

Научный руководитель: С. А. Баркова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ssmod10@yandex.ru

В статье анализируются подходы к управлению проектными рисками, рассматриваются методологические аспекты управления, эволюция понятийного аппарата, классификация методов оценки, проводится краткий обзор международных стандартов.

Ключевые слова: риски, управление рисками, эволюция науки управления рисками, методы управления.

Актуальность исследования объясняется тем, что в современных условиях развития экономики проектная деятельность становится основным инструментом реализации стратегических изменений в организациях. Любой проект — от разработки программного обеспечения до строительства инфраструктурного объекта — неизбежно сталкивается с неопределённостью, которая может как создавать угрозы достижению целей, так и открывать новые возможности.

Несмотря на богатую теоретическую базу, многие организации по-прежнему применяют лишь отдельные меры к управлению проектными рисками. Отсутствие системного понимания природы рисков, их свойств, методов оценки и стратегий реагирования ведёт к нарушению сроков, перерасходу бюджета и невыполнению целевых показателей развития. В связи с этим актуальным является обобщение и систематизация теоретических основ управления проектными рисками как фундамента для построения эффективной системы управления рисками в организациях.

Целью исследования является систематизация теоретических и методологических аспектов управления проектными рисками, включая эволюцию понятийного аппарата, классификацию, методы оценки, международные стандарты.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проследить эволюцию концепции управления рисками;
- уточнить ключевые понятия;
- провести классификацию рисков по стадиям жизненного цикла проекта;
- охарактеризовать методы оценки рисков.

При проведении исследования использовалась совокупность методов, основными из которых были анализ и синтез, сравнительный анализ, а также обобщение.

Управление рисками относится к достаточно молодому научному направлению [1, с. 27].

На первом этапе (до 1980-х гг.) — период становления науки — риски в деятельности организации рассматривались как угроза, которую необходимо было

избегать. Управление тогда носило реактивный характер, а основными методами были избегание и страхование.

На втором этапе (1980–2000 гг.) риск по-прежнему рассматривался как потеря, но вместе с тем появились попытки систематизации и количественной оценки. Активно развивались вероятностно-статистические модели, анализ чувствительности, методы дерева решений.

Третий — современный этап (с 2000-х гг. и по настоящее время) характеризуется интеграцией управления рисками в общую систему менеджмента организации и ориентацией на создание ценности. Риск обретает двойственную природу (угроза/возможность) и рассматривается как источник конкурентного преимущества. Применяются сценарное управление, реальные опционы, динамические методы, такие как моделирование Монте-Карло.

Эффективная система управления рисками невозможна без рассмотрения отношения организации к риску. В международной практике выделяют три иерархических уровня.

На первом — стратегическом уровне — устанавливается так называемая склонность к риску и определяется количество и тип риска, которые организация готова сознательно принять в погоне за своими целями.

Второй — операционный, допустимый уровень, который можно фактически измерить. Это допустимые отклонения по конкретным параметрам проекта (например, отклонение по бюджету в пределах $\pm 15\%$, по срокам ключевых вех — не более 10 дней).

На третьем определяется допустимый уровень (порог) риска. Устанавливается точка запуска предопределенных ответных мер (триггер).

Совокупность методов, используемых при управлении рисками, можно объединить в две группы: количественные и качественные. Среди них имеются как те, которые применяются в традиционном экономическом анализе, так и те, которые применяются преимущественно в науке риск-менеджмента.

Качественные методы применяются при ограниченности информации и позволяют идентифицировать и приоритизировать риски. К ним относятся:

- PESTLE-анализ — систематизация макросреды по политическим, экономическим, социальным, технологическим, правовым и экологическим факторам;
- SWOT-анализ — выявление внутренних уязвимостей и внешних угроз;
- FMEA (анализ видов и последствий отказов) — риск оценивается через приоритетное число риска (RPN) как произведение тяжести последствий, вероятности возникновения и возможности обнаружения;
- метод Дельфи и экспертные интервью — для достижения консенсуса в условиях высокой неопределенности.

Количественные методы позволяют численно оценить совокупное влияние рисков на ключевые показатели проекта (бюджет, сроки):

- анализ ожидаемой стоимости (EMV) — резерв рассчитывается как сумма произведений вероятностей рисков на стоимость их воздействия;
- анализ дерева решений — моделирование сценариев и выбор оптимального пути;

- анализ чувствительности — диаграмма «Торнадо» показывает, какие риски имеют наибольшее влияние;

- метод Монте-Карло — наиболее точный инструмент. Проводится 10 000–100 000 симуляций с заданием законов распределения (чаще всего треугольного) для неопределенных параметров. Результат представляется в виде гистограммы и кумулятивной кривой, позволяющей определить бюджет с требуемым уровнем уверенности [2];

- статистические показатели — дисперсия, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации (при $V < 10\%$ — низкий риск, $10\text{--}25\%$ — средний, $>25\%$ — высокий риск).

Выбор методов должен соответствовать сложности и новизне проекта, доступности данных, культуре управления.

Сфера управления рисками стандартизирована на международном уровне. Международные стандарты играют системообразующую роль, обеспечивая единую терминологию, интеграцию риск-менеджмента в общую систему менеджмента и соответствие регуляторным требованиям.

Наибольшее распространение получили три стандарта [3, с. 112].

ISO 31 000:2018 — универсальный, принципо-ориентированный стандарт. Он задает общую культуру и язык управления рисками, полезен для выстраивания сквозного процесса.

PMBOK Guide (PMI) — процессно-ориентированный, сугубо проектный стандарт. Детально описывает входы, выходы и инструменты для каждого этапа управления рисками (планирование, идентификация, качественный/количественный анализ, планирование реагирования, мониторинг).

COSO ERM — рамки для корпоративного управления рисками (ERM). Он связан со стратегией и выполнением, полезен для высшего руководства для увязки проектных рисков со стратегическими целями компании.

После идентификации и оценки рисков необходимо предпринимать ответные действия, которые будут различаться в зависимости от того, как будет воспринят риск — угроза или возможность.

Арсенал методов, которые имеются у организации, достаточно разнообразен. Среди наиболее часто встречающихся можно назвать: уклонение (изменение плана действий с целью полного исключения угрозы); передача (переложение последствий на третью сторону); смягчение (снижение вероятности или воздействия путем дополнительных тестов, резервирования); принятие (осознанное согласие без активных действий) [4, с. 117].

Вышеназванные меры зависят от степени приоритетности риска и масштабов его воздействия на организацию.

Для рисков, которые организация рассматривает как возможности, применяются свои варианты поведения. Организация может их использовать в случае высокой вероятности получения дохода; может усиливать, увеличивая положительный эффект, либо также принять, что относится к пассивному ожиданию.

Таким образом, формирование целостной системы управления рисками должно базироваться на комбинации международных стандартов, методологически обоснованных методов оценки и отраслевой адаптации. Это позволяет

не только снизить вероятность негативных событий, но и целенаправленно использовать неопределенность для повышения эффективности и устойчивости деятельности организации.

Список литературы

1. Балдин К.В. Управление рисками : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 511 с.
2. Стьюарт Д. Имитационное моделирование: метод Монте-Карло в финансах и управлении проектами. М. : Вильямс, 2022. 400 с.
3. Лобанов А. А. Энциклопедия финансового риск-менеджмента. М. : Альпина Паблишер, 2022. 932 с.
4. Хиллсон Д. Управление проектными рисками. М. : Лаборатория знаний, 2023. 240 с.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К СНИЖЕНИЮ РИСКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Е. В. Потапов

Научный руководитель: Н. П. Литвинова, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ggsolowp@gmail.com

В статье рассматриваются результаты исследования системного подхода к снижению рисков организации, функционирующего в условиях выраженной сезонности и высокой конкуренции, на примере гостиничного предприятия, расположенного на горнолыжном курорте. Проведён комплексный анализ специфических рисков, характерных для гостиничного бизнеса горного курорта, предложена и внедрена универсальная модель управления рисками.

Ключевые слова: системный подход, управление рисками, анализ рисков, снижение рисков, организация, моделирование рисков.

В условиях высокой неопределённости и динамичности внешней среды современные организации сталкиваются с широким спектром рисков, способных негативно повлиять на их деятельность. Традиционные методы управления рисками часто оказываются недостаточно эффективными из-за фрагментарности и отсутствия системности. В связи с этим разработка комплексного, системного подхода к снижению рисков становится актуальной задачей для обеспечения устойчивого развития и повышения конкурентоспособности организаций.

Цель исследования: формирование системного подхода к снижению рисков организации, обеспечивающего повышение ее устойчивости и эффективность управления ресурсами.

Задачи исследования

1. Провести анализ специфических рисков для гостиничного бизнеса в условиях горного курорта.
2. Сформулировать принципы системного подхода к управлению рисками для гостиничного предприятия.
3. Разработать модель управления рисками с учётом сезонности и инфраструктуры горнолыжного курорта.
4. Апробировать предложенную модель на примере конкретного гостиничного предприятия.
5. Оценить эффективность внедрения системного подхода.

В рамках настоящего исследования была разработана и апробирована модель управления рисками, адаптированная к специфике гостиничного предприятия на горнолыжном курорте. Ключевой особенностью предложенного подхода является учёт региональных и отраслевых факторов, а также интеграция современных информационных технологий для повышения оперативности реагирования на потенциальные угрозы.

Для достижения поставленной цели был применён комплекс взаимодополняющих методов и инструментов.

1. Теоретико-методологический анализ.

Проведён глубокий анализ отечественной и зарубежной научной литературы, посвящённой вопросам риск-менеджмента. В основу исследования легли труды ведущих специалистов в области маркетинга и управления рисками (Е. П. Голубков), стратегического менеджмента, который играет важную роль в процессе идентификации и анализа рисков (Е. А. Гвоздева, А. В. Сорокин) и экономической теории (Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева) [3–5]. Это позволило сформировать теоретическую базу для практической работы.

В процессе анализа изучалась работа гостиничного предприятия на основе Постановления Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» [1].

2. Эмпирические методы.

Для сбора первичных данных использовались экспертные интервью: проведены беседы с руководством и ключевыми сотрудниками отеля для выявления внутренних рисков, оценки текущей системы управления и сбора предложений по её совершенствованию.

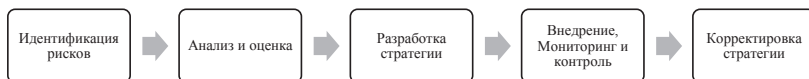
3. Аналитические инструменты.

— анализ документации: изучена финансовая, бухгалтерская и статистическая отчётность предприятия за последние три года (из открытых источников) для количественной оценки экономических рисков;

— SWOT-анализ, позволяющий выявить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы;

— имитация кризисных ситуаций и расчёт вероятностных характеристик риска.

На рисунке представлен порядок разработки стратегии управления рисками в организации.

Модель системного управления рисками

Использование данного комплекса методов обеспечило всесторонний подход к исследованию, позволив объединить теоретические положения с практическими данными конкретного гостиничного предприятия.

Теоретическая значимость работы определяется разработкой и обоснованием оригинальной модели управления рисками. Эта модель базируется на глубоком анализе действующих факторов риска, характерных для гостиничного бизнеса в условиях горного курорта, и предполагает интеграцию современных инструментов риск-менеджмента. Рассматриваемый подход предлагает механизмы идентификации, оценки и нейтрализации рисков с учётом региональной и отраслевой специфики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная модель носит универсальный характер и может быть адаптирована для использования предприятиями различных сфер деятельности. Внедрение предложенных инструментов позволяет повысить финансовую устойчивость организации, минимизировать потенциальные убытки и укрепить её позиции на рынке. Результаты работы представляют значимость для руководителей предприятий, специалистов служб внутреннего контроля, риск-менеджмента и аудита, а также могут служить основой для разработки внутренних регламентов и антикризисных программ [2].

По итогам проведённого исследования можно сформулировать ключевые выводы.

1. Регулярный и системный мониторинг внешних факторов позволяет оперативно идентифицировать угрозы и своевременно реагировать на них, что существенно снижает их негативное воздействие на деятельность организации.

2. Качество функционирования системы управления рисками напрямую зависит от ясного распределения зон ответственности, а также наличия открытых и эффективных каналов коммуникации внутри коллектива.

3. Интеграция инструментов комплексного анализа рисков (включая количественные и качественные методы) позволяет формировать объективную картину угроз и снижает вероятность возникновения непредвиденных финансовых и операционных потерь.

На основе полученных результатов в исследуемом предприятии предлагаются следующие рекомендации для снижения рисков.

1. Организационные меры:

— организовать постоянный мониторинг и контроль ключевых факторов риска, влияющих на операционную деятельность предприятия;

— совершенствовать структуру организации труда и оптимизировать административные процедуры для повышения скорости принятия решений;

— разработать, утвердить и регулярно актуализировать планы реагирования на кризисные ситуации различного характера (от природных катаклизмов до экономических шоков).

2. Кадровое развитие:

— инвестировать в профессиональное развитие персонала, проводя регулярные тренинги по антикризисному управлению.

3. Технологическое развитие:

— активно применять современные информационно-коммуникационные технологии для автоматизации процессов сбора и анализа данных;

— для дальнейшего развития системы управления рисками целесообразно внедрение интегрированных информационных платформ. Это позволит трансформировать управление рисками из набора разрозненных действий в единую, прозрачную и управляемую систему, работающую на опережение.

Таким образом, разработанный системный подход к снижению рисков организации позволяет не просто реагировать на возникающие угрозы, а управлять ими, что обеспечивает организации формирование устойчивой бизнес-среды, минимизацию потерь и стратегическое конкурентное преимущество.

Список литературы

1. Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Воронцовский А. В. Управление рисками : учебник и практикум для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2024. 485 с. URL: <https://urait.ru/bcode/536576> (дата обращения: 24.05.2026).
3. Голубков Е. П. Маркетинг для профессионалов: практический курс : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2022. 474 с. URL: <https://urait.ru/bcode/507921> (дата обращения: 24.05.2026).
4. Гвоздева Е. А., Сорокин А. В. Риск-менеджмент : учеб. пособие для студ. всех форм обучения направления подготовки «Экономика» / Е. А. Гвоздева. Изд. 2-е доп. и испр. / Рубцовский индустриальный институт. Рубцовск, 2021. 84 с.
5. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2024. 512 с.

ДОПУСК АДВОКАТА К ПОДЗАЩИТНОМУ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ

А. Э. Романчук

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
aleksromwork@yandex.ru

В статье рассматриваются процессуальные трудности допуска адвоката к подзащитному на стадии предварительного расследования и возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: адвокат-защитник, досудебное производство, допуск к подзащитному, предварительное следствие, право на защиту, УПК РФ.

В уголовном судопроизводстве России досудебное производство занимает особое место. Именно здесь формируется фундамент будущего судебного разбирательства: собираются доказательства, определяется объем обвинения, избирается мера пресечения.

Важнейшая роль в досудебном производстве отведена адвокату-защитнику, так как именно адвокат обладает законодательно закрепленным статусом как субъект, наделенный исключительными полномочиями по защите прав и законных интересов граждан.

На основании ч. 1, 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [1].

В соответствии с ч. 2, ст. 49 УПК РФ, защиту в уголовном деле могут осуществлять только адвокаты [2].

Несмотря на исключительный статус адвоката, его деятельность на стадии досудебного производства по уголовному делу сопряжена с процессуальными трудностями, препятствующими реализации полномочий по защите прав граждан.

Одной из них является проблема своевременного допуска защитника к подзащитному.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе реально обеспечивается лишь при условии своевременного допуска к делу защитника, что служит обязательной гарантией. На практике процедура допуска адвоката на досудебной стадии сопряжена с системными препятствиями: отказом в предоставлении свидания до вынесения процессуального решения, необоснованным затягиванием времени следствием, а также

подменой безусловного допуска разрешительными процедурами, не предусмотренными уголовно-процессуальным законом. Следственная и судебная практика фиксирует устойчивые нарушения, которые нивелируют состоятельность на ранних этапах производства по делу. В условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и усиления роли адвокатуры выявление и систематизация процессуальных трудностей допуска приобретают особое значение для обеспечения неукоснительного соблюдения права на защиту.

Цель исследования: выявление процессуальных трудностей, возникающих при допуске адвоката к подзащитному в досудебном производстве, и обоснование направлений их преодоления.

Задачи:

- проанализировать нормативное регулирование процедуры допуска и сложившуюся правоприменительную практику;
- определить типичные барьеры, создаваемые органами предварительного расследования;
- сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной деятельности.

В рамках заявленной темы исследование опирается на следующие **методы и инструменты:** формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод анализа юридической литературы, метод обобщения судебной и следственной практики, общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный подход).

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении содержания понятий «допуск адвоката», как самостоятельных процессуальных институтов, а также в систематизации правовых позиций, определяющих момент возникновения права защитника на участие в деле.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенные изменения в уголовно-процессуальный закон и рекомендации по единообразному применению ч. 4 ст. 49 УПК РФ могут быть использованы в деятельности адвокатов, следственных органов и судов для устранения ведомственных барьеров и сокращения количества жалоб на нарушение права на защиту.

Надлежащее выполнение адвокатом своих профессиональных функций невозможно без такого обязательного условия, как его допуск к участию в деле, что в свою очередь способствует своевременной защите прав, свобод и законных интересов доверителя, или, в терминологии уголовного процесса, осуществления защиты и оказания квалифицированной юридической помощи подзащитному. Не вызывает сомнений, что любое создание искусственных препятствий для допуска защитника к делу напрямую блокирует реализацию его профессиональных обязанностей. Данные обязанности, с одной стороны, возложены на адвоката нормами права, а с другой — определены волеизъявлением клиента.

В соответствии с ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ.

Как следует из содержания п. 11 ст. 5 УПК РФ, фактическое задержание является моментом производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом,

фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Процедура допуска защитника к делу на стадии предварительного следствия требует от адвоката немедленно вступить в контакт со следователем с целью легитимизации своего участия. Суть данной процедуры сводится к тому, чтобы заявить о себе как о защитнике. Происходит путём предъявления удостоверения и вручения ордера, который следователь приобщает к делу, что коррелирует с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, предписывающей возможность участия адвоката в деле по предъявлении удостоверения адвоката и ордера;

Кроме того, адвокату требуется получить разрешение на посещение подзащитного в СИЗО, если подзащитный помещен в следственный изолятор.

Таким образом, допуск адвоката к подзащитному напрямую обусловлен усмотрением следователя, наличием его на рабочем месте в следственном подразделении.

Как следует из научной статьи А. В. Рагулина, отказы в допуске адвоката к подзащитным, где бы те не находились — в следственном изоляторе или исправительном учреждении, — на сегодняшний день носят массовый характер. Однако сведения, которые содержатся в отчётах ФПА РФ, не отражают полной картины. В действительности таких фактов значительно больше. Достаточно сказать, что 370 из 500 опрошенных адвокатов (это 74 %) подтвердили: сотрудники ИУ или СИЗО неоднократно не позволяли им встретиться с доверителем, выдвигая разные отговорки. Наиболее распространённые из них: «подзащитный вывезен в другое учреждение или в суд» (хотя на деле ничего подобного не было); «он находится в карантине», «в транзитной камере», в штрафном изоляторе; «в учреждении объявлено чрезвычайное происшествие». В ряде эпизодов отказ в свидании не сопровождался никакими объяснениями [3, с. 32].

Кроме того, одним из надуманных поводов для недопуска защитника к уголовному делу выступает истребование документов, не предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом. Следствием этого является фактическое расширение обстоятельств, при которых участие адвоката в процессе становится невозможным.

Например: защитник, уведомив следователя о принятии им поручения на защиту обвиняемого, ходатайствовал о приобщении к материалам дела ордера на защиту, копию удостоверения и рукописного заявления обвиняемого о допуске адвоката к участию в деле в качестве защитника.

Ходатайство адвоката не было удовлетворено. Причиной отказа стали два обстоятельства: обвиняемый находился в розыске, а также имелись сведения о его пребывании на территории иностранного государства. Как указал следователь в постановлении об отказе, он лишен возможности лично удостовериться в согласии обвиняемого на участие в качестве защитника, адвокат в процессуальном порядке обжаловал данное постановление. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе, поддержало ее, пояснив, что «никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления иных документов, кроме ордера или доверенности, для вступления в дело [4, с. 282].

На основании определения Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1432-О выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него удостоверения адвоката и ордера на ведение уголовного дела конкретного лица, при предъявлении которых лицу или органу, осуществляющим производство по уголовному делу, он допускается к участию в этом деле и наделяется правами, предусмотренными ст. 53 УПК Российской Федерации, в том числе правом иметь свидания с подзащитным, что не ставит его допуск к участию в уголовном деле в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых оно находится [5].

Таким образом, Конституционный Суд сформулировал чёткое правило: решение о том, может ли адвокат вступить в уголовный процесс, не должно определяться по усмотрению должностного лица, которое ведёт уголовное дело.

Несмотря на приведённую позицию высшего судебного органа, в правоприменительной деятельности сложилась порочная практика, основанная на «разрешительном» принципе допуска защитника к участию в деле.

Законом не установлено, каким образом должен оформляться недопуск защитника к уголовному делу. Однако на этапе предварительного следствия следователи активно используют эту возможность, действуя по своему усмотрению.

Если обратиться к Большому толковому словарю русского языка, то «допуск» является производным от «разрешить», а последнее означает «выдачу разрешения на использование, совершение действия, участие». Из этого следует, что действующий УПК РФ косвенно допускает участие адвоката на стадии предварительного расследования не только по формальным основаниям (например, после принятия обвинением тех или иных процессуальных решений или совершения определённых действий в отношении подозреваемого/обвиняемого), но и в силу его допуска к участию в деле. При этом ни само понятие такого допуска, ни его формы, ни процедура получения нигде не прописаны. В итоге неопределённость порождает полную зависимость адвоката от усмотрения и воли стороны обвинения при решении вопроса о допуске к делу. Как следствие, на практике возникают многочисленные нарушения: адвоката не допускают к участию в предварительном следствии даже тогда, когда, во-первых, такое участие является законным, а во-вторых, соответствует воле его доверителя.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что проблема ограничения допуска адвоката к подзащитному на стадии предварительного следствия является существенным недостатком в системе уголовного судопроизводства, так как лишает подзащитного права на своевременную квалифицированную юридическую помощь. По нашему мнению, данную проблему необходимо решать в первую очередь на законодательном уровне введением четкой формулировки о допуске адвоката к подзащитному и ответственности за воспрепятствование допуску адвоката, также необходимо усиление судебного контроля и прокурорского надзора.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
3. Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем: вопросы теории и практики // Евразийская адвокатура. 2015. № 1(14). С. 31 – 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-advokata-zaschitnika-na-besprepyatstvennye-vstrechi-s-doveritelem-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 25.03.2026).
4. Черкунова Т. В. Действия властных субъектов уголовного процесса по ограничению обвиняемого (подозреваемого) в праве на получение квалифицированной юридической помощи // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 281 – 286. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deystviya-vlastnyh-subektov-ugolovnogo-protsessa-po-ogranicheniyu-obvinyaemogo-podozrevaemogo-v-prave-na-poluchenie> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1432-О // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

ВЛИЯНИЕ КОРОТКИХ ФИЗИЧЕСКИХ ПЕРЕРЫВОВ НА ВНИМАНИЕ И УЧЕБНУЮ МОТИВАЦИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И. А. Ромашева

Научный руководитель: Н. А. Коростелева, *канд. пед. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
irina_shumaher@mail.ru, korostel_@mail.ru

В статье описываются результаты педагогического эксперимента, в котором проверялось влияние регулярных коротких физических перерывов на когнитивные функции и учебную мотивацию младших школьников. Актуальность работы обусловлена ростом учебной нагрузки и гиподинамии, негативно влияющих на внимание и работоспособность детей начальных классов. Сделан вывод о высокой дидактической и здоровьесберегающей ценности коротких физических перерывов, разработаны методические рекомендации для учителей по внедрению двигательных пауз в ежедневную практику без изменения учебного плана.

Ключевые слова: младшие школьники, физические перерывы, учебная мотивация, внимание, когнитивные функции, здоровьесберегающие технологии.

Актуальность исследования. Современные младшие школьники проводят за партой большую часть учебного дня, что приводит к быстрой утомляемости, снижению концентрации и потере интереса к занятиям. По данным Института возрастной физиологии РАО, почти половина учеников начальных классов к середине дня проявляет признаки переутомления и повышенной тревожности [1]. Длительное сидение без движения ограничивает приток крови и кислорода к мозгу, из-за чего детям сложнее запоминать новый материал, контролировать импульсы и удерживать внимание [4]. В школьных программах предусмотрены уроки физкультуры, но они не покрывают потребность детей в двигательной активности на протяжении всего учебного дня, что противоречит рекомендациям санитарных норм [2]. Короткие разминки между уроками часто проводятся формально, без четкой структуры и методического обоснования. В то же время международные исследования показывают, что даже 10 минут умеренной активности могут заметно улучшить работу памяти и снизить утомляемость [4]. В России проверенных, готовых к массовому внедрению программ, пока недостаточно. Наше исследование направлено на проверку того, помогут ли регулярные короткие физические перерывы младшим школьникам лучше сосредотачиваться, меньше уставать и охотнее учиться, что соответствует задачам ФГОС НОО по сохранению здоровья обучающихся.

Цель и задачи исследования. Цель работы: экспериментально проверить, как регулярные короткие физические перерывы влияют на внимание, рабочую память и учебную мотивацию учащихся 2–3 классов в условиях реальной школы.

Для достижения цели были решены следующие задачи:

- 1) измерить уровень внимания, памяти и способности переключаться между задачами у детей до и после внедрения программы перерывов;
- 2) оценить изменения в учебной мотивации и поведенческой вовлеченности на уроках в экспериментальной и контрольных группах;
- 3) сравнить результаты двух групп и определить статистическую значимость эффекта;
- 4) составить простые методические рекомендации для учителей по внедрению таких разминок в обычный учебный день.

Методы и инструменты исследования. Исследование проводилось в формате педагогического эксперимента с параллельной контрольной группой на базе МБОУ «Краснообская СОШ № 1» (Новосибирская область, р. п. Краснообск) в период с октября по декабрь 2025 г. В эксперименте приняли участие 118 учеников 2–3 классов. Классы были разделены на экспериментальную группу (ЭГ, 60 чел.) и контрольную группу (КГ, 58 чел.) с учетом сопоставимости успеваемости, возраста и количества мальчиков/девочек. Учебный план, состав педагогов, расписание и образовательные программы в группах оставались идентичными. Автор исследования, являющийся педагогом-психологом данной школы, выступал координатором внедрения программы и осуществлял первичный сбор данных совместно с классными руководителями.

В ЭГ в течение восьми учебных недель между вторым и третьим, а также между третьим и четвертым уроками проводились короткие физические перерывы по 10 минут. Разминки включали простые упражнения на координацию, ритм, лёгкие прыжки, потягивания и элементы дыхательной гимнастики. Комплекс адаптирован под условия школьных кабинетов (не требует специального оборудования, проводился в пространстве между партами). КГ продолжала обучение в стандартном режиме без дополнительных активностей.

Для оценки результатов использовались следующие инструменты:

- нейropsychологические тесты: задания на удержание информации в уме (рабочая память), способность тормозить нежелательные реакции (тормозной контроль) и быстро переключаться между правилами (когнитивная гибкость). Результаты оценивались в баллах (максимум 20) [3];

- опросник учебной мотивации Н. Г. Лускановой, определяющий соотношение внутренней и внешней регуляции учебной деятельности. Подсчитывался процент ответов, отражающий внутренний интерес к учебе [5];

- карта педагогического наблюдения: учителя дважды в неделю фиксировали частоту отвлечений, активность ответов и общую сосредоточенность класса. Данные записывались в бумажные протоколы, после чего переносились в локальную таблицу. Исследование проведено с письменного согласия родителей и администрации школы, все данные обезличены и хранились в закрытом архиве кабинета.

Обработка данных: средний балл по группе = сумма всех баллов / количество детей; процент улучшения = (результат после — результат до) / результат до × 100 %; сравнение групп проводилось путём сопоставления средних значений и процентов изменения.

Результаты исследования. Основные результаты исследования представлены ниже (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Сравнение баллов по на внимание и память
в начале эксперимента и после него**

Показатель	Группа	До эксперимента	После эксперимента	Изменение, балл	Изменение, %
Рабочая память	ЭГ	14	18	+4	+29 %
	КГ	14	15	+1	+7 %
Тормозной контроль	ЭГ	9	12	+3	+33 %
	КГ	9	10	+1	+11 %
Когнитивная гибкость	ЭГ	10	13	+3	+30 %
	КГ	10	11	+1	+10 %

Исходные показатели групп совпадали, что подтверждает правильность выборки. Через 8 недель прирост в ЭГ составил 29–33 %, а в КГ он не превысил 7–11 %, что показывает естественную возрастную динамику. Повышение на треть в экспериментальной группе указывает на устойчивое положительное влияние двигательных пауз на когнитивную сферу.

Таблица 2

Изменение уровня мотивации и активности по неделям исследования

Неделя эксперимента	Внутренняя мотивация, ЭГ	Внутренняя мотивация, КГ	Высокая вовлеченность на уроках, ЭГ	Высокая вовлеченность на уроках, КГ
1 (старт)	45 %	46 %	52 %	54 %
4 (середина)	61 %	47 %	65 %	56 %
8 (финал)	73 %	49 %	78 %	57 %

Динамика, представленная в таблице 2, подтверждает устойчивый положительный тренд в экспериментальной группе. К концу эксперимента доля детей с внутренним интересом к учебе в ЭГ достигла 73 % (+28 п. п.), а показатель высокой вовлеченности вырос до 78 %. В контрольной группе изменения остались в пределах статистического шума (+3 и +3 п. п. соответственно). Разница в 20–25 процентных пунктов свидетельствует о том, что регулярные двигательные паузы снижают функциональную утомляемость и повышают готовность к познавательной деятельности.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в эмпирическом подтверждении связи между умеренной двигательной активностью во время учебного дня и развитием когнитивных функций младших школьников [4]. Полученные данные

расширяют представления о здоровьесберегающих технологиях в начальной школе и доказывают, что короткие физические паузы являются не вспомогательным элементом, а дидактически значимым компонентом учебного процесса, поддерживающим нейropsychологические механизмы обучения [3].

Практическая значимость исследования определяется готовностью методики к немедленному внедрению. Программа не требует изменения учебного плана, закупки оборудования или привлечения дополнительных специалистов. Она успешно апробирована в условиях МБОУ «Краснообская СОШ № 1» и может быть тиражирована в других образовательных организациях Новосибирской области и РФ. Внедрение разминок способствует снижению учебной перегрузки, уменьшению числа ошибок, связанных с рассеянным вниманием, и формированию позитивного отношения к школе.

Выводы и рекомендации. По результатам эксперимента сформулированы следующие выводы:

- восьминедельная программа коротких физических перерывов повышает показатели рабочей памяти на 29 %, тормозного контроля на 33 % и когнитивной гибкости на 30 % у учащихся экспериментальной группы;
- доля детей с внутренней мотивацией к учебе в ЭГ существенно увеличилась, как и показатель вовлеченности;
- минимальная динамика в контрольной группе подтверждает, что улучшения связаны именно с введением двигательных пауз, а не с естественным возрастным развитием;
- наиболее выраженный эффект наблюдается у детей с исходно сниженной концентрацией, что указывает на поддерживающий и выравнивающий потенциал программы.

Рекомендации для педагогической практики:

- добавить в расписание 2–3 коротких перерыва по 7–10 минут с интервалом 1,5–2 часа;
- использовать упражнения на координацию, ритм и лёгкую нагрузку, без соревновательных моментов;
- завершать комплекс 1–2 минутами дыхательных упражнений для плавного перехода к учебным заданиям;
- создать методические рекомендации для учителей по технике проведения физминуток и их влиянию на внимание.

Список литературы

1. Институт возрастной физиологии РАО. Мониторинг психофизиологического здоровья младших школьников : аналитический отчет за 2024 г. М. : ИВФ РАО, 2024. 112 с.
2. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям обучения в общеобразовательных организациях: СП 2.4.3648–20. М. : Федер. служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2020. 32 с.

3. Diamond A. Executive Functions // Annual Review of Psychology. 2013. Vol. 64. P. 135–168.
4. Hillman C. H., Erickson K. I., Kramer A. F. Be smart, exercise your heart: exercise effects on brain and cognition // Nature Reviews Neuroscience. 2008. Vol. 9. P. 58–65.
5. Лусканова Н. Г. Методы исследования школьной мотивации. М. : Владос, 2019. 84 с.

ВЛИЯНИЕ «СТРАХОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА» НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ И ДОВЕРИЕ К СТРАХОВОЙ СИСТЕМЕ

Ю. Е. Сасарова

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
Startseva-Ylia@mail.ru

В работе исследуется влияние страхового мошенничества на экономическую стабильность и доверие к страховой системе. Анализируются многофакторная природа явления, его экономические последствия и связь с уровнем доверия, а также эффективность существующих мер противодействия.

Ключевые слова: страховое мошенничество, экономическая стабильность, доверие к страховой системе, ОСАГО, убыточность, страховые тарифы, правовое регулирование, межведомственное взаимодействие, правовая культура.

Страхование является неотъемлемым элементом современной экономики, обеспечивая финансовую защиту от рисков, стабилизируя финансовые потоки и способствуя инвестиционному развитию. Однако, как показывает практика, страховая сфера подвержена серьезной дестабилизирующей угрозе — страховому мошенничеству. Это явление не только наносит прямой финансовый ущерб страховым организациям, но и оказывает комплексное негативное воздействие на экономическую стабильность в целом, а также подрывает доверие граждан и бизнеса к страховой системе.

Анализ современных тенденций демонстрирует, что проблема «страхового мошенничества», особенно в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), приобретает особую остроту. К примеру, статистические данные по Новосибирской области свидетельствуют о тревожном росте средней страховой выплаты, высокой убыточности, превышении выплат над сборами и наличии организованных групп мошенников. Эти факторы напрямую влияют на экономическую стабильность, приводя к росту страховых тарифов для добросовестных потребителей, снижению доступности страховых услуг и ослаблению финансовой устойчивости страховых компаний. Так, только в 2025 году органы внутренних дел зарегистрировали более 300 сообщений о преступлениях в сфере автострахования, среди которых возбуждено более 250 уголовных дел, что в 5 раз больше показателей предшествующего года [1].

Учитывая латентность страхового мошенничества, его способность к адаптации и проникновению в различные сегменты страхового рынка, а также его прямое влияние на экономические показатели и общественное доверие, исследование его влияния на экономическую стабильность и доверие к страховой системе является не только актуальным, но и крайне своевременным.

В ходе исследования данного вопроса необходимо оценить влияние страхового мошенничества на экономическую стабильность и доверие к страховой системе, а также разработать предложения по его минимизации.

Достичь положительного результата возможно при анализе теоретических основ страхового мошенничества, исследовании его современных проявлений и тенденций, выявлении экономических последствий мошенничества для всех участников рынка, а также оценки взаимосвязи между уровнем мошенничества и уровнем доверия к страхованию, анализе эффективности существующих механизмов противодействия и разработке рекомендаций по совершенствованию борьбы с таким видом мошенничества.

В настоящем исследовании использовался комплекс теоретических и эмпирических методов, основанных на анализе научных источников, нормативно-правовой базы, статистических данных и практикумов.

В научной литературе «страховое мошенничество трактуется как преднамеренное действие или бездействие, направленное на незаконное получение страховой выплаты или другой выгоды, связанной со страхованием, путем обмана страховщика или иных лиц. С юридической точки зрения, страховое мошенничество может рассматриваться как специфическая форма общего мошенничества (регулируемого, например, ст. 159 Уголовного кодекса РФ) [2], обладающая определенными особенностями, обусловленными спецификой страховых правоотношений».

Регулирование правовых аспектов страховых правоотношений осуществляется гл. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] и Федеральным законом «Об организации страхового дела в РФ» от 27 ноября 1992 г. № 4015–1 [4].

Сущность страхового мошенничества формируется из умысла, то есть наличия у субъекта намерения совершить противоправное деяние и получить незаконную выгоду. В элементы страхового мошенничества стоит включить использование ложных сведений, поддельных документов, искажение информации об обстоятельствах страхового случая или состоянии объекта страхования; незаконное обогащение и то, что деяние влечет за собой финансовые потери для страховщика, а в конечном итоге — для всех участников страхового рынка.

Для систематического изучения и эффективной борьбы с мошенничеством в сфере страхования широко применяется его классификация по различным критериям. Достаточно распространена классификация по виду страхования, а именно это страховое мошенничество в сфере автострахования, в сфере жизни и здоровья, и имущественное страхование. Помимо этого классифицируют по отношению к страховому случаю, по субъекту, совершающему мошенничество.

Страховое мошенничество имеет ряд факторов, способствующих его распространению:

- экономический фактор — связан с финансовыми трудностями, обострением конкуренции на рынке страхования;
- социальный фактор — обусловлен недостаточным уровнем правосознания населения, терпимым отношением к «мелкому» обману и отсутствием четкого понимания негативных последствий мошенничества для общества;

- правовой фактор — прежде всего связан со сложностью доказывания умысла и размера ущерба, а также имеющимися пробелами в законодательстве;
- психологический фактор — играет немаловажную роль в комплексе, так как имеют место корыстные мотивы, стремление к легкой наживе и ощущение безнаказанности;
- несовершенство систем внутреннего контроля и андеррайтинга в страховых компаниях, слабая информационная прозрачность, отсутствие межведомственного взаимодействия — все это так называемый институциональный фактор.

Исследование современных проявлений и тенденций страхового мошенничества позволяют выявить основные его направления, многие из которых сохраняют свою актуальность, но при этом трансформируются под влиянием технологического развития и изменения социальной динамики. Автострахование остается наиболее привлекательной сферой. Чаще всего фигурируют схемы, связанные с инсценировкой ДТП (в современных реалиях наблюдается усложнение стандартных схем, например, имитирование дружелюбия для провокации маневра или же использование «группы поддержки» для давления на жертву), умышленным завышением стоимости ремонта (анализ судебной практики демонстрирует сложности в доказывании превышения стоимости ремонта и оспаривании отказа страховщика от денежной выплаты), предоставлением ложных сведений об обстоятельствах ДТП (сокрытие таких сведений напрямую влияет на размер выплаты, приводя к необоснованным выплатам и увеличению судебных издержек), использованием поддельных страховых полисов, что снижает финансовую устойчивость страховщиков и добросовестных клиентов.

В сфере страхования имущества используются схемы инсценировки страхового случая, искусственного завышения стоимости ущерба, страхование по завышенной стоимости, которые преследуют те же корыстные цели.

В сфере страхования жизни и здоровья можно выделить умышленное сокрытие информации о наличии заболеваний и фабрикации страховых случаев, то есть имитация несчастных случаев или болезней, и в том числе, подделка медицинских документов.

В связи со сложившейся ситуацией в сфере страхового мошенничества является ряд тревожных тенденций, свидетельствующих об усилении мошеннической активности.

Например, в Новосибирской области динамика страхового мошенничества в ОСАГО характеризуется экспоненциальным ростом: средняя выплата увеличивается, опережая среднероссийские показатели. Это может указывать как на удорожание ремонта, так и на сознательное завышение сумм при мошеннических схемах значительное. Превышение выплат над сборами подчеркивает системную проблему, напрямую влияющую на рынок.

Рост размера выплат по сомнительным убыткам, превышающий общероссийский уровень, свидетельствует о том, что мошенники стали получать более крупные суммы. Это может быть связано с усложнением схем, инсценировкой более серьезных ДТП или более изощренными методами завышения стоимости.

Высокий показатель частоты и неоднократности аварий, а также значительный рост дел с признаками мошенничества позволяют говорить о наличии организованных групп, систематически использующих мошеннические схемы.

Экономические трудности, низкий уровень доходов и социальная напряженность, наряду с низким уровнем правовой культуры, являются мощными катализаторами мошеннической активности.

Можно предположить, что мошенники также адаптируются к современным технологиям, используя цифровые методы для фабрикации доказательств, создания фишинговых схем или получения информации.

Страховое мошенничество, являясь формой противоправной деятельности, влечет за собой существенные негативные экономические последствия, затрагивающие все звенья страховой системы — от страховщиков до конечных потребителей и общества в целом. Наиболее очевидным последствием «страхового мошенничества» являются прямые финансовые потери для страховых компаний. Необоснованные выплаты, производимые в результате мошеннических действий, напрямую снижают прибыль страховщиков.

Страховые компании, стремясь компенсировать убытки от мошенничества и обеспечить свою финансовую устойчивость, вынуждены закладывать эти потери в стоимость страховых полисов. Это приводит к повышению страховых тарифов, что негативно сказывается на всех добросовестных потребителях страховых услуг.

Страховое мошенничество искажает конкурентную среду и оказывает негативное влияние на рынок в целом, отсюда возникает недобросовестная конкуренция и недостаток инвестиций.

Экономические последствия страхового мошенничества носят комплексный и разрушительный характер. Они проявляются в прямых убытках страховщиков, удорожании страховых услуг для законопослушных граждан, искажении конкуренции, снижении доверия к финансовой системе и могут в конечном итоге замедлять экономическое развитие страны. Борьба с мошенничеством — это не только задача страховых компаний, но и стратегически важное направление для обеспечения стабильности финансовой системы и защиты интересов всех участников рынка.

Так, существует четкая обратная зависимость между уровнем страхового мошенничества и уровнем доверия к страховой системе. Чем выше уровень мошенничества, тем ниже доверие. Поэтому потребители теряют доверие, когда сталкиваются с мошенничеством лично или узнают о таких случаях через СМИ и социальные сети, а негативные случаи, даже если они немногочисленны, создают общее впечатление повсеместности проблемы, вызывая страх перед мошенничеством. Убытки приводят к росту страховых премий, что воспринимается добросовестными потребителями как несправедливость и дополнительный фактор утраты доверия.

Существующие механизмы противодействия страховому мошенничеству в полной мере пока не обеспечивают его искоренение. Анализ показывает, что проблемы, такие как явная убыточность, большое количество «сомнительных» выплат и наличие организованных групп мошенников, свидетельствуют о том,

что текущие меры не способны полностью нивелировать риски, а скорость появления новых мошеннических схем часто опережает скорость адаптации законодательства и технологий. Так, существующие механизмы нуждаются в постоянном совершенствовании, усилении межведомственного взаимодействия и более активном внедрении современных цифровых технологий для более эффективного противодействия как отдельным мошенникам, так и организованным группам.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и углублении научных знаний о природе, многообразии проявлений и последствиях страхового мошенничества. Исследование уточняет понимание причинно-следственных связей между страховым мошенничеством, показателями экономической стабильности и уровнем доверия к страховой системе. Разработанные теоретические подходы и классификации могут послужить основой для дальнейших научных изысканий в области финансовой безопасности и уголовного права.

Практическая значимость исследования состоит в выработке комплекса конкретных предложений, направленных на повышение эффективности борьбы со страховым мошенничеством.

Борьба со страховым мошенничеством возможна, и можно предложить ряд рекомендаций по ее улучшению. Например, усовершенствовать законодательную базу (детализировать и актуализировать, упрощать доказывание и усиливать ответственность), повысить эффективность работы страховых компаний (активно внедрять современные технологии для развития системы контроля), усилить межведомственное взаимодействие, повысить правовую культуру и информирование населения, развивать экспертную деятельность.

Применение данных рекомендаций в комплексе позволит не только снизить уровень страхового мошенничества, но и привести к восстановлению доверия к страховой системе, ее экономической стабильности и повышению доступности страховых услуг для добросовестных граждан.

Список литературы

1. Число уголовных дел в сфере автострахования в Новосибирской области выросло в 5 раз в 2025 г. — МБД. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/chislo-ugolovnyh-del-v-sfere-avtostrahovaniya-v-novosibirskoy-oblasti-vyroslo-v-5-raz-v-2025g-mvd> (дата обращения 22.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : ФЗ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
4. Об организации страхового дела в Российской Федерации : ФЗ от 27.11.1992 № 4015-1 (последняя редакция) // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ «СТРАХОВОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ»: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Ю. Е. Сасарова

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
Startseva-Ylia@mail.ru

В статье исследуется проблема страхового мошенничества, его негативное влияние на экономическую стабильность и доверие к страховой системе. Анализируется многофакторная природа мошенничества, его экономические последствия и эффективность существующих мер противодействия. Особое внимание уделяется влиянию современных цифровых технологий, таких как машинное обучение, Big Data и искусственный интеллект, на выявление, предотвращение мошеннических схем и повышение эффективности антифрод-систем.

Ключевые слова: страховое мошенничество, цифровые технологии, искусственный интеллект, Big Data, машинное обучение, противодействие мошенничеству, антифрод-системы, доверие к страховой системе, межведомственное взаимодействие.

Страхование является неотъемлемой частью современной экономики, обеспечивая защиту от множества рисков. Однако в данной отрасли имеется серьезная проблема — «страховое мошенничество». Ежегодно мошеннические действия наносят многомиллиардный ущерб страховым компаниям, что в конечном итоге транслируется в повышение страховых тарифов для добросовестных страхователей и подрывает основы доверия к страховой системе в целом.

Объемы данных в страховой отрасли растут экспоненциально, а мошеннические схемы становятся все изощреннее. Традиционные способы распознавания обмана уже не выдерживают подобной нагрузки. Это вынуждает страховые компании обращаться к современным информационным технологиям в поисках альтернативных решений. Алгоритмы искусственного интеллекта вместе с цифровыми инструментами дают возможность быстро выявлять подозрительные паттерны, обрабатывать большие массивы сведений и пресекать противоправные действия еще до момента выплаты возмещения. Применение таких технологий превращается для страховщиков в необходимое условие стабильной деятельности: без них сократить финансовые потери до приемлемого уровня практически нереально.

При изучении вопроса необходимо провести анализ роли и перспектив применения современных цифровых технологий, включая машинное обучение и Big Data, а также искусственный интеллект в противодействии страховому мошенничеству. Так, предстоит решить ряд задач:

— оценить существующие вызовы и пробелы в области противодействия страховому мошенничеству, усугубляемые неполной интеграцией цифровых инструментов;

- исследовать основные принципы работы и реальный потенциал таких технологий, как машинное обучение и Big Data, для выявления аномалий и паттернов, характерных для мошеннических действий;
- проанализировать возможности применения искусственного интеллекта для автоматизации процессов анализа данных, прогнозирования рисков и поддержки принятия решений в области борьбы с мошенничеством;
- выявить перспективы интеграции цифровых технологий в деятельность страховых компаний для повышения эффективности антифрод-систем;
- сформулировать практические рекомендации по внедрению и совершенствованию использования цифровых инструментов в противодействии страховому мошенничеству.

В рамках настоящего исследования использовался комплекс общенаучных и специальных методов.

В контексте теоретической значимости исследование вносит вклад в развитие научных представлений о современных методах противодействия страховому мошенничеству. Дополняется понимание природы страхового мошенничества путем анализа его проявлений в контексте цифровой эпохи.

Результаты исследования могут быть непосредственно применимы страховыми компаниями, регуляторами и правоохранительными органами для разработки и внедрения более эффективных антифрод-систем; оценки рисков и прогнозирования мошеннической активности; оптимизации процессов урегулирования убытков; совершенствования нормативно-правовой базы в плане понимания современных технологических вызовов для разработки более адекватных законодательных мер противодействия.

Ключевые вызовы и пробелы в области противодействия страховому мошенничеству усугубляются недостаточной интеграцией современных цифровых инструментов. В настоящее время многие страховые компании в значительной степени полагаются на ручные методы проверки документов, экспертную оценку и ограниченный анализ данных. Это приводит к медленной реакции на новые схемы мошенничества, высокой вероятности ошибок и существенным временным и ресурсным затратам.

Так, неполная интеграция систем сбора и анализа данных не позволяет в полной мере использовать потенциал Big Data. Зачастую информация разрознена, неструктурирована, что затрудняет выявление сложных, многоэтапных мошеннических схем, требующих анализа взаимосвязей между различными транзакциями, клиентами и страховыми случаями.

Отсутствие или ограниченное применение инструментов машинного обучения и искусственного интеллекта означает, что страховые компании часто действуют реактивно, выявляя мошенничество уже после совершения выплаты. Возможности для упреждающего выявления подозрительных заявок или потенциальных мошенников остаются нереализованными.

Нельзя упускать и человеческий фактор и его субъективность, сложности в выявлении изощренных схем и недостаток оперативного межстрахового взаимодействия.

Выделяли закономерное явление: «в 2024 году увеличится количество атак на страховые компании, связанных с мошенничеством с использованием синтетических голосов, что способствовало увеличению общего числа попыток страхового мошенничества на 19 % по сравнению с прошлым годом» [1].

Несомненно, традиционные методы обнаружения мошенничества, основанные на ручной проверке и ограниченном анализе данных, становятся неэффективными в ситуации усложнения мошеннических схем и экспоненциального роста объемов информации. В этой связи интеграция передовых цифровых технологий, таких как машинное обучение (ML) и Big Data, открывает новые горизонты для борьбы с этим явлением.

Big Data — это термин, описывающий большие объемы информации, которые не могут быть обработаны традиционными средствами управления базами данных [2].

Сферы применения аналитики больших данных для противодействия мошенничеству достаточно распространены — это и финансовая сфера, электронная коммерция, само страхование, здравоохранение [3, С. 1365–1366].

Big Data позволяет собирать, хранить и обрабатывать огромные массивы разнородной информации, генерируемой в ходе страховой деятельности. Она включает в себя данные о клиентах, страховых полисах, заявках на выплату, истории страховых случаев, а также внешние источники данных. Анализ этих массивов позволяет выявить неочевидные корреляции, аномалии и паттерны, которые могут свидетельствовать о мошенничестве. Например, систематическое совпадение определенных параметров в заявках нескольких клиентов, ранее не связанных между собой, может указывать на организованную преступную группу.

Машинное обучение использует алгоритмы для автоматического обучения на основе данных, выявляя скрытые закономерности и строя предиктивные модели. Алгоритмы, натренированные на типичном клиентском поведении и стандартных обращениях, автоматически фиксируют отклонения от нормы. Среди таких отклонений — завышенная стоимость ремонта при рядовом происшествии или серия заявок, поступающих с одного IP-адреса в краткий промежуток времени. Для каждого нового обращения ML-модели рассчитывают вероятность мошенничества, сопоставляя его параметры с накопленной историей и присваивая определенный уровень риска. Нейросети вместе с другими продвинутыми методами обнаруживают многоуровневые схемы обмана, которые классические аналитические подходы пропускают. Эта способность становится критически важной: уже к 2024 году угроза синтетических голосов и дипфейков резко возросла.

Big Data и машинное обучение смещают акцент с реактивного реагирования на проактивное предотвращение. Страховые компании получают инструменты для быстрого и точного обнаружения мошеннических схем, сокращения операционных издержек, сохранения клиентского доверия. Финансовые потери удастся предотвратить еще до момента выплат. Огромные массивы данных (структурированных и неструктурированных) обрабатываются технологиями искусственного интеллекта. Алгоритмы обучаются на исторических сведениях

о заявках, происшествиях, клиентах, их поведенческих паттернах, фиксируя даже мельчайшие аномалии. Подозрительные закономерности выявляются, проверка документов автоматизируется, урегулирование убытков ускоряется. Предиктивные модели обеспечивают переход от расследования уже совершенных нарушений к их предупреждению.

Несмотря на очевидные перспективы, интеграция цифровых технологий сопряжена с определенными вызовами, включая необходимость значительных инвестиций, подготовку квалифицированных кадров, обеспечение безопасности данных и создание нормативно-правовой базы, учитывающей новые технологические реалии.

Исходя из анализа ключевых вызовов и перспектив интеграции цифровых технологий для противодействия страховому мошенничеству сформируем ряд практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности антифрод-систем страховых компаний:

1) стратегическое планирование и поэтапное внедрение (разработка комплексной антифрод-стратегии, пилотное тестирование и масштабирование, интеграция вместо изоляции);

2) улучшение качества и доступности данных (создание корпоративного хранилища данных (Data Lake/Warehouse), активное обогащение данных, системы автоматизированной верификации и очистки данных);

3) развитие человеческого капитала и компетенций (обучение и переквалификация персонала, формирование кросс-функциональных команд);

4) максимальное использование потенциала ИИ и ML;

5) усиление межведомственного взаимодействия и обмена информацией (создание защищенных платформ для обмена данными, стандартизация форматов обмена);

6) непрерывный мониторинг, оценка и адаптация.

Внедрение этих рекомендаций позволит страховым компаниям построить более устойчивую, адаптивную и эффективную систему противодействия страховому мошенничеству, минимизируя финансовые потери и укрепляя доверие к страховой отрасли в целом.

Список литературы

1. Страхование мошенничества, управляемое искусственным интеллектом: тенденции 2025 года и меры противодействия. URL: <https://truthscan.com/blog/ru/2025-тенденций-и-мер-противодействия-стр/> (дата обращения: 23.03.2026).
2. Big Data: что это и зачем компаниям большие данные? URL: <https://productstar.ru/blog/big-data-что-это-i-zachem-kompaniyam-bolshie-dannye> (дата обращения: 24.03.2026).
3. Бакизой Р. Обнаружение и предотвращение мошенничества с помощью аналитики больших данных // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 6(87). С. 1362 – 1370.

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Д. А. Семенова

Научный руководитель: Д. А. Бова, *канд. юрид. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
Samara316@internet.ru

В статье анализируется ограничение дееспособности как юридический способ защиты имущественных прав граждан с психическими расстройствами, который препятствует заключению ими невыгодных сделок и защищает от злоупотреблений со стороны третьих лиц. Этот механизм выступает важным инструментом, поддерживающим баланс между частичной дееспособностью человека и государственным надзором за его правовыми действиями.

Ключевые слова: ограничение дееспособности, лица с психическими расстройствами, защита прав, правовой механизм, злоупотребление правом, баланс интересов, государственная поддержка.

Актуальность исследования. В современном гражданском обществе особенно остро стоит вопрос соблюдения прав людей, имеющих психические расстройства. Их правовое положение требует повышенного внимания, поскольку состояние здоровья может затруднять самостоятельное принятие решений и осознание последствий собственных действий. Вместе с тем любые меры, связанные с ограничением прав, должны применяться крайне осторожно: защита не должна становиться способом для злоупотребления со стороны окружающих или третьих лиц. Несмотря на то, что институт ограничения дееспособности должен обеспечивать разумное соотношение между защитой интересов граждан и их правовой самостоятельностью, судебная практика по-прежнему выявляет ряд проблем в этой области. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального анализа того, насколько существующий порядок ограничения дееспособности в действительности служит инструментом защиты наиболее уязвимых лиц, а не приводит к необоснованному сужению их прав.

Цель исследования: определить, насколько действенным является ограничение дееспособности как средство правовой охраны граждан, страдающих психическими расстройствами; подготовить предложения, направленные на улучшение правоприменения в данной сфере.

Задачи исследования:

1. Проанализировать правовые основы ограничения дееспособности и их отличие от признания недееспособным.
2. Рассмотреть судебные решения по делам, в которых участвовали граждане с психическими расстройствами.
3. Выявить основные проблемы обеспечения и защиты прав данной категории граждан.
4. Сформулировать рекомендации, направленные на повышение гарантий прав ограничено дееспособных лиц.

Методологическую основу исследования составляют анализ и синтез, сравнение, а также анализ вторичных данных.

В ходе исследования использовались различные источники: научные публикации, затрагивающие вопросы защиты прав граждан с психическими расстройствами, учебные материалы по теме ограничения дееспособности, а также анализ судебных решений, подготовленный С. О. Лозовской. Обращение к этим материалам позволило изучить проблему с разных сторон, включая как нормы материального права, так и процессуальные особенности их применения.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно помогает систематизировать научные представления о механизме ограничения дееспособности как одном из правовых средств охраны интересов гражданами. На основе анализа научной литературы и судебных материалов удалось более четко определить границы допустимого вмешательства в дееспособность лица, имеющего психическое расстройство.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в нём выводы и рекомендации могут быть использованы судами, органами опеки и попечительства, а также адвокатами, представляющими интересы указанной категории лиц.

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что институт ограничения дееспособности представляет собой важный, но одновременно противоречивый способ охраны прав людей, страдающих психическими расстройствами. Его значение проявляется, в частности, в том, что такое ограничение не тождественно признанию гражданина недееспособным. Как справедливо отмечает А. В. Мякушкин, гражданин, дееспособность которого ограничена вследствие психического расстройства, самостоятельно несет имущественную ответственность по сделкам, совершенным им в соответствии с гражданским законодательством [2, с. 34–36]. Именно это позволяет разграничивать правовые институты ограничения дееспособности и признания недееспособным.

В подготовленном С. О. Лозовской анализе судебных решений с участием лиц, страдающих психическими расстройствами, отмечается, что в ситуации реального применения действенность этого механизма заметно ослабляется из-за устойчивых недостатков сложившейся правоприменительной практики. Анализируя судебные дела, связанные с ограничением и признанием недееспособности за период 2015–2020 годов, представленные в вышеупомянутом обзоре, можно выявить следующую закономерность (таблица) [1].

Показатели судебной практики по делам об ограничении дееспособности

Показатель	Значение
Доля дел, где суды запрашивали расширенную амбулаторную СПЭ	58 %
Доля дел, где суды ограничились формальными справками из ПНД	42 %
Доля дел с имущественным интересом заявителя	18 %
Доля дел с назначением попечителем именно того родственника, который инициировал ограничение	73 %

Представленные в таблице данные свидетельствуют о наличии серьёзных проблем в правоприменительной практике. В частности, тот факт, что лишь в 58 % дел суды запрашивают расширенную амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу, тогда как в 42 % дел ограничиваются формальными справками из психоневрологического диспансера ведёт к необоснованному расширению объёма ограничений. Формальная справка констатирует лишь наличие психического расстройства, но не отвечает на вопрос о том, в какой степени данное расстройство препятствует лицу понимать значение своих действий или руководить ими. Как следствие, суды нередко выносят решения об ограничении дееспособности там, где фактически следовало бы сохранить полную дееспособность либо применить альтернативные механизмы защиты [1, с. 22].

Также проблемой является тот факт, что в 18 % дел заявителями выступали лица, имеющие прямой имущественный интерес. Это означает, что почти каждый пятый случай инициирования процедуры ограничения дееспособности связан со стремлением получить контроль над его имуществом, пенсией или иными доходами. Более того, в семейных делах ограничение дееспособности влияет на возможность человека осуществлять свои родительские права и может существенным образом ограничить его общение с несовершеннолетними детьми, что также используется в качестве недобросовестной меры воздействия. Таким образом, даже абсолютно здоровый человек может оказаться под угрозой ограничения дееспособности, а решение вопроса будет зависеть от усмотрения суда.

Кроме того, как справедливо отмечают исследователи И. Е. Некрасова и И. Г. Кофанов, сам по себе факт вынесения судебного решения не гарантирует последующей защиты прав ограниченно дееспособного гражданина, поскольку отсутствует систематический контроль за действиями попечителей и за реализацией права подопечного на обжалование злоупотреблений [3, с. 380–381]. Эта проблема усугубляется тем, что, согласно статистике (см. табл.), в 73 % дел попечителем назначается именно тот родственник, который инициировал процедуру ограничения дееспособности. Таким образом, очевидно, что последствия ограничения дееспособности являются серьёзными: ограниченные в дееспособности граждане могут совершать большую часть сделок лишь с согласия попечителя, и в том числе под контролем попечителя находятся любые сделки с ценным имуществом.

Исходя из изложенного и обобщая данные сформулируем следующие рекомендации. Прежде всего, судам при рассмотрении дел об ограничении дееспособности следует более тщательно рассматривать вопрос о том, действительно ли психическое расстройство позволяет лицу понимать значение своих действий лишь частично, а не в полном объёме. Также судам рекомендуется не ограничиваться формальным медицинским заключением о наличии расстройства, а в каждом случае запрашивать развёрнутое экспертное заключение врача-психиатра о критических способностях лица. Кроме того, предлагается на законодательном уровне закрепить обязательную проверку судом отсутствия имущественного интереса заявителя до принятия заявления об ограничении дееспособности к производству, что позволило бы снизить долю дел

с недобросовестными заявителями. Далее органам опеки и попечительства необходимо внедрить обязательный периодический контроль за деятельностью попечителей, а также обеспечить подопечному реальную возможность самостоятельно обращаться с жалобами на действия своего попечителя без посредничества последнего. Реализация указанных рекомендаций позволит превратить ограничение дееспособности из формальной процедуры в действующий и сбалансированный механизм защиты прав наиболее уязвимой категории граждан.

Список литературы

1. Лозовская С. О. Обзор судебной практики соблюдения прав лиц, страдающих психическими расстройствами, при рассмотрении дел об ограничении в дееспособности, признании недееспособным и при восстановлении дееспособности // Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, 2022. 55 с. URL: <https://msal.ru/upload/medialibrary/ae8/un7zlm8z43gyoagxwbaq2w5asfu78oy.pdf> (дата обращения: 27.04.2026).
2. Мякушкин А. В. Ограничение дееспособности физических лиц : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 75 с.
3. Некрасова И. Е., Кофанов И. Г. Обеспечение и защита прав граждан, страдающих психическими расстройствами // Заметки ученого. 2022. № 5. С. 379–382.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

А. А. Сивинкова

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
sivinkovaalina@gmail.com

В статье рассматриваются современные проблемы уголовной ответственности за преступления, связанные с уклонением от уплаты налогов в российской экономике. К основным значимым проблемам совершения данных правонарушений можно отнести потерю бюджетных доходов государства, негативную трансформацию условий конкуренции, снижение доверия и авторитета ко всей налоговой системе Российской Федерации, а также системное торможение социально-экономического развития страны. Проведенный анализ особенностей квалификации налоговых преступлений, специфики их разграничения позволил предложить ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности уголовно-правового механизма защиты интересов страны в области экономики.

Ключевые слова: налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, уголовная ответственность, налоговое законодательство, правоприменительная практика.

Актуальность исследования определена высокой общественной опасностью налоговых преступлений, так как уклонение от уплаты налогов наносит существенный ущерб государственному бюджету, негативно воздействует на реализацию социально-экономических программ, а также вносит разлом в экономическую стабильность и развитость государства.

Практика современного периода развития общества демонстрирует, что налоговые преступления с каждым годом обретают все более сложный, системный и организованный характер. Связана данная трансформация с высоким развитием информационных технологий, использованием электронно-финансовых документов, а также применением международных инновационных схем вывода денежных средств за пределы Российской Федерации [3]. Перечисленные методы и инструменты создают наибольшие трудности для выявления и расследования дел данной направленности.

Помимо внедрения инновационных технологий значимой проблемой остается разграничение данных преступлений на налоговые, административные или уголовные. Часто ошибки налогового учета или же дискуссионные вопросы толкования налогового законодательства могут приводить к возбуждению уголовного дела, однако не всегда на верных, доказанных основаниях. Так, для доказывания прямого умысла при совершении налогового преступления следственным органам необходимо установить, что лицо осознанно предпринимало действия, направленные именно на уклонение от уплаты налогов, а не допустило нарушения вследствие недостаточной квалификации либо ошибок в бухгалтерском учете [2].

Целью исследования является анализ актуальных проблем уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, выявление недостатков правового

регулирования и разработка рекомендаций по совершенствованию механизма противодействия налоговым преступлениям.

В связи с поставленной целью были определены основополагающие задачи:

- изучить сущностную характеристику уголовной ответственности за преступления в сфере налоговых правонарушений;
- выделить основные проблемные аспекты применения законодательных норм в области квалификации налоговых преступлений;
- предложить ряд мер рекомендательного характера для совершенствования механизма пресечения и раскрытия преступлений, связанных с налоговыми правонарушениями.

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы: системно-структурный, логический, сравнительно-правовой анализ. В особенности следует выделить метод анализа судебной практики, который позволяет избежать системных ошибок при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. А также формально-юридический метод, способствующий соотношению норм налогового и уголовного законодательства для разрешения проблемных вопросов при регулировании ответственности за преступления, связанные с уклонением от уплаты налогов.

Инструментальную и нормативно-правовую базу исследования составили основные положения jurisprudence, действующие Уголовный и Налоговый кодексы РФ, нормативно-правовые акты, публикации по проблеме исследования, позволяющие более детально рассмотреть данную тематику.

Полученные результаты позволяют более глубоко раскрыть особенности квалификации налоговых преступлений, определить существующие пробелы законодательства и сформулировать предложения по их устранению.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении и анализе современной научной литературы в области совершения налоговых и уголовных преступлений, их разграничение, нахождение проблемных аспектов в правоприменительной практике с дальнейшим предложением решений.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования разработанных рекомендаций:

- в деятельности правоохранительных органов при расследовании налоговых преступлений;
- в работе налоговых органов при выявлении признаков преступных схем уклонения от уплаты налогов;
- в процессе совершенствования уголовного и налогового законодательства;
- в образовательной деятельности при изучении дисциплин уголовно-правового и финансово-правового профиля.

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов предусмотрена ст. 198 и 199 УК РФ. Ст. 198 УК РФ устанавливает ответственность физических лиц за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, а ст. 199 УК РФ — ответственность организаций. Рассмотрим более подробно статьи, предусматривающие данные преступления, продемонстрировав ст. УК РФ и ее диспозицию (рисунк).

Виды налоговых преступлений

Высокая степень общественной опасности налоговых преступлений подтверждается официальными статистическими данными правоохранительных и налоговых органов. Так, согласно данным МВД, в 2024 году в России было зарегистрировано 4639 налоговых правонарушений и нанесен ущерб бюджету государства в 9 млрд рублей через новую мошенническую схему, производимую через социальные сети и канал-боты [5].

В 2025 году Следственным комитетом было возбуждено более 1123 уголовных дел, имеющих отношение к неуплате налогов [4]. Данные обстоятельства демонстрируют высокий уровень нагрузки на правоохранительные органы и стабильность в совершении налоговых преступлений.

По данным ФНС России, в 2025 году фиксируется большое количество поступающих жалоб и судебных разбирательств в отношении налоговых вопросов, откуда следует, что правоприменительная практика носит неоднозначный характер и возникают сложности при квалификации отдельных преступных нарушений [6].

Приведенная статистика позволяет конкретизировать проблемные аспекты системы противодействия налоговым преступлениям не только в области уголовно-правового поля, но и в рамках цифрового налогового контроля, межведомственного регулирования и необходимости внедрения единообразия в судебную практику. Более подробно коснемся основных пробелов в расследовании данных преступлений.

Одной из ключевых проблем является сложность установления признаков преступления. В большинстве случаев налоговые правонарушения тесно связаны с хозяйственной деятельностью организаций, что требует проведения сложных финансово-экономических экспертиз и анализа значительного объема бухгалтерской документации.

Серьезные трудности возникают и при определении размера ущерба, причиненного государству. На практике налоговые органы и следственные подразделения могут по-разному трактовать отдельные финансовые операции, что нередко становится причиной длительных судебных разбирательств.

Еще одной актуальной проблемой выступает использование фиктивного документооборота и так называемых «технических» организаций. В настоящее время многие схемы уклонения от уплаты налогов строятся на искусственном завышении расходов и получении необоснованной налоговой выгоды. При этом выявление реальных организаторов подобных схем требует значительных процессуальных и оперативных ресурсов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что преступления в области уклонения от уплаты налогов на сегодняшний день остаются одной из наиболее опасных форм экономических правонарушений, непосредственно влияющих на финансовую стабильность государственного сектора, а также социально-экономическую устойчивость гражданского общества.

В контексте проведенного анализа были выявлены следующие основополагающие проблемы уголовной ответственности за преступления исследуемой сферы: сложность в разграничении налоговой и уголовной ответственности, особенности в доказывании прямого умысла, использование цифровых технологий и инновационных финансовых схем, дискуссионный характер судебной практики по делам.

Для совершенствования механизма пресечения и раскрытия преступлений, связанных с налоговыми правонарушениями, следует применить ряд мер рекомендательного характера:

- произвести уточнение или предоставить расширенную трактовку наиболее затруднительных для понимания положений уголовного кодекса, регламентирующих налоговые преступления;
- укрепить взаимодействие сотрудников налоговых и правоохранительных органов в случае выявления сложных преступных дел для дальнейшей наиболее эффективной, комплексной и системной проверки;
- усилить инновационно-цифровые инструменты и системы налогового контроля;
- провести анализ настоящих рекомендаций по расследованию налоговых преступлений и внести новые единые правила пресечения и расследования данных дел.

Таким образом, повысить эффективность раскрываемости уголовных преступлений в области уклонения от уплаты налогов возможно только путем комплексного и системного подхода трансформации законодательства, правоприменительной практики, а также механизмов финансового контроля.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ № 63-ФЗ от 13.06.1996 (по сост. на 01.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : ФЗ № 146-ФЗ от 31.07.1998 г. (по сост. на 01.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Белов Е. В., Харламова А. А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации : науч.-практ. пособие / Е. В. Белов. М. : ООО Издательский дом «Юриспруденция», 2016. 108 с.
4. В 2025 году СКР расследовал 22 500 экономических дел // Официальный сайт «Право». URL: <https://pravo.ru/news/262669/>.
5. Преступность в России // Официальный сайт Tradviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Преступность_в_России.
6. Подведены итоги работы по досудебному урегулированию налоговых споров за 1 квартал 2025 года // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn63/apply_fts/pretrial/16270035/.

ПОНЯТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

А. И. Ситниченко

Научный руководитель: Ю. С. Галынская, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
threesixdegrez@vk.com

В статье рассматривается проблема формирования социокультурной идентичности молодёжи с точки зрения социологического, психологического и культурологического подходов, и обосновывается необходимость учёта внешних и внутренних факторов. На материале разработанного проекта благотворительных акций Центра реабилитации «Надежда» г. Новосибирска автор описывает методологию проектирования, портфель форматов благотворительных акций, модель управления и систему оценки результативности.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, молодёжь, студенты.

Социокультурная идентичность является одним из ключевых понятий современных гуманитарных наук. Она описывает процесс самоопределения индивида через интеграцию социальных норм, культурных ценностей и групповых практик. В условиях глобализации, цифровизации и интенсивных миграционных процессов это явление приобретает особую значимость для российского общества, в котором традиции полиэтничности сталкиваются с новыми вызовами идентификационных кризисов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления механизмов формирования идентичности в поликультурной реальности — прежде всего среди молодёжи и студентов, которые наиболее чувствительны к изменениям социокультурной среды.

Цель статьи: систематизировать основные теоретические подходы к изучению социокультурной идентичности и выявить их специфику.

Задачи работы:

- 1) раскрыть сущность понятия социокультурной идентичности;
- 2) определить компоненты социокультурной идентичности;
- 3) выявить факторы формирования идентичности;
- 4) рассмотреть социологический, культурологический и психологический подходы к пониманию социокультурной идентичности.

Метод исследования: анализ научной литературы.

Понятие и структура социокультурной идентичности

В современной отечественной научной литературе социокультурная идентичность трактуется как динамическая система представлений индивида о себе, формируемая через отождествление с социальными группами и усвоение их культурных кодов. В отличие от этнической идентичности, она акцентирует внимание именно на социальных механизмах интеграции — язык, традиции, ценности, — что делает её более широким и гибким понятием.

А. А. Озерина и О. А. Ульянина выделяют четыре основных компонента этой идентичности: семейный (идентификация с родителями и родственниками), учебно-профессиональный (связанный с образованием и карьерой), гендерный (ролевые ожидания, обусловленные полом) и национальный (принадлежность к этносу или гражданству) [1].

Структура идентичности является многоуровневой и включает когнитивное измерение (знания о группе), аффективное (эмоциональная привязанность к ней) и поведенческое (следование групповым нормам). Важно подчеркнуть, что доминирующий компонент меняется в зависимости от контекста: в академической среде, как правило, усиливается профессиональная составляющая, тогда как в ситуации межэтнического взаимодействия актуализируется национальная.

Факторы формирования идентичности

Формирование социокультурной идентичности определяется взаимодействием внутренних (ценностные ориентации, темперамент) и внешних факторов (образование, СМИ, социальная среда). Глобализация стимулирует усиление этнической составляющей, тогда как цифровизация порождает новые формы виртуальной идентификации, особенно выраженные в молодёжной среде.

В периоды социальных кризисов идентичность, как правило, консолидируется вокруг «своего» — усиливаются гражданская и национальная составляющие. Напротив, в ситуации поликультурных конфликтов возможна «диффузия идентичности», которая особенно часто наблюдается у представителей миграционных групп. Данные мониторинга ИС РАН фиксируют устойчивый рост уровня гражданской идентичности в России с 2020 по 2025 год, что свидетельствует об активной роли государственной политики, направленной на сохранение исторической памяти и образования в этом процессе.

Теоретические подходы к изучению социокультурной идентичности

В современной науке сложились три основных подхода к исследованию социокультурной идентичности: социологический, психологический и культурологический. Каждый из них акцентирует различные аспекты феномена, однако вместе они образуют взаимодополняющую теоретическую систему.

Социологический подход

Социологическая парадигма рассматривает социокультурную идентичность как продукт социализации — процесса освоения норм и ролей в обществе. Опираясь на теорию П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности, отечественные исследователи (ИС РАН) вводят понятие «гражданской идентичности» как синтеза этнической и государственной составляющих, формируемых через историческую память и патриотизм. Глобализация при этом рассматривается как фактор, ослабляющий традиционные связи и усиливающий роль виртуальных сообществ в процессах идентификации. По данным исследования 2023 года, большинство россиян по-прежнему связывают свою идентичность с семьёй и традициями, однако среди молодёжи заметно растёт значимость «цифровой гражданственности» [1].

Психологический подход

Психологическая перспектива фокусируется на внутренних механизмах формирования идентичности, понимаемой как ценностно-смысловая основа самосознания личности. В рамках данного подхода, восходящего к теории Э. Эриксона о стадиях идентичности, А. А. Озерина и О. А. Ульянина разработали модель, в которой идентичность формируется через сравнение «Я-реального» и «Я-идеального» в групповом контексте [3]. Особую роль здесь играет семья как первичная группа идентификации. В поликультурной среде — у мигрантов и студентов — нередко возникает «гибридная идентичность», позволяющая минимизировать внутренние конфликты между различными культурными системами. Заслуживают внимания и межпоколенческие различия: у представителей поколения Z идентичность чаще оказывается фрагментированной и множественной, тогда как у миллениалов она, как правило, более устойчива.

Культурологический подход

Культурологическая традиция трактует идентичность как функцию сохранения культурного наследия в условиях социальных трансформаций. А. А. Лисенкова вводит понятие «парадигмы идентичности» — нестабильной системы аксиологических координат, которая активно репрезентируется в пространстве социальных сетей [2]. Анализ цифрового контента выявляет конкуренцию двух нарративов: патриотического, апеллирующего к национальным традициям, и глобального, ориентированного на транснациональные культурные образцы. Подход интегрирует инструментарий семиотики (Ю. М. Лотман) и аксиологии, подчёркивая определяющую роль языка, символов и ритуалов в конструировании идентичности. В российском дискурсе отдельно выделяется проблема «слабой идентичности» личности в эпоху потребления, когда традиционные ценности оказываются под давлением массовой культуры.

Выводы и рекомендации. Проведённый анализ показывает, что социокультурная идентичность представляет собой многомерный феномен, изучение которого требует интеграции социологических, психологических и культурологических подходов. Каждый из них освещает отдельные грани этого явления: социологический — механизмы групповой социализации, психологический — внутреннюю динамику самосознания, культурологический — роль символических систем и ценностей. Российские исследования 2020–2026 годов обогащают теоретическую картину конкретными эмпирическими данными, указывая на ключевую роль образования и медиа в формировании и укреплении идентичности. Дальнейшие исследования в данной области необходимы для прогнозирования идентификационных трансформаций в условиях поликультурного общества и разработки практических рекомендаций в сфере воспитательной политики.

Список литературы

1. Жукова Е. Д., Гильмиянова Р. А. Социокультурная идентичность: современные теоретические подходы // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. № 1(103). С. 133–145.
2. Лисенкова А. А. Формирование и репрезентация социокультурной идентичности российской городской молодёжи в пространстве социальных медиа : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2021. 45 с.
3. Озерина А. А., Ульянина О. А. Особенности социокультурной идентичности современного студента // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 2. С. 164–190.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАХОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Т. И. Срыбных

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
kuznecovatatyana@mail.ru

В работе проведен анализ криминологических особенностей преступлений в сфере страхования, их структуры и основных способов совершения. Ключевое внимание уделено мошенническим действиям в сфере обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО), актуальным изменениям законодательства, направленным на противодействие данным преступлениям. С учетом анализа статистики и экспертных мнений предлагаются меры, направленные на совершенствование мер противодействия страховой преступности.

Ключевые слова: страховые преступления, мошенничество, ОСАГО, страховой рынок.

Преступления в сфере страхования представляют собой наиболее динамично развивающуюся категорию экономических правонарушений. Специфика заключается в соединении структурных элементов имущественного обмана, применения сложных финансовых инструментов и, как правило, организованной преступной деятельности.

Актуальность темы обусловлена не только существенным материальным ущербом, который причиняется финансовым организациям, осуществляющим деятельность в сфере имущественного страхования, и государству, но и дискредитацией института страхования в целом.

Цель исследования заключается в формировании теоретически обоснованной и практически применимой модели криминологической идентификации преступности в сфере страхования, основанной на системном мониторинге открытых источников информации, анализе судебной практики и использовании цифровых инструментов выявления криминальных индикаторов.

Методы и инструменты исследования включают контент-анализ официальных интернет-ресурсов страховых организаций, Банка России, судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Использование метода экспертных оценок с привлечением сотрудников судебной системы, рассматривающих гражданские и уголовные дела данной категории, позволяет дать оценку типичным криминальным схемам.

Под преступлениями в сфере страхования следует признавать совершенные субъектами страховой деятельности и (или) иными участниками отношений страхования, а также содействующими им лицами в рамках страховой деятельности либо путем ее имитации корыстные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения по поводу формирования и расходования по целевому назначению страхового фонда страховой организации и направленные на хищение либо иное противоправное завладение денежными

средствами данного фонда, причинившее имущественный ущерб гражданам, организациям, государству как участникам отношений страхования [1].

Структура страховой преступности крайне неоднородна. К основным видам относятся:

- мошенничество со стороны страхователей: инсценировка страховых случаев (ДТП, кражи имущества), завышение суммы ущерба, формирование подложных документов;

- мошенничество со стороны страховщиков: незаконный отказ в выплате страхового возмещения, заключение фиктивных договоров страхования с целью хищения средств;

- мошенничество со стороны посредников и иных лиц: создание фиктивных страховых компаний («фирм-однодневок»), выпуск в обращение подложных полисов (договоров).

Наиболее распространенным и криминогенным сегментом страховой преступности является сфера обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). Это связано с массовым характером данного вида страхования и относительно простой процедурой оформления выплат.

Существенной отличительной особенностью преступлений в сфере обязательного страхования ответственности автовладельцев автор усматривает использование судебной системы в качестве инструмента для совершения преступлений.

Именно путем вынесения судебных решений по гражданским делам по спорам со страховыми организациями производится зачастую необоснованное взыскание денежных средств со страховщиков на основании подложных документов о дорожных происшествиях.

При этом суды первой инстанции не обладают должным инструментарием для эффективного выявления признаков страхового мошенничества в действиях участников гражданского судопроизводства.

Альтернативная подсудность, обусловленная потребительским характером спора, позволяет недобросовестным истцам обращаться в суды по месту своего жительства, ограничивая непосредственное участие в рассмотрении дел для страховых организаций, не имеющих представительств во всех регионах. А в отсутствие активной роли страховщика в судебном процессе суд ограничен в возможности оценки достоверности представленных материалов основополагающим принципом состязательности сторон в гражданском судопроизводстве.

При значительной доле споров, инициированных с участием организованных групп в сфере страхового мошенничества, суды не усматривают закономерности и схожие черты, присущие различным эпизодам инсценировки страховых случаев (однотипные извещения о ДТП, неоднократно участвующие в ДТП лица).

Такая оценка доказательств может быть дана только судами апелляционной или кассационной инстанции при одномоментном пересмотре решений по гражданским делам, инициированных организованными группами.

По данным Национальной страховой информационной системы (НСИС), Новосибирская область и Ингушетия — лидеры антирейтинга «Мониторинга

региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО». В Новосибирской области все страховые компании (22) работают по ОСАГО в убыток. В 2024 году страховщики собрали в регионе 6,828 млрд рублей премий, а выплатили по страховым событиям 7,6 млрд рублей, за 10 месяцев 2025 года — 5,7 млрд рублей и 7,7 млрд рублей соответственно [2].

В качестве причин и условий, способствующих страховым преступлениям, различные авторы выделяют значительную стоимость страхования и стремление к экономии, сложность механизма и процедур получения страховых выплат, низкий уровень осведомленности граждан о последствиях мошенничества, сговор между участниками страхового рынка, несовершенство законодательства и методик оценки ущерба.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно рассматривал вопросы, связанные с балансом интересов страховых организаций и пострадавших. В Постановлении от 26.05.2026 № 34-П отмечено, что законодательство должно обеспечивать баланс между правом на возмещение вреда и финансовой устойчивостью страховых компаний. В частности, суд указал на недопустимость взыскания со страховщика убытков, превышающих установленную законом страховую сумму, если страховщик не смог организовать ремонт по объективным причинам [3].

Новое постановление является существенным элементом механизма противодействия страховой преступности, поскольку возлагает на законодателя обязанность урегулировать правовую неопределенность в профильных нормативных актах, позволяющую недобросовестным участникам страхового рынка получать значительные выплаты и увеличивать размер ущерба от преступлений в сфере страхования ответственности автовладельцев.

Автор полагает, что для результативного противодействия преступности в сфере страхования ответственности автовладельцев необходим системный подход:

- 1) повышение мер ответственности: в 2026 году внесены законодательные изменения, позволяющие ежедневно фиксировать административные правонарушения в виде отсутствия заключенного договора страхования ответственности автовладельца с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, что по завершении периода тестирования и ввода в эксплуатацию специального оборудования сделает подобные нарушения менее выгодными для водителей;

- 2) внедрение современных информационных технологий: использование искусственного интеллекта для выявления признаков страховых правонарушений;

- 3) совершенствование системы оценки убытков и ущерба: приведение существующих методик оценки к единому стандарту, исключающему возможность завышения размера ущерба;

- 4) широкое информирование населения о последствиях участия в страховых мошенничествах;

- 5) тесное и нормативно урегулированное взаимодействие страховщиков и правоохранительных органов для оперативного выявления признаков страхового мошенничества.

Страховая преступность наносит значительный ущерб государственной экономике и значительно дискредитирует институт страхования. Только системный подход, включающий законодательные меры, информатизацию процессов и повышение правовой культуры, позволит снизить уровень страховой преступности. Особое внимание следует уделить совершенствованию правового регулирования и судебной практики для обеспечения баланса интересов всех участников страховых правоотношений.

Список литературы

1. Боровских Р. Н. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 55 с.
2. Российский союз автостраховщиков. URL: https://autoins.ru/novosti/tekushchie/?ELEMENT_ID=1302940 (дата обращения: 20.05.2026).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2026 № 34-П «По делу о проверке конституционности п. 15.1, 15.2 и 16.1 ст. 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также пп. «б» ст. 7 данного Федерального закона во взаимосвязи со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Т-Страхование» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534959/ (дата обращения: 28.05.2026).

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ В БЮДЖЕТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Д. И. Тадышева

Научный руководитель: О. А. Чистякова, *д-р экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
dashatadisheva@mail.ru

В работе проведен анализ проблем разграничения источников финансирования в бюджетных образовательных учреждениях в условиях перехода к эффективному контракту и автономизации. Выявлены ключевые методические и практические сложности ведения раздельного учета, предложены направления совершенствования финансового менеджмента в образовательных организациях.

Ключевые слова: источники финансирования, бюджетные образовательные учреждения, принцип раздельного учета операций.

Реформа системы государственного (муниципального) финансирования, инициированная Федеральным законом от 08.05.2010 № 83-ФЗ, принципиально изменила финансово-экономическую модель бюджетных образовательных учреждений. Вместо сметного финансирования по статье затрат учреждения перешли к финансированию на основе государственного (муниципального) задания (ГЗ), что расширило их финансовую самостоятельность, но одновременно породило комплекс проблем, связанных с разграничением потоков средств из различных источников.

На практике в деятельности образовательного учреждения пересекаются как минимум четыре источника финансирования: субсидия на выполнение ГЗ, субсидия на иные цели, средства от приносящей доход деятельности (платные образовательные услуги, аренда, выполнение научно-исследовательских работ) и целевые поступления (гранты, пожертвования). Нормативные требования к ведению раздельного учета (ст. 32 Бюджетного кодекса РФ, приказы Минфина России) вступают в противоречие с реальной организацией образовательного процесса, где ресурсы используются комплексно, а результаты деятельности трудно атрибутировать к конкретному источнику [1]. Ошибки в разграничении источников влекут за собой риски признания расходов нецелевыми, доначисления налогов и применение санкций со стороны органов финансового контроля, что делает тему исследования практически значимой для руководителей и главных бухгалтеров образовательных учреждений.

Цель исследования: выявить ключевые проблемы разграничения источников финансирования в бюджетных образовательных учреждениях и предложить направления их решения.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1) классифицировать источники финансирования бюджетных образовательных учреждений;

2) выявить методические и практические сложности ведения раздельного учета;

3) сформулировать рекомендации по совершенствованию финансового менеджмента.

В работе применены методы системного анализа нормативно-правовой базы, сравнительного анализа учетных практик, а также метод экспертных оценок на основе обобщения материалов проверок органов финансового контроля, опубликованных в открытых источниках.

Анализ нормативной базы показывает, что разграничение источников финансирования базируется на принципе раздельного учета операций [1–3], согласно которому учреждение обязано вести учет средств и имущества в зависимости от источника их получения. На практике реализация данного принципа сталкивается с рядом системных проблем.

Первая группа проблем связана с распределением затрат на оплату труда педагогических работников. В условиях эффективного контракта труд преподавателя многофункционален: он включает учебную нагрузку (финансируется за счет субсидии на ГЗ), научную и методическую работу (может финансироваться из субсидии на иные цели или средств от НИОКР), а также руководство выпускными квалификационными работами и дополнительную педагогическую нагрузку (часто — за счет приносящей доход деятельности). Нормативные документы не содержат единой методики распределения фонда оплаты труда между источниками, что приводит к субъективным решениям учреждения и рискам при контрольных мероприятиях [4].

Вторая группа проблем обусловлена распределением общехозяйственных (накладных) расходов. Аренда помещений, коммунальные услуги, содержание информационных систем, работа административно-управленческого персонала обеспечивают функционирование учреждения в целом и не могут быть прямо отнесены к конкретному источнику финансирования. Учреждения вынуждены разрабатывать собственные базы распределения (по доле доходов, по трудозатратам, по площади занимаемых помещений), каждая из которых имеет свои недостатки и может быть оспорена проверяющими органами [5].

Третья группа проблем связана с учетом основных средств и нематериальных активов, приобретенных за счет средств от приносящей доход деятельности и используемых одновременно при выполнении ГЗ. Возникают сложности с начислением амортизации, отражением в учете и, что особенно важно, с корректным исчислением налога на прибыль и НДС. В частности, применение вычетов по НДС при «смешанном» использовании имущества требует ведения раздельного учета по ст. 171–172 НК РФ, что существенно увеличивает трудоемкость учетного процесса.

Четвертая проблема — недофинансирование нормативных затрат при формировании ГЗ. Учредитель не всегда в полном объеме закладывает в нормативные затраты расходы на коммунальные услуги, охрану, информационное обеспечение, что вынуждает учреждение направлять на покрытие данных расходов средства от приносящей доход деятельности. Формально такое перекрестное

финансирование нарушает принцип раздельного учета, фактически — является единственным возможным способом обеспечения непрерывности образовательного процесса.

Пятая проблема — формирование плана финансово-хозяйственной деятельности (ПФХД). При составлении ПФХД учреждение сталкивается с необходимостью прогнозирования объемов приносящей доход деятельности в условиях неопределенности, а также с жесткими ограничениями по перераспределению средств между кодами классификации операций сектора государственного управления (КОСГУ).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения сформулированных рекомендаций руководителями и бухгалтерскими службами бюджетных образовательных учреждений для минимизации рисков при осуществлении финансового контроля и повышении качества финансового менеджмента.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Действующая нормативная база не содержит единой методики разграничения источников финансирования в части распределения общехозяйственных расходов и оплаты труда многофункционального персонала, что создает правовую неопределенность для бюджетных образовательных учреждений.

2. Ключевыми рисками для учреждений являются: признание расходов нецелевыми, доначисление налогов при «смешанном» использовании имущества, претензии со стороны учредителя при перекрестном финансировании.

3. Существующая практика раздельного учета в значительной части учреждений носит формальный характер и не отражает реальной экономики образовательного процесса.

На основе выявленных проблем предложены рекомендации.

1. На федеральном уровне — разработать и утвердить методические рекомендации по распределению общехозяйственных расходов и фонда оплаты труда между источниками финансирования в бюджетных образовательных учреждениях с учетом отраслевой специфики.

2. Учредителям — при формировании государственного задания обеспечивать полноту включения в нормативные затраты всех необходимых статей расходов, чтобы минимизировать потребность учреждений в перекрестном финансировании.

3. Бюджетным образовательным учреждениям — утвердить на уровне локальных нормативных актов (учетная политика) прозрачные и экономически обоснованные базы распределения косвенных расходов между источниками финансирования; обеспечить автоматизацию раздельного учета средствами современных бухгалтерских информационных систем (1С: Бухгалтерия государственного учреждения 8.3 и аналоги).

4. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка отраслевых стандартов финансового менеджмента для бюджетных образовательных учреждений, учитывающих специфику их деятельности и минимизирующих риски нецелевого использования средств.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Об образовании в Российской Федерации: ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений: ФЗ от 08.05.2010 № 83-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2298.
4. Солодова С. В. Бухгалтерский учет в организациях государственного сектора : учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 383 с. (Высшее образование). URL: <https://urait.ru/bcode/600487> (дата обращения: 25.06.2026).
5. Лукин А. Г. Вопросы внедрения программно-целевого метода управления государственными финансовыми ресурсами в Российской Федерации // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2025. № 1. С. 4–34.

РОЛЬ УЧЕТА И ОЦЕНКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

К. С. Таракановская

Научный руководитель: О. А. Чистякова, *д-р экон. наук, доцент*

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),

г. Новосибирск, Россия

Tarakanovskaya0101@mail.ru

В работе рассматривается роль учета и оценки в обеспечении устойчивости и социальной ответственности потребительской кооперации. Особое внимание уделено внутреннему контролю, минимизации рисков и обеспечению прозрачности деятельности кооператива для повышения доверия членов организации и внешних заинтересованных сторон.

Ключевые слова: потребительская кооперация, внутренний контроль, социальная ответственность, устойчивость, корпоративная прозрачность, управление рисками, финансовые и правовые риски, учет и оценка, раскрытие информации, кооперативное управление.

Актуальность исследования. Обеспечение корпоративной прозрачности выступает одной из ключевых характеристик качества корпоративного управления и одновременно является важным фактором, определяющим рыночную стоимость компании и ее инвестиционную привлекательность. В российской практике стандарты раскрытия информации часто ориентированы исключительно на финансовую отчетность, которая не всегда способна полноценно отразить качественные и стратегические аспекты деятельности. Это снижает доверие со стороны инвесторов, деловых партнеров и регуляторов. В условиях изменяющейся экономической среды интеграция принципов прозрачности становится критически важным фактором обеспечения устойчивости потребительской кооперации.

Социальная ответственность представляет собой многоаспектное понятие, сочетающее элементы как личностной ответственности человека перед обществом и социальными группами, так и ответственность самого общества перед разнообразными категориями социальной сферы, и перед каждым индивидом в частности [1].

Цель статьи: анализ роли инструментов учета и оценки в обеспечении устойчивости и социальной ответственности потребительских кооперативов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- изучение влияния корпоративной прозрачности на качество управления и доверие стейкхолдеров;
- выявление ограничений существующей финансовой отчетности в контексте оценки устойчивости;
- определение ключевых рисков, влияющих на эффективность функционирования потребительской кооперации;
- обоснование роли внутреннего контроля как механизма минимизации рисков и повышения прозрачности.

В работе используются методы анализа данных финансовой отчетности, институциональный подход к оценке конкурентоспособности, а также инструменты внутреннего контроля. Процесс внутренней оценки в производственных кооперативах рассматривается как системный процесс сбора и анализа информации органами управления для оптимизации использования ресурсов (включая специфические земельные и биологические активы) и обеспечения достоверности отчетности. Дополнительно рассматривается использование корпоративных веб-сайтов как перспективного канала раскрытия нефинансовой информации для общественности.

Огромное значение в приобщении кооперативной организации к системе социальной ответственности имеет формирование ее эффективных коммуникационных связей с обществом в целом и его различными подсистемами.

В теоретическом плане данная работа обосновывает необходимость отхода от традиционной финансовой отчетности в пользу всестороннего раскрытия информации, охватывающего принципы управления и показатели устойчивости.

Несомненно, риски, возникающие в результате естественных процессов, следует снижать, это в равной мере относится и к обстоятельствам, которые возникают при технологической недостаточности. Проблему представляют и опасности, возникающие в информационном поле. В этой связи особую роль приобретает формирование и оптимизация контроля на систематической основе. В исследовании отражены меры, которые позволяют сделать совместную работу кооператива с оценщиками и участниками на паях наиболее результативной. Предложены средства, которые создают прочную основу для доверительных производственных отношений, что, в свою очередь, позволяет предприятию быть стабильным и адаптивным длительное время.

Уровень управления оценивается по ряду показателей, среди которых существенным является открытость. Если управление корпорацией обладает высокими показателями открытости, то это положительно влияет на стоимость предприятия, а также открывает новые перспективы для вложений инвесторов. В этой связи уместно помнить о том, что честная управленческая политика при обмене существенными данными на постоянной основе представляет собой наилучший способ взаимодействия между сторонами.

Такая прозрачность позволяет объективно оценивать управленческие практики, риски и результативность стратегий, что, в свою очередь, укрепляет доверие инвесторов и способствует росту рыночной капитализации [2].

С научной точки зрения, социальная ответственность должна учитывать интересы и способствовать повышению качества жизни основных заинтересованных сторон (как личности и социальных групп, так и государства в целом).

В России сложилась практика корпоративной отчетности, где финансовые показатели играют ключевую роль. Эти стандарты, ориентированные на специалистов финансовой сферы, используют унифицированные формы. Тем не менее, даже при формальном соблюдении законодательных норм, финансовая отчетность зачастую не способна адекватно передать все качественные и стратегические аспекты деятельности компании, что делает ее недостаточным инструментом для всестороннего анализа.

Недостаток стратегической и качественной информации в отчетности снижает её полезность для внешних сторон, таких как деловые партнеры, рейтинговые агентства и финансовые институты. Эти организации нуждаются как в количественных, так и в качественных данных для всесторонней оценки устойчивости компании и её корпоративного управления. Без такой информации анализ становится неполным, что затрудняет принятие обоснованных решений и ухудшает взаимодействие с компанией.

Раскрытие информации о деятельности компании, включая принципы управления, показатели эффективности и устойчивости, является одним из наиболее эффективных инструментов повышения качества корпоративного управления. Своевременное предоставление такой информации способствует повышению доверия к компании, улучшает восприятие её управленческой практики, и позволяет формировать долгосрочные, взаимовыгодные отношения с инвесторами и другими заинтересованными сторонами. Уровень развития корпоративного управления в российских организациях регулярно оценивается экспертами Национального совета по корпоративному управлению (НСКУ) и Российского института директоров (РИД) [5]. Эти организации играют ключевую роль в разработке и внедрении передовых стандартов корпоративного управления, а также в мониторинге их применения на практике. Основной задачей НСКУ и РИД является оказание методической и практической поддержки компаниям, стремящимся повысить уровень прозрачности, управленческой компетенции и качества раскрытия информации.

Управление предприятием будет устойчивым в конкурентной среде в том случае, если оно основано на открытости и честном информировании. Такой подход даст возможность занимать выгодную рыночную позицию и эффективно управлять предприятием. Рыночная среда отличается нестабильностью, и наиболее выигрышные позиции будут принадлежать тем корпорациям, которые обоснованно заслужили доверие.

В настоящее время информационные возможности чрезвычайно широки. Используя интернет, можно предоставить сколь угодно значительный объем сведений. Каждый, испытывающий потребность в информации, способен удовлетворить свой интерес. Множество отечественных корпораций активно применяют способ предоставления информации о своей деятельности в форме отчетов через интернет, на сайтах без труда можно найти сведения об особенностях управления теми или иными корпорациями.

Оптимальная деятельность кооперативных предприятий невозможна без учета рисков. Данные риски возникают в результате воздействия внешних и внутренних факторов. Среди наиболее значимых рисков следует отметить естественного, природного происхождения, риски, связанные с технологическими сбоями, а также возникающие в информационном поле и в области политических решений. Существенную роль также играют ценовые риски. Следовательно, возникает потребность в том, чтобы эффективно им противодействовать [3].

Устранить риски полностью не представляется возможным, однако есть возможность снизить их через систематическое управление. Среди средств, которые в наибольшей мере отвечают требованиям результативности управления

рисками, следует выделить систему внутреннего контроля. Такой способ представляется наиболее предпочтительным для кооперативов, потому что при его использовании возникает возможность осуществлять бухгалтерский учет оптимальным образом. Кроме этого, данный инструмент позволяет эффективно управлять процессами на предприятии. Появляется возможность определять в нужное время те стороны деятельности предприятия, которые нуждаются в немедленной корректировке, принимать те решения, которые в наибольшей мере отвечают требованиям оптимального управления в конкретных рыночных обстоятельствах. Таким образом, риски будут минимизированы, предприятие повысит свою устойчивость.

Производственная активность кооперативов находится в зависимости от ряда факторов. Среди них следует выделить природные обстоятельства и технологические условия. Также необходимо помнить об особенностях тех средств, которые напрямую используются в производственном процессе. [4].

Деятельность в производственных кооперативах будет стратегически эффективной в том случае, если применяется внутренняя оценка. Отметим, что работа в данном направлении не исчерпывается только лишь проверкой существующего положения вещей. Производится аккумулирование существенных для работы кооператива сведений. Информация подвергается исследованию, делаются выводы о том, насколько деятельность предприятия отвечает требованиям оптимальности. Подчеркнем, что цель состоит именно в том, чтобы работа была налажена наиболее результативно, и предприятие получало наибольшую прибыль. Используя такой эффективный инструмент, как внутренняя оценка, предприятие способно определять девиации от намеченного вектора деятельности, направлять силы и средства, изменять политику.

Добавим, что при использовании внутренней оценки появляется возможность гарантировать прозрачность отчетов. Данное средство позволяет видеть недостаточность финансового порядка, устранять ошибки своевременно.

Принимаемые меры направлены также и на то, чтобы в достаточной мере следовать нормам законодательства. Предприятие, которое ведет свою деятельность в соответствии с требованиями законности, справедливо заслуживает доверия со стороны партнеров и государственных органов. Таким образом, внутренняя оценка является эффективным инструментом, который предоставляет предприятию широкие возможности в области учета, анализа, управления, формирования положительного образа предприятия. Кооператив получает возможность работать стабильно в далеких от стабильности обстоятельствах рыночной среды.

Список литературы

1. Жилина Е. В., Никитина А. А., Буранбаева Л. З. Роль потребительской кооперации в обеспечении продовольственной безопасности регионов Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2022. № 2. С. 99 – 107.

2. Ильина Л. И., Ружанская Н. В., Назарова И. Г. Потребительская кооперация России и Республики Коми в условиях цифровизации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 1-1. С. 424–435.
3. Калягин Г. В. Конкурентоспособность кооперации в переходной экономике: институциональный подход : учеб. пособие. М. : Проспект, 2020. 160 с.
4. Каурова О. В., Ткач А. В., Шпак С. Н. Развитие услуг потребительской кооперации сельхозпроизводителям в экономических регионах России // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2022. № 3. С. 27–35.
5. Потребительская кооперация: основы модели функционирования и ключевые тенденции развития в России / Л. В. Матраева [и др.] // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2022. № 1. С. 44–49.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ж. Е. Токушева

Научный руководитель: Р. Н. Боровских, *д-р юрид. наук, профессор*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
zhulduz-t@mail.ru

В статье анализируются ключевые проблемы практической реализации института суда с участием присяжных заседателей: формирование вопросного листа, влияние напутственного слова председательствующего и неоднородность вердиктов. По итогам исследования предложены меры по совершенствованию процессуального регулирования и повышению единообразия судебной практики.

Ключевые слова: присяжные заседатели, уголовное судопроизводство, вопросный лист, вердикт, судебная практика.

Актуальность исследования. Суд с участием присяжных заседателей представляет собой одну из форм непосредственного участия граждан в управлении правосудия и выступает важнейшим институциональным инструментом обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Между тем систематический анализ правоприменения свидетельствует о том, что практическая реализация данного института сопряжена с устойчивыми процессуальными трудностями, которые снижают эффективность судопроизводства и нередко влекут отмену приговоров. Необходимость выявления и устранения этих трудностей обуславливает научную и практическую значимость настоящего исследования.

Цель и задачи исследования. Целью работы является выявление наиболее острых проблем функционирования суда присяжных в Российской Федерации и формулирование предложений по совершенствованию законодательства и судебной практики. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: анализ практики формирования вопросного листа; оценка влияния напутственного слова председательствующего на внутреннее убеждение присяжных; исследование причин неоднородности вердиктов; выявление организационных проблем формирования коллегии присяжных заседателей.

Методы и инструменты исследования. В работе применяются формально-юридический метод, системный анализ норм уголовно-процессуального законодательства, а также анализ правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации и изучение научной литературы по теме исследования.

Анализ судебной практики показывает, что функционирование суда с участием присяжных заседателей сопровождается рядом устойчивых проблем, затрагивающих как процессуальную форму, так и реализацию основополагающих

принципов уголовного судопроизводства. Несмотря на детальную нормативную регламентацию, правоприменение остаётся неединообразным и требует дальнейшего совершенствования.

Одной из наиболее острых является проблема формирования вопросного листа. Разграничение вопросов факта, разрешаемых присяжными, и вопросов права, составляющих компетенцию профессионального судьи, на практике вызывает серьёзные затруднения: председательствующий вынужден излагать юридические конструкции в доступной для непрофессионалов форме, не допуская при этом искажения правовой сущности обвинения. Законодатель ограничивается указанием на общие требования к содержанию вопросного листа, не предлагая типовых формулировок, вследствие чего неточности нередко становятся основанием для отмены приговора [1].

По мнению автора, ключевая проблема заключается не только в нормативной неопределённости, но и в отсутствии единых методических подходов к реализации института суда с участием присяжных заседателей.

В целях минимизации подобных ошибок представляется целесообразной разработка методических рекомендаций, содержащих образцовые формулировки вопросов с учётом сложившейся судебной практики по делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей.

Существенной остаётся и проблема влияния напутственного слова председательствующего на внутреннее убеждение коллегии. Действующий запрет на выражение собственной позиции по существу дела не исключает возможности косвенного воздействия посредством расстановки акцентов и выбора формулировок. Нарушение принципа объективности способно повлечь отмену приговора. В связи с этим представляется обоснованным введение обязательного письменного оформления напутственного слова и приобщения его к материалам дела, что позволит обеспечить эффективный апелляционный контроль за его содержанием.

Как справедливо указывает С. А. Насонов, уважение к вердикту присяжных заседателей — необходимое условие сохранения и развития данного института в России, а расширительное толкование оснований для вмешательства суда апелляционной инстанции в фактические выводы коллегии недопустимо [2]. Названная позиция свидетельствует о необходимости чёткого нормативного определения пределов апелляционного пересмотра приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, с исключением повторной оценки фактических обстоятельств дела.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что суд обязан обеспечить сторонам реальную возможность реализации прав при отборе присяжных и разъяснить последствия отказа от использования этих прав [3]. Из этого следует, что судебная практика будет фиксировать данные нарушения в виде существенных нарушений уголовно-процессуального закона, что в итоге приведет к отмене решений судов, а это значит, что процедура формирования коллегии присяжных заседателей должна быть выполнена строго по всем требованиям действующего законодательства.

Однако наряду с организацией процедурных моментов необходимо придерживаться сроков рассмотрения уголовных дел в суде. Так, сам процесс, включая формирование коллегии, рассмотрение отводов, вновь приглашение кандидатов, если их число не будет подходить для отбора, а также проведение самого судебного следствия, требует от суда и межотраслевых организаций существенных материальных расходов и временных ресурсов. Для решения данных вопросов предлагается внести изменения в законодательство об электронных уведомлениях кандидатов в присяжные заседатели посредством всех имеющихся средств связи.

Также стоит отметить и такой аспект, что вердикт выносится присяжными заседателями, которые не имеют специальных познаний в исследованиях доказательств, и оценивают их в силу своего жизненного опыта и навязанного общественного мнения о правосудии, поэтому ответы на сформированные судьей вопросы могут отличаться сугубо субъективной оценкой. Именно данное обстоятельство требует внедрения единых правил разъяснения присяжным заседателям принципов оценки доказательств, не для контроля выработки их внутреннего убеждения, а для понимания ими процессуальных основ исследования доказательств.

Наконец, повышение правовой грамотности граждан в части их статуса в качестве потенциальных присяжных заседателей представляется важным условием дальнейшего развития данного института. Целесообразно закрепить в нормативных правовых актах обязательное включение соответствующих сведений в образовательные программы на всех уровнях общего образования.

Практическая и теоретическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, разработке методических рекомендаций для председательствующих по делам с участием присяжных заседателей, а также в учебном процессе при изучении дисциплин уголовно-процессуального профиля.

Выводы и рекомендации. Основные проблемы функционирования суда присяжных в Российской Федерации связаны с недостаточной определённостью требований к формулированию вопросного листа, риском косвенного воздействия председательствующего на коллегию, неоднородностью вердиктов и организационной сложностью формирования коллегии. В целях совершенствования ситуации рекомендуется: разработать методические рекомендации с типовыми формулировками вопросов для присяжных; ввести обязательное письменное оформление напутственного слова; нормативно уточнить пределы апелляционного пересмотра приговоров; расширить применение цифровых технологий при вызове кандидатов в присяжные заседатели; включить сведения о данном институте в программы общеобразовательных организаций.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант-Плюс».
2. Насонов С. А. Уважение к вердикту присяжных заседателей как условие сохранения и развития суда присяжных в России // Суду присяжных 30 лет: становление и развитие : сб. стат. Всерос. круглого стола, Барнаул, 24 мая 2024 года. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2025. С. 119–128.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

ИМИТАЦИОННАЯ ОЦЕНКА СКЛАДСКИХ ОПЕРАЦИЙ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА

Д. В. Торорощенко

Научный руководитель: Л. Н. Стребкова, канд. экон. наук, доцент
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
danilatorochenko@mail.ru

В работе рассматривается применение имитационного моделирования для оценки складских операций распределительного центра. На основе демонстрационной модели Distribution Center сопоставлены три сценария ресурсного обеспечения и определен вариант, при котором достигается наиболее сбалансированное продвижение заказов по стадиям обработки.

Ключевые слова: цифровой двойник, имитационное моделирование, распределительный центр, складские операции, вилочный погрузчик, сборка заказов, операционная эффективность.

Эффективное управление логистикой компании находится в прямой зависимости от скорости перемещения товарных потоков, точности принимаемых управленческих решений и готовности к быстрой адаптации под колебания спроса. Если раньше успешность логистических операций зачастую ассоциировалась с минимизацией транспортных расходов и оптимизацией расположения складских площадей, то сегодня под этим понимается контроль за использованием ресурсов, ускорение исполнения заказов, сокращение времени простоя, устранение «бутылочных горлышек» и повышение ясности внутренних рабочих процессов.

Распределительные центры занимают ключевое место в современной логистической инфраструктуре. На них возложены задачи по приемке входящих грузов, организации хранения, комплектованию и отгрузке товаров, что делает их связующим элементом между производителями, складскими объектами, торговыми сетями и покупателями. Нарушения в работе подобного узла цепи поставок закономерно влекут за собой операционные простои, рост издержек, снижение качества клиентского обслуживания и потерю прозрачности в управлении запасами.

Совершенствование складской деятельности нередко связано с применением технологических решений: программных систем управления складом (WMS), беспилотного транспорта, RFID-идентификации, датчикового контроля, цифрового документооборота, аналитических инструментов и технологии цифровых двойников. Однако оснащенность современным инструментарием сама по себе не гарантирует устранения операционных проблем. Расширение технического парка или увеличение численности персонала не приведет к снижению задержек, если их источником является нерациональная маршрутизация, перегруженность погрузочных узлов или слабая межучастковая координация.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения предварительной оценки логистических решений перед их реальным применением. Имитационное моделирование предоставляет возможность воссоздать работу складской системы в виртуальной среде, корректировать параметры процессов и сравнивать результаты различных сценариев без какого-либо воздействия на текущую деятельность предприятия [1]. В этом контексте цифровой двойник выступает в роли модели, позволяющей анализировать динамику складских операций, идентифицировать потенциальные проблемы и тестировать управленческие гипотезы до их практической реализации [2, 3].

Цель исследования состоит в оценке возможностей моделирования складских операций распределительного центра для выявления узких мест и выбора более эффективного варианта ресурсного обеспечения складского процесса.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) раскрыть значение цифрового двойника и имитационного моделирования в оценке логистических инноваций;
- 2) определить показатели, отражающие эффективность складских операций; описать параметры имитационной модели;
- 3) сравнить три сценария работы распределительного центра при одинаковой нагрузке и различных ресурсах; определить вариант, который обеспечивает более сбалансированное прохождение заказов через стадии обработки.

Объектом исследования выступают складские операции распределительного центра. Предметом исследования являются изменения операционных показателей распределительного центра в зависимости от уровня обеспеченности внутрискладскими ресурсами. Гипотеза исследования заключается в том, что при повышенной загрузке склада больший эффект может дать не простое увеличение общего количества ресурсов, а их целевое направление на проблемный участок складского процесса.

Методическую основу исследования составили анализ научных и прикладных источников, имитационное моделирование, сценарный анализ, сравнительный анализ ключевых показателей эффективности и метод «что если». Такой подход позволяет рассматривать распределительный центр не как набор отдельных операций, а как единую логистическую систему, в которой разгрузка, размещение паллет, сборка заказов и погрузка связаны между собой.

В качестве инструментальной среды использована демонстрационная модель Distribution Center, представленная в AnyLogic [4, 5]. Модель воспроизводит работу распределительного центра и включает основные складские операции: разгрузку грузовых автомобилей, размещение паллет в зоне хранения, сборку заказов и последующую погрузку. В рамках исследования она рассматривается как имитационная основа для построения прототипа цифрового двойника складских операций.

Используемая модель не является цифровым двойником конкретного действующего предприятия в строгом смысле, поскольку она не подключена к фактическим данным реального склада. Вместе с тем ее структура позволяет показать принцип применения цифрового двойника для оценки эффективности

логистических решений. В модели можно наблюдать динамику складских процессов, изменять параметры системы и сравнивать результаты сценариев.

Для оценки эффективности использовались показатели, формируемые самой имитационной моделью: среднее время разгрузки и погрузки грузового автомобиля, среднее время ожидания сборки заказа, среднее время сборки заказа, время размещения и забора паллеты, загрузка вилочных погрузчиков, загрузка разгрузочных и погрузочных доков, а также загрузка складского пространства. Результаты сопоставления представлены в таблице.

Результаты имитационного моделирования складских операций распределительного центра

Показатель	Сценарий 1	Сценарий 2	Сценарий 3
Среднее время разгрузки грузового автомобиля, мин	98,372	81,722	88,388
Среднее время погрузки грузового автомобиля, мин	55,375	0	52,372
Среднее время ожидания сборки заказа, мин	75,302	97,440	70,219
Среднее время сборки заказа, мин	0	190,241	109,964
Среднее время размещения паллеты, мин	48,208	26,511	29,750
Среднее время забора паллеты, мин	33,242	36,086	31,502
Загрузка вилочных погрузчиков, %	86,2	83,8	89,3
Загрузка разгрузочных доков, %	100,0	100,0	100,0
Загрузка погрузочных доков, %	4,5	3,7	19,1
Загрузка складского пространства, %	60,2	60,1	59,3

Примечание: нулевые значения отдельных средних показателей отражают состояние модели на 300-й минуте модельного времени и не трактуются как фактическая нулевая продолжительность операции.

Во всех сценариях была сохранена одинаковая операционная нагрузка: начальная загрузка склада 0,6, количество типов паллет — 16, количество разгрузочных доков — 5, количество погрузочных доков — 7, машины на разгрузку — 7 в час, машины на погрузку — 3 в час, заказы — 3 в час, количество заказов — 10, время моделирования — 300 минут. Изменялись только ресурсные параметры. В первом сценарии распределительный центр работал при 10 вилочных погрузчиках и 2 погрузчиках на сборку заказа. Во втором сценарии общее количество вилочных погрузчиков увеличивалось до 20, но участок сборки не усиливался. В третьем сценарии количество вилочных погрузчиков также составляло 20, а число погрузчиков на сборку заказа увеличивалось до 4.

Сравнение сценариев показало, что увеличение общего количества вилочных погрузчиков во втором сценарии улучшило отдельные операции, но не устранило узкое место на стадии сборки заказов. Среднее время разгрузки грузового автомобиля снизилось с 98,372 до 81,722 минуты, т. е. на 16,9 %. Среднее

время размещения паллеты сократилось с 48,208 до 26,511 минуты, или на 45,0 %. Однако среднее время ожидания сборки заказа увеличилось с 75,302 до 97,440 минуты, т. е. на 29,4 %. Только наращивание техники не обеспечивает равномерного улучшения всей складской системы.

Сравнивая третий сценарий с первым, можно заметить, что среднее время сборки снизилось на 6,8 %, а среднее время забора паллеты сократилось на 5,2 %. В отличие от второго сценария, третий, показал, что среднее время ожидания снизилось на 27,9 %, а среднее время сборки заказа — на 42,2 %. Исходя из этого концентрация ресурсов на проблемном участке позволила ускорить рабочий процесс. Полученные данные свидетельствуют о том, что целевое направление ресурсов на проблемный участок позволило ускорить рабочий процесс — от стадии разгрузки до сборки заказов. Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что рост результативности заключается не в простом увеличении объема ресурсов, а в их точечном направлении на ключевые этапы рабочего процесса.

Имитационное моделирование открывает возможность проведения предварительной проверки принимаемых управленческих решений в сфере складской логистики. Этот инструмент дает возможность оценить, как изменение ресурсной базы отразится на работе системы еще до фактического внедрения, снизить вероятность нерациональных вложений и установить, на каких именно этапах формируются наиболее существенные ограничения производительности.

Научная ценность исследования заключается в более четком осмыслении взаимосвязи между концепцией цифрового двойника, методологией имитационного моделирования и оценкой результативности логистических нововведений. Цифровой двойник при этом выступает не только инструментом визуального отображения складских процессов, но и полноценным средством сценарного анализа, диагностики узких мест и обоснования управленческих решений.

Проведенная работа подтвердила, что имитационное моделирование является надежным инструментом предварительного анализа в складской логистике. Оно позволяет воспроизводить функционирование распределительного центра в виртуальной среде без вмешательства в текущие операции и заблаговременно прогнозировать последствия изменения параметров системы. Результаты сценарного анализа свидетельствуют о том, что производительность складской системы определяется степенью рациональности распределения техники по технологическим участкам. Увеличение ресурсов во втором сценарии позволило сократить время разгрузки транспортных средств и ускорить размещение паллет, однако данные изменения повлекли за собой накопление очередей на этапе комплектации заказов. Третий сценарий обеспечивает сбалансированный процесс грузопотока, так как дополнительные единицы техники были направлены непосредственно на проблемный участок.

В практических целях имитационное моделирование целесообразнее применять на стадии подготовки введения изменений в операционные процессы, что позволяет заблаговременно оценить возможные риски и последствия. Данное

имитационное моделирование дает возможность корректировки управленческих решений без каких-либо последствий для предприятия.

Список литературы

1. Масликова Т. Е., Редько С. Г. Применение подходов имитационного моделирования для оценки эффективности логистических процессов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2013. № 4-2(183). С. 96–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-podhodoov-imitatsionnogo-modelirovaniya-dlya-otsenki-effektivnosti-logisticheskikh-protsessov> (дата обращения: 21.05.2026).
2. Лапова А. В. Применение цифрового двойника в логистике // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2021. Т. 3. С. 398–401. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovogo-dvoynika-v-logistike> (дата обращения: 21.05.2026).
3. Столяров А. Д., Файзуллина А. М., Абрамов В. И. Цифровая трансформация логистики предприятия с использованием цифровых двойников // Beneficium. 2024. № 2(51). С. 23–31. URL: <https://beneficium.pro/index.php/beneficium/article/view/BENEFICIUM.2024.2%2851%29.23-31> (дата обращения: 21.05.2026).
4. AnyLogic. Warehouse Simulation Software. URL: <https://www.anylogic.com/warehouse-operations/> (дата обращения: 25.05.2026).
5. AnyLogic Cloud. Distribution Center. URL: <https://cloud.anylogic.com/model/fd24f59d-85cc-45d0-a327-ed551b983c43?mode=SETTINGS> (дата обращения: 25.05.2026).

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК

В. Р. Трифонова

Научный руководитель: Н. Ю. Лебедев, *д-р юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
violeta_trifonova@mail.ru

В статье исследуется правовая природа процессуальных издержек в уголовном процессе, их понятие и отличительные признаки. Анализируются проблемы правового регулирования данного института: отсутствие исчерпывающего перечня видов расходов, неоднозначность судебной практики и сложности с возмещением затрат участникам процесса. На основе исторического анализа и оценки действующего законодательства (в т. ч. ст. 131 УПК РФ) сформулированы предложения по совершенствованию норм о процессуальных издержках, в частности, по закреплению исчерпывающего перечня расходов и чёткого механизма их исчисления и выплаты, что призвано повысить эффективность уголовного судопроизводства и гарантировать соблюдение конституционных прав граждан.

Ключевые слова: процессуальные издержки, уголовное судопроизводство, правовая природа, возмещение расходов, участники процесса.

Актуальность исследования правовой природы процессуальных издержек в уголовном процессе не вызывает сомнений. В условиях ограниченности бюджетных средств и необходимости рационального расходования государственных ресурсов вопросы определения границ, состава и порядка возмещения процессуальных издержек приобретают особое значение. Отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) исчерпывающего перечня видов таких расходов, неоднозначность судебной практики, а также сложности с возмещением расходов участникам процесса делают тему не просто важной, но и крайне востребованной в теории уголовного процессуального права.

Современный уголовный процесс характеризуется усложнением процедур и ростом затрат, связанных с производством по уголовному делу, а эффективность правосудия напрямую зависит от того, насколько рационально организовано финансовое обеспечение деятельности судов, органов следствия и иных участников процесса. Проблемы правового регулирования процессуальных издержек приводят к затягиванию судопроизводства, нарушению прав потерпевших, свидетелей, защитников, а также к нерациональному использованию средств федерального бюджета, и в этой связи исследование правовой природы данного института, его границ и соотношения с иными расходами в уголовном процессе является актуальным как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Цель исследования заключается в комплексном анализе правового регулирования понятия и правовой природы процессуальных издержек.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть определение процессуальных издержек; охарактеризовать

признаки и отличительные черты процессуальных издержек; исследовать соотношение процессуальных издержек с иными расходами в уголовном процессе (судебные штрафы, возмещение вреда и пр.); выявить проблемы и предложить направления их преодоления.

Методы и инструменты исследования. Исследование базируется на применении комплекса научных методов, позволяющих обеспечить всестороннее рассмотрение: анализ, синтез, исторический и формально-юридический.

Теоретическая значимость работы определяется развитием концептуальных основ уголовно-процессуального права в части определения понятия и правовой природы процессуальных издержек.

Практическая значимость заключается в разработке предложений по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

История института берет начало с дореволюционного периода. Устав уголовного судопроизводства 1864 года предусматривал систему судебных пошлин и издержек, распределяемых между участниками процесса. Процессуальные издержки включали расходы на расследование, присутствие приставов, экспертизы и иные процессуальные действия.

В советский период, в частности после реформ 1923 и 1960 годов, судебные пошлины в уголовном процессе были отменены, поскольку уголовное судопроизводство признавалось полностью государственной функцией, а концепция государственного финансирования процесса окончательно закрепились, однако перечень возмещаемых расходов оставался скудным и несистематизированным.

С принятием действующего УПК РФ в 2001 году институт получил более четкое закрепление, а ст. 131 ввела общее определение процессуальных издержек, гл. 25 и 26 закрепили порядок их возмещения. Тем не менее, как показывает практика, многие вопросы, включая перечень возмещаемых расходов и процедуру их исчисления, требуют дальнейшего уточнения.

В соответствии со ст. 131 УПК РФ, процессуальные издержки — это «связанные с уголовным судопроизводством расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства» [1]. Данное определение является юридическим, однако оно лишь констатирует источник финансирования и цель расходования средств, не раскрывая в полной мере содержательной стороны института. Субъектом, уполномоченным осуществлять выплаты из федерального бюджета, выступает Казначейство России как уполномоченный орган федерального казначейства. Законодатель устанавливает, что процессуальные издержки это не просто затраты, а средства, выделяемые из средств федерального бюджета на строго определенные цели, связанные с уголовным судопроизводством.

Процессуальные издержки обладают рядом специфических признаков, отличающих их от иных финансовых обязательств в уголовном процессе:

1. Расходы должны быть непосредственно связаны с конкретным уголовным делом и необходимы для его расследования, рассмотрения или исполнения решения.

2. Они покрывают уже понесенные расходы участников процесса, а не представляют собой предплату или премиальные выплаты.

3. Источником средств служит федеральный бюджет либо средства участников уголовного судопроизводства.

4. Перечень возмещаемых расходов ограничен законом и не может быть расширен по усмотрению суда или следователя.

5. Отношения по возмещению процессуальных издержек не являются гражданско-правовыми обязательствами, а регулируются нормами процессуального права.

Отличительной чертой данного института является также то, что процессуальные издержки возмещаются независимо от исхода дела и вины конкретного лица, а лишь на основании факта участия в процессе и понесения убытков.

В уголовном процессе наряду с процессуальными издержками существуют и иные виды расходов, с которыми их необходимо разграничивать. Так, судебные штрафы представляют собой меру процессуального принуждения, взыскиваемую с участников процесса в доход федерального бюджета за нарушение установленных правил, и в отличие от процессуальных издержек штрафы не связаны с возмещением реальных расходов, а носят санкционный характер. Они не покрывают затраты потерпевшего или свидетеля, а направлены на общее принуждение и поддержание процессуального порядка. При этом процессуальные издержки не взыскиваются с лиц, освобожденных от уголовной ответственности, в связи с непричастностью к совершенному преступлению (по реабилитирующим основаниям) и признанием судом за ними права на реабилитацию; несостоятельных осужденных [2].

Возмещение вреда осуществляется в рамках гражданско-правовых обязательств. Потерпевший вправе требовать возмещения материального и морального вреда, причиненного преступлением, но эти суммы не имеют процессуальной природы, а направлены на восстановление нарушенных гражданских прав, и в отличие от процессуальных издержек, возмещение вреда может быть возложено на подозреваемого, обвиняемого или осужденного, а не покрывается за счет средств федерального бюджета.

Расходы на защитника, предоставленного по назначению, в определенных случаях квалифицируются как процессуальные издержки, однако здесь существуют дискуссионные моменты. Так, вознаграждение адвокату, назначенному за счет государства, в ряде случаев может не покрывать реальных затрат защитника, что вызывает необходимость в уточнении данной категории.

Следует отметить, что законодатель не определяет состав таких средств в полной мере, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике. Так, в п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ указано, что к процессуальным издержкам относятся и «иные расходы, понесенные в ходе уголовного судопроизводства и предусмотренные настоящим Кодексом». С. Р. Зеленин пишет, что «в литературе отмечается необходимость взыскания с лиц, уклоняющихся от отбывания лишения свободы, расходов, связанных с их розыском, обсуждается вопрос о возмещении осужденным вреда, причиненного исправительному учреждению побегом» [3]. Соответственно, появляются проблемы отсутствия исчерпывающего перечня расходов, составляющих процессуальные издержки.

Выводы и рекомендации.

1. Существуют затруднения с возмещением расходов потерпевшим и свидетелям, связанных с явкой в суд, командировочными расходами и иными издержками, и нередко эти лица фактически остаются без возмещения понесенных убытков в полном объеме.

2. Проблемным остается вопрос о включении в процессуальные издержки расходов на оплату труда адвокатов по назначению, а низкие ставки вознаграждения таких защитников фактически дискредитируют институт государственной юридической помощи.

3. Не каждый раз удастся возместить расходы на почтовые отправления, копировальную технику, транспорт, что ущемляет права участников процесса.

Соответственно, можно сделать вывод, что проблема кроется в недостаточной конкретизации законодательных норм, а также в несовершенстве механизмов финансового обеспечения деятельности уголовных судов.

Подводя итоги исследования, отметим, что процессуальные издержки представляют собой специфический правовой институт, обеспечивающий финансовую основу уголовного судопроизводства. Их правовая природа определяется источником финансирования (федеральный бюджет, либо участники судопроизводства), процессуальной обусловленностью и возмещательным характером. Отличие от судебных штрафов, возмещения вреда и иных расходов состоит в публично-правовой природе, бюджетном источнике и специальной процедуре распределения.

Для совершенствования данного института представляется необходимым законодательно закрепить исчерпывающий перечень расходов, составляющих процессуальные издержки, установить четкий механизм их исчисления и выплаты, а также повысить гарантии возмещения расходов участникам процесса, включая адвокатов по назначению. И как видится, решение этих задач способно повысить не только эффективность уголовного судопроизводства, но и обеспечить реальное соблюдение конституционных прав граждан на судебную защиту.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Медведева И. Н. К вопросу об особенностях правового регулирования взыскания судебных издержек с осужденных в отечественном и зарубежном уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ // Аграрное и земельное право. 2025. № 12. С. 520–523.
3. Зеленин С. Р. Процессуальные издержки в структуре расходов государства на уголовное судопроизводство и в ее динамике // Российское правосудие. 2026. № 3. С. 90–103.

ТРЕНДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ HR-СФЕРЫ

А. В. Федик

Научный руководитель: О. И. Лихтанская, *канд. экон. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
ch_menegment@sibupk.nsk.su

В статье представлен теоретический анализ современных трендов развития персонала на предприятиях. Исследование выходит за рамки фиксации наблюдаемых практик и фокусируется на выявлении концептуальных основ актуальных HR-трендов, эволюции теоретических подходов и их влиянии на трансформацию традиционных моделей управления персоналом. В ходе анализа рассмотрены ключевые направления развития HR-практик. На основе проведённого анализа сформирована обобщённая теоретическая модель развития персонала.

Ключевые слова: цифровизация HR-процессов, непрерывное обучение, soft skills, well-being (благополучие сотрудников).

Анализ цифровой трансформации HR-сферы с теоретической точки зрения позволяет утверждать, что это явление выходит далеко за рамки простого внедрения ИТ-решений. Речь идёт о глубинном изменении философии управления кадрами, опирающемся на ряд ключевых научных парадигм.

1. Информационный менеджмент трактует автоматизацию как инструмент упорядочивания коммуникационных и потоков данных внутри компании, преобразующий хаотичную информацию в унифицированную цифровую среду [1].

2. Концепция «Индустрия 4.0» встраивает HR-процессы в общую логику цифрового предприятия, превращая кадровую информацию в один из элементов общей экосистемы.

3. Модель цифровой зрелости HR описывает эволюционный путь: от роботизации единичных операций до формирования целостной цифровой инфраструктуры управления человеческими ресурсами.

4. Теория Big Data доказывает, что HR-аналитика должна базироваться на объективных массивах данных, заменяя интуитивные решения формализованными алгоритмами [1].

С теоретической точки зрения, цифровизация HR даёт возможность:

- снизить операционные издержки кадровых служб,
- повысить обоснованность управленческих решений через анализ больших данных,
- реализовать индивидуальный подход к каждому работнику,
- сформировать единое информационное пространство для всех кадровых процессов,
- прогнозировать как риски, так и перспективы в кадровой сфере.

Свод теоретических основ цифровой трансформации HR и примеров их реализации на практике представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Сопоставление теоретических концепций цифровизации
управления персоналом и их прикладных воплощений**

Концепция	Ключевая идея	Инструменты реализации	Ожидаемый эффект
Теория информационного менеджмента	Оптимизация информационных потоков	Единая база данных по персоналу, автоматизация отчётности	Сокращение времени на обработку данных на 30–40 %
Индустрия 4.0	Интеграция HR в цифровую экосистему предприятия	Связь HR данных с производственными показателями	Повышение согласованности бизнес процессов
Модель цифровой HR-зрелости	Поэтапное развитие HR цифровизации	От автоматизации отдельных процессов к комплексной трансформации	Рост производительности HR отдела на 35–45 %

С середины XX века (начиная с 1950-х гг.) в науке сформировался ряд фундаментальных подходов к развитию персонала. Среди них:

- концепция обучения на протяжении всей жизни (lifelong learning), опирающаяся на теорию человеческого капитала Г. Беккера. В рамках этого подхода образование рассматривается как вложение средств в приращение человеческого капитала, которое окупается ростом производительности труда;

- концепция самообучающейся организации П. Сенге, согласно которой компания обязана непрерывно эволюционировать, обучая сотрудников и культивируя атмосферу постоянного самосовершенствования;

- модель 70:20:10, задающая идеальную пропорцию форматов развития: 70 % — практические навыки на рабочем месте, 20 % — обучение через обратную связь и наставничество, 10 % — структурированные учебные программы;

- когнитивная теория учения, которая объясняет эффективность микрообучения (короткие модули по 5–15 минут) с учётом ограниченного объёма рабочей памяти и особенностей удержания внимания человека [1];

- теории мотивации А. Маслоу и Ф. Герцберга, позволяющие понять, почему элементы геймификации усиливают вовлечённость персонала в учебный процесс [3].

Хронология смены и развития описанных концепций обучения кадров систематизирована в табл. 2.

Таблица 2

Эволюция теоретических подходов к обучению персонала

Период	1950–1980 гг.	1980–2000 гг.	2000–2015 гг.	2015 г. — н. в.
Концепция	Традиционное обучение	Корпоративное обучение	Обучающаяся организация	Непрерывное обучение
Фокус	Знания	Навыки	Адаптация	Развитие

В ходе развития теоретических взглядов на обучение персонала произошёл закономерный перенос фокуса с профессионально-технических навыков (hard skills) на универсальные компетенции (soft skills). Данный сдвиг находит обоснование в следующих концепциях:

- теория замещения труда демонстрирует, что по мере автоматизации рутинных операций возрастает ценность именно гибких навыков, которые трудно поддаются алгоритмизации [1];
- концепция эмоционального интеллекта Д. Гоулмана акцентирует решающую роли EQ (эмоционального коэффициента) для эффективного лидерства, взаимодействия в командах и разрешения конфликтных ситуаций [2];
- модель компетенций Д. Макклелланда закрепляет soft skills в числе обязательных требований к сотрудникам вне зависимости от их уровня в иерархии [3];
- теория социальной сложности объясняет возрастающую востребованность коммуникативных способностей в контексте постоянно усложняющихся организационных структур и связей [1].

Совокупность теоретических подходов к дифференциации и классификации навыков обобщена в табл. 3.

Таблица 3

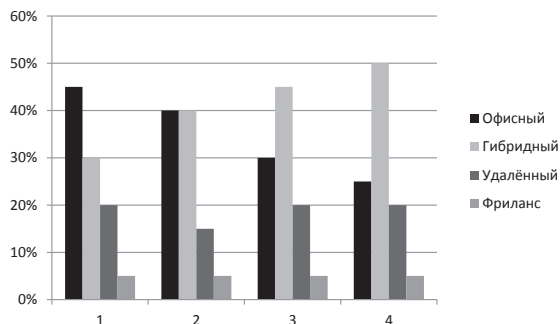
**Теоретические основы классификации
профессиональных и надпрофессиональных навыков**

Подход	Hard skills	Soft skills	Ключевые теоретики
Традиционный	Профессиональные знания и умения	Личностные качества	Ф. Тейлор, Г. Эмерсон
Компетентностный	Технические компетенции	Поведенческие компетенции	Д. Макклелланд, Р. Бояцис
Современный	Автоматизируемые навыки	Неавтоматизируемые навыки	Э. Тоффлер, Д. Пинк

На солидную теоретическую базу опираются и популярные ныне удалённый и гибридный форматы занятости. В частности:

- теория организационной гибкости раскрывает механизм, благодаря которому гибридная модель работы усиливает способность компании адаптироваться к изменениям внешней среды [1];
- концепция баланса между работой и личной жизнью трактует гармоничное сочетание профессиональной и частной сфер как ключевой фактор вовлечённости сотрудников и их лояльности компании [1];
- модель распределённой (виртуальной) команды формулирует базовые принципы, обеспечивающие результативность удалённых коллективов [1];
- теория социального присутствия (Дж. Шорт, Ф. Уильямс и Б. Кристенсен) даёт научное объяснение тому, как выбор разных каналов коммуникации влияет на качество взаимодействия и взаимопонимание внутри команды [4].

Динамика распространения форматов занятости представлена на рисунке.

Динамика распространения форматов занятости (теоретическая прогнозная модель, %)

Гибкие формы занятости теоретически обосновываются:

- теорией гибкого рынка труда, рассматривающей гибкость как условие конкурентоспособности в динамичной экономике [1];
- концепцией платформенной занятости, описывающей новые формы организации труда в цифровой экономике [1];
- моделью проектного управления, фокусирующейся на задачах, а не на должностях [1];
- теорией прекариата (Г. Стэндинг), анализирующей социальные последствия гибкой занятости [4].

Концепция благополучия сотрудников (well being) опирается на несколько фундаментальных теорий:

- пирамида потребностей Маслоу рассматривает удовлетворение базовых потребностей как условие самореализации и высокой производительности;
- теория вовлечённости (У. Кэннон) устанавливает прямую связь между благополучием и продуктивностью [2];
- концепция профессионального выгорания (К. Маслач) определяет профилактику выгорания как стратегическую задачу HR [2];
- теория самоопределения (Э. Деси и Р. Райан) подчёркивает важность автономии, компетентности и связанности для психологического благополучия.

Теоретические модели благополучия сотрудников представлены в табл. 4.

Таблица 4

Теоретические модели благополучия сотрудников

Модель	Фокус	Ключевые элементы	Теоретическая основа
Медицинская	Физическое здоровье	ДМС, профилактика заболеваний	Гигиеническая теория
Психологическая	Психическое здоровье	Консультации психологов, стресс менеджмент	Теория стресса (Г. Селье)
Комплексная	Целостное благополучие	Баланс работы и жизни, карьерное развитие, социальная поддержка	Теория самоопределения

ESG-подход в управлении персоналом опирается:

- на концепцию устойчивого развития, интегрирующую экологические, социальные и управленческие факторы в стратегию компании [1];
- теорию заинтересованных сторон (Э. Фриман), учитывающую интересы всех стейкхолдеров, включая сотрудников, клиентов и общество [1];
- модель корпоративной социальной ответственности, рассматривающую HR как инструмент реализации ESG-принципов [1];
- теорию репутационного капитала, показывающую влияние ESG практик на репутацию работодателя [1].

Таким образом, на основе анализа современных концепций можно выделить ключевые элементы обобщённой теоретической модели развития персонала:

- цифровая основа (HRM-системы, аналитика данных, ИИ как инструменты управления);
- непрерывное обучение (система развития навыков на протяжении всей карьеры);
- гибкие навыки (эмоциональный интеллект, креативность, адаптивность как базовые компетенции);
- персонализация (индивидуальные траектории развития и мотивации);
- благополучие (забота о физическом и психологическом здоровье сотрудников);
- инклюзивность (разнообразие и равные возможности как источник инноваций);
- устойчивость (ESG-принципы в HR-практиках);
- гибкость (адаптивные форматы занятости и организации труда).

Эта модель отражает переход от традиционного управления кадрами к стратегическому развитию человеческого капитала, где сотрудник рассматривается не как ресурс, а как ключевой актив организации.

Список литературы

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами; пер. с англ. 8-е изд. СПб. : Питер, 2018. 848 с.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект; пер. с англ. М. : АСТ, 2008. 480 с.
3. Десслер Г. Управление персоналом; пер. с англ. 12-е изд. М. : Лаборатория знаний, 2020. 800 с.
4. Шорт Дж., Уильямс Ф., Кристенсен Б. Теория социального присутствия в дистанционном обучении; пер. с англ. // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 78–92.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Е. В. Хижняк

Научный руководитель: М. М. Глазачева, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
hizhnyak. 2013@mail.ru

В статье исследуются правовые и организационные проблемы участия адвоката-защитника на досудебном производстве. На основе анализа УПК РФ, Федерального закона № 63-ФЗ и следственно-судебной практики выявлены ключевые недостатки: декларативный характер права на сбор доказательств, отсутствие процессуальных гарантий исполнения адвокатского запроса, формализм процедуры обжалования. Предложены конкретные изменения в УПК РФ: обязанность следователя приобщать доказательства, представленные защитником; процессуальные последствия неисполнения адвокатского запроса; право защитника на ознакомление с делом с момента предъявления обвинения; сокращение срока рассмотрения жалоб до 48 часов для лиц, содержащихся под стражей. Сделан вывод о необходимости устранения процессуального неравенства сторон для обеспечения реальной состязательности и права на защиту.

Ключевые слова: адвокат-защитник, досудебное производство, предварительное расследование, уголовный процесс, собирание доказательств, право на защиту.

Досудебное производство в уголовном процессе является этапом, на котором формируется доказательственная база и закладываются основы для дальнейшего судебного разбирательства. На этой стадии наиболее остро проявляются проблемы реализации права на защиту, гарантированного ст. 48 Конституции РФ. Адвокат-защитник выступает как основной субъект, обеспечивающий состязательность и равноправие сторон в условиях предварительного расследования. Существующие пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве, а также правовая неопределенность отдельных полномочий защитника снижают эффективность реализации функции защиты. Кроме того, актуальность обусловлена необходимостью совершенствования механизмов участия адвоката на досудебных стадиях для повышения гарантий соблюдения прав и интересов подозреваемых и обвиняемых.

Цель работы заключается в проведении анализа деятельности адвоката-защитника на досудебном производстве и выработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) определение правового статуса и основных направлений деятельности защитника на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;
- 2) выявление проблемы реализации полномочий по сбору и представлению доказательств;
- 3) анализ практики обжалования действий и решений следователя;

4) предложение путей устранения выявленных недостатков.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы и частнонаучные юридические методы:

- формально-юридический
- сравнительно-правовой
- метод анализа судебной и следственной практики.

Теоретическая значимость работы заключается в проведении систематизации научных взглядов на роль адвоката-защитника в досудебном производстве и уточнении содержания отдельных его процессуальных прав. **Практическая значимость** состоит в том, что сформулированные предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности для внесения изменений в УПК РФ, а также в практической работе адвокатов для более эффективной защиты прав доверителей на предварительном расследовании [3].

Главным источником правового регулирования является Уголовно-процессуальный кодекс РФ [1]. Согласно ст. 49, адвокат-защитник допускается к участию в деле с момента его возбуждения в отношении конкретного лица либо с момента фактического задержания конкретного лица по подозрению в совершении преступления. На стадии предварительного расследования он имеет право:

- на наличие и проведение свиданий с подозреваемым или обвиняемым (ст. 53 УПК РФ),
- на проведение процесса сбора и предоставления доказательств,
- на заявление ходатайств и отводов,
- на участие в следственных действиях,
- на написание жалоб на действия (или бездействие) следователя и др.

Особое внимание стоит уделить полномочию, предусмотренному ч. 3 ст. 86 УПК РФ, по сбору доказательств. Сторона защиты вправе получать предметы, документы и иные сведения, опрашивать лиц с их согласия, истребовать справки, характеристики и иные документы от органов власти и организаций. Но на практике данное полномочие носит декларативный характер, поскольку следователь не обязан приобщать представленные защитником материалы. Он может отклонить ходатайство, сославшись на неотносимость или недопустимость. В свою очередь, адвокат со стороны обвинения не может самостоятельно назначать экспертизу, проводить изъятие или получать образцы для сравнительного исследования [4].

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ закрепляет право адвоката на адвокатский запрос, который обязателен для исполнения органами власти, местного самоуправления и организациями [2]. Но в уголовном процессе результаты адвокатского запроса зачастую не имеют заранее установленной силы — они приобщаются к делу лишь по усмотрению следователя или суда. Это расходится с позицией Конституционного Суда РФ, который указывал на необходимость обеспечения реальной состязательности [3].

Процедура обжалования действий и решений следователя регламентирована ст. 124 и 125 УПК РФ. Жалоба на действия следователя может быть подана

руководителю следственного органа или в суд. Практика показывает, что сроки рассмотрения жалоб часто нарушаются, а суды нередко отказывают в удовлетворении жалоб формально, ссылаясь на отсутствие нарушения прав.

Проведенный анализ законодательства позволяет выявить определенные недостатки:

- отсутствует механизм принудительного исполнения адвокатского запроса в уголовном процессе;

- наличие права следователя по собственному усмотрению оценивать доказательства, представляемые защитником;

- ограничение доступа защитника к материалам дела до окончания предварительного расследования [5].

Проведенный анализ правовых и организационных возможностей участия адвоката-защитника на досудебных стадиях уголовного процесса позволяет сделать выводы.

1. Правовой статус адвоката-защитника, закрепленный в УПК РФ, соответствует гарантиям, дающимся Конституцией РФ на защиту прав человека. Но, несмотря на это, немалая часть указанных полномочий реализуется недостаточно эффективно в силу отсутствия процедурных механизмов и их обеспечения. Это наиболее заметно проявляется в попытке осуществления права на сбор доказательств, так как следователь на свое усмотрение приобщает предоставленные адвокатом материалы к делу, а также имеет право отклонять ходатайства по формальным основаниям.

2. Адвокатский запрос в уголовном процессе как институт, предусмотренный Федеральным законом № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не имеет как таковых гарантий, так как действующее законодательство не обозначает последствий для неисполнения либо ненадлежащего исполнения адвокатского запроса. Тем самым это неблагоприятно действует на эффективность деятельности защитника по сбору дополнительных сведений, которые необходимы для качественного оказания юридической помощи.

3. Сама процедура обжалования деяний, а также решений следователя, которая регламентирована ст. 124 и 125 УПК РФ, является недостаточно формальной, а сроки данной процедуры не соблюдаются, что является наиболее критичным для дел, в которых подозреваемый/обвиняемый находится под стражей. Таким образом, длительное рассмотрение подобной жалобы лишает заключенное под стражу лицо оперативной судебной защиты, а также ограничивает возможности адвоката-защитника к восстановлению нарушенных прав.

Для устранения выявленных недостатков предлагаются следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

1. Дополнить ч. 4 ст. 159 УПК РФ положением об обязательном удовлетворении ходатайств на приобщение к делу документов, предметов и иных полученных законным путем сведений, их относимость к делу и подтверждение обстоятельств, подлежащих доказыванию. Отказ в удовлетворении таких ходатайств должен быть обусловлен только основанием недопустимости

доказательств, а также он должен оформляться мотивированным постановлением, подлежащим обжалованию по ст. 125 УПК РФ. Данное изменение способствует надлежащему исполнению права адвоката-защитника на сбор доказательств.

2. Дополнить ст. 86 УПК РФ новой ч. 3.1, согласно которой результаты адвокатского запроса в обязательном порядке должны быть приобщены к уголовному делу в качестве доказательств. Необоснованное непредоставление запрашиваемых сведений или отсутствие ответа на направленный запрос должны повлечь за собой обязанность следователя по ходатайству защитника истребовать эти сведения самостоятельно. При повторном нарушении следователь вправе вынести частное определение в адрес руководителя соответствующего органа. Данное изменение создаст процессуальные гарантии исполнения адвокатского запроса.

3. Внести изменение в п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, предоставляя адвокату-защитнику право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела с момента предъявления обвинения, а не только по окончании предварительного расследования. Данное изменение позволит адвокату-защитнику своевременно подготавливать необходимые документы, а также наиболее эффективно оспаривать выдвигаемые обвинения на ранних стадиях.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 28-П «По делу о проверке конституционности...» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012.
4. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. 10-е изд. М. : Норма, 2025.
5. Лазарева В. А. Проблемы реализации защитником полномочий по собиранию доказательств // Российский судья. 2024. № 3.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ АКЦИЙ В ЦЕНТРЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

О. А. Чечерина

Научный руководитель: Ю. С. Галынская, *канд. социол. наук, доцент*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
olesich8@mail.ru

В статье рассматривается проблема ресурсного дефицита государственных реабилитационных учреждений для детей с ОВЗ и обосновывается необходимость системного использования благотворительных механизмов для его восполнения. На материале разработанного проекта благотворительных акций Центра реабилитации «Надежда» г. Новосибирска автор описывает методологию проектирования, портфель форматов благотворительных акций, модель управления и систему оценки результативности.

Ключевые слова: благотворительность, дети с ОВЗ, реабилитационный центр, социальный проект, фандрайзинг, волонтерство.

Актуальность исследования. Реабилитационные учреждения для детей с ограниченными возможностями здоровья в России функционируют в условиях хронического разрыва между нормативно установленными стандартами реабилитации и реальными ресурсными возможностями. По данным Росстата, в 2023 году в стране насчитывалось свыше 700 тыс. детей-инвалидов до 18 лет, из которых лишь около 35 % получали реабилитационные услуги в объеме, предусмотренном индивидуальными программами реабилитации. Государственное финансирование покрывает базовые статьи расходов учреждений: фонд оплаты труда, коммунальные услуги, минимальный набор расходных материалов. Закупка современного оборудования, обеспечение социокультурных мероприятий, психологическая поддержка семей подопечных и профессиональное развитие специалистов систематически остаются за пределами бюджетных возможностей.

Сложившаяся ситуация не является специфической чертой отдельных учреждений — она носит системный характер. Специалисты, изучающие благотворительность в сфере социальной защиты детей с ОВЗ, фиксируют: там, где государственная поддержка ограничена, именно благотворительные организации обеспечивают детям доступ к специализированному оборудованию, реабилитационным технологиям и психологическому сопровождению. При этом речь идёт не о подмене государства частной инициативой, а о формировании комплементарной системы, в которой государственные и негосударственные субъекты действуют в разных, но взаимодополняющих нишах [1].

Проблема усугубляется тем, что большинство реабилитационных центров не располагают воспроизводимой моделью взаимодействия с благотворительным сообществом. Разовые акции сменяют друг друга без накопления партнёрской

базы и институциональной памяти. Из-за этого теряется системный эффект, который мог бы возникнуть при регулярной, планомерной работе с донорами. Исследователи, анализирующие институциональное взаимодействие НКО, органов власти и бизнеса в области поддержки детей с ОВЗ, показывают: там, где местные органы власти выстраивают координационные механизмы, благотворительная поддержка становится предсказуемой; там, где такой координации нет, учреждения вынуждены самостоятельно конкурировать за внимание доноров [2, 3].

Цель работы: описать этапы разработки и содержание проекта по формированию системной модели благотворительных акций для Центра реабилитации детей и подростков с ОВЗ «Надежда» г. Новосибирска.

Задачи работы:

- 1) описать проблемную ситуацию, на решение которой направлен проект;
- 2) обосновать методы, используемые при разработке проекта;
- 3) разработать портфель форматов благотворительных акций;
- 4) рассмотреть финансовую модель проекта;
- 5) охарактеризовать систему управления проектом.

Методы исследования: анализ и проектирование.

Проблемная ситуация, на решение которой направлен проект, включает три взаимосвязанных противоречия. Первое — между нормативно закреплённым правом детей с ОВЗ на полноценную реабилитацию согласно Федеральному закону от 24.11.1995 № 181-ФЗ и реальными ресурсными возможностями учреждения. Второе — между потенциалом благотворительного сообщества г. Новосибирска и отсутствием у Центра системной модели взаимодействия с донорами. Третье — между потребностью детей с ОВЗ в социокультурной интеграции и фактической изолированностью учреждения от городского пространства. Каждое из этих противоречий решается конкретным элементом портфеля акций.

При разработке концепции проекта использовались три взаимодополняющих метода. Метод контрольных вопросов (в версии А. Осборна) позволил системно оценить проблемное поле учреждения и сформулировать проектные выводы по каждому обнаруженному дефициту.

Метод создания сценариев дал возможность сравнить три траектории развития ситуации (инерционную, фрагментарную и проектную) и обосновать выбор проектной траектории как единственной, обеспечивающей устойчивый эффект.

Метод фокальных объектов был применён для генерации нестандартных форматов акций: в качестве фокального объекта выступил «ребёнок с ОВЗ в реабилитационном центре», в качестве случайных объектов — «город», «праздник», «мастерская», «марафон», «выставка». Перенос свойств случайных объектов на фокальный позволил уйти от шаблонной схемы «концерт плюс сбор пожертвований» и получить форматы, органично сочетающие фандрайзинговую (сбор средств) и реабилитационную функции.

Портфель благотворительных акций включает пять форматов, принципиально различающихся по механике и целевому эффекту (таблица).

Портфель благотворительных акций

Название	Описание
Городской фандрайзинговый квест «Город для каждого»	Командное мероприятие, в ходе которого горожане выполняют задания, связанные с тематикой инклюзии, а партнёры-спонсоры за каждое выполненное задание перечисляют фиксированную сумму в фонд Центра. Формат работает одновременно как инструмент сбора средств и как механизм повышения городской осведомлённости о положении детей с ОВЗ
Серия творческих мастерских «Мастерская без барьеров»	Специалисты, внедряющие подобные форматы, отмечают выраженный реабилитационный эффект: у детей, участвующих в различных творческих проектах, фиксируется рост самооценки и расширение социального опыта
Онлайн-марафон «Марафон добрых дел»	30-дневная кампания в социальных сетях, в которой участники ежедневно публикуют пост о добром деле с хештегом акции. Партнёры-спонсоры за каждые 100 публикаций перечисляют фиксированную сумму. Формат обеспечивает широкий охват аудитории при минимальных организационных затратах
Ежегодное открытое мероприятие «День открытых дверей: мы рядом»	Выполняет функцию институциональной коммуникации: специалисты Центра представляют потенциальным донорам конкретный реестр потребностей с указанием стоимости каждой позиции, а по итогам мероприятия подписываются соглашения о партнёрстве
Серия рго вопо консультаций «Профессионалы — детям»	Юристы, психологи, логопеды и дефектологи города безвозмездно работают с семьями подопечных. Подход к родителям как к самостоятельной целевой группе, нуждающейся в поддержке, обоснован в работах по психологии семей с детьми с ОВЗ: хроническое эмоциональное выгорание родителей напрямую снижает интенсивность домашней реабилитационной работы

Финансовая модель проекта строится на принципе многоканального финансирования. Стартовые расходы в объёме 340 000 рублей планируется покрыть за счёт регионального гранта или взноса якорного партнёра. Последующие акции реализуются преимущественно силами волонтёров и за счёт ресурсов партнёров. Планируемый объём привлечённых ресурсов в первый годовой цикл составляет не менее 1 000 000 рублей, что даёт соотношение затрат к привлечённым ресурсам на уровне 1 : 3 — нижняя граница эффективности для проектов аналогичного типа в российской практике.

Управление проектом выстроено по линейно-функциональному принципу без расширения штата. Рабочая группа формируется из числа действующих сотрудников Центра с частичным перераспределением нагрузки. Руководитель проекта отвечает за достижение плановых показателей; координатор партнёрств — за привлечение и сопровождение доноров; PR-координатор — за информационную работу; педагог-организатор — за содержательную часть мероприятий. Штатные специалисты Центра участвуют в акциях в рамках текущих должностных обязанностей.

Практическая значимость исследования и рекомендации. Разработанная система благотворительных акций в центре реабилитации детей

с ограниченными возможностями здоровья позволит решить задачи расширения социального контакта между воспитанниками центра и обществом, с одной стороны, и удовлетворения потребности в благотворительности у участников проекта, с другой стороны. Проект благотворительных акций должен быть выстроен как системная, методически обоснованная модель, которая решает ресурсную задачу учреждения, расширяет социокультурную среду детей с ОВЗ и встраивает Центр в благотворительную экосистему г. Новосибирска.

Выводы. В работе рассмотрены 5 этапов разработки проекта по формированию системной модели благотворительных акций учреждения для Центра реабилитации детей и подростков с ОВЗ «Надежда» г. Новосибирска: описание проблемной ситуации, обоснование методов, используемых при разработке проекта, разработка портфеля форматов благотворительных акций, финансовая модель проекта, система управления проектом. Представлены рекомендации по проектированию благотворительных акций.

Список литературы

1. Бурый И. Е. Благотворительность: помощь детям с ОВЗ и их родителям // Логопед. 2020. № 9. С. 6–10.
2. Аксенова Л. А. Роль благотворительной деятельности в адаптации людей с инвалидностью и ОВЗ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 5-1. С. 129–135.
3. Галкина М. И. Особенности институционального взаимодействия НКО, органов власти, бизнес-сообщества в области социальной защиты и поддержки детей с ОВЗ в условиях усиления санкционного воздействия (на примере Нижегородской области) // Государство. Политика. Социум : матер. Всерос. симпоз. по комплексному развитию территорий. Екатеринбург : Уральский институт управления. филиал РАНХиГС, 2023. С. 129–133.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К АДАПТАЦИИ БИЗНЕС-МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЯМ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

К. Е. Язвенко, В. О. Сошников

Научный руководитель: Э. А. Новосёлова, *канд. экон. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК),
г. Новосибирск, Россия
nea333@mail.ru

В статье обосновывается проблема фрагментарности существующих подходов к адаптации бизнес-модели предприятия в условиях неопределённости. Предлагается авторский теоретико-методический подход, основанный на системной интеграции внешних и внутренних факторов, механизмов стратегического управления, цифровой трансформации и управления рисками. Определены направления его реализации в рамках научной статьи.

Ключевые слова: адаптация бизнес-модели, внешняя среда, неопределённость, комплексный механизм, стратегическое управление.

Современные предприятия функционируют в условиях перманентных изменений внешней среды. Экономическая нестабильность, санкционные ограничения, цифровизация, трансформация потребительского поведения и разрывы логистических цепочек требуют от организаций постоянного пересмотра принципов ведения бизнеса [1]. Как показывают исследования, значительная часть российских предприятий была вынуждена оперативно изменять свои бизнес-модели, искать новые рынки и внедрять цифровые решения [1]. Анализ научной литературы свидетельствует, что проблема адаптации бизнес-модели как единой системы остаётся недостаточно проработанной. Большинство авторов рассматривают отдельные аспекты адаптации: стратегическое управление [2], цифровизацию [3], реструктуризацию или управление рисками [4]. Вне поля зрения остаётся интеграция этих направлений в целостный механизм, учитывающий непрерывный характер изменений внешней среды и необходимость проактивной подготовки предприятия [5]. Данное противоречие определяет актуальность постановки проблемы и выбор темы исследования.

Целью исследования является разработка комплексного подхода к адаптации бизнес-модели предприятия к изменениям внешней среды на основе систематизации факторов, механизмов и инструментов адаптации. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать теоретические подходы к адаптации бизнеса и бизнес-модели;
- определить влияние факторов внешней среды на трансформацию бизнес-модели;
- выявить роль внутренних факторов и ресурсов предприятия в процессе адаптации;
- систематизировать механизмы и инструменты адаптации бизнес-модели;

- разработать комплексный механизм адаптации бизнес-модели предприятия;
- определить критерии оценки эффективности адаптации.

Автором выполнен анализ существующих теоретических подходов. Установлено, что адаптацию бизнес-модели целесообразно рассматривать как непрерывный процесс, включающий не только реакцию на изменения, но и проактивную подготовку предприятия к будущим вызовам [2, 5]. На основе системного, ситуационного и процессного подходов предлагается авторский теоретико-методический подход.

Сущность подхода заключается в формировании комплексного механизма адаптации бизнес-модели, объединяющего следующие взаимосвязанные элементы:

- мониторинг и анализ факторов внешней среды (экономических, технологических, институциональных, конкурентных);
- оценку внутренних ресурсов предприятия (организационной структуры, бизнес-процессов, кадрового потенциала, уровня цифровизации);
- выявление зон несоответствия между текущей бизнес-моделью и требованиями среды;
- выбор стратегии адаптации (реактивной, активной или превентивной);
- реализацию изменений через трансформацию бизнес-процессов, внедрение цифровых решений, реструктуризацию;
- контроль эффективности на основе системы финансовых, организационных и адаптивных показателей.

Данный подход отличается от существующих тем, что рассматривает адаптацию не как разовое антикризисное мероприятие, а как встроенный элемент стратегического управления, обеспечивающий долгосрочную устойчивость предприятия. В отличие от фрагментарных моделей [3, 4], предлагаемый механизм интегрирует внешние и внутренние факторы, цифровую трансформацию и управление рисками в единую адаптивную систему.

В работе используются общенаучные методы: анализ и синтез, моделирование, сравнительный и ситуационный анализ. В качестве инструментов стратегического анализа применяются PEST-анализ, SWOT-анализ, сценарное планирование, метод пяти сил Портера. Для оценки эффективности адаптации предлагается система ключевых показателей, включающая финансово-экономические показатели, показатели устойчивости бизнес-модели, адаптивности, цифровой зрелости и конкурентоспособности.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятия адаптации бизнес-модели как непрерывного стратегического процесса, а также в систематизации внешних и внутренних факторов, механизмов и инструментов адаптации. Научная новизна состоит в разработке комплексного механизма, объединяющего стратегическое управление, цифровую трансформацию, управление рисками и организационные изменения.

Практическая значимость определяется возможностью применения полученных результатов при разработке стратегий адаптации, проведении организационных изменений, внедрении цифровых технологий и повышении

устойчивости бизнеса. Предложенный подход может быть использован руководителями предприятий, аналитическими подразделениями и консультантами в области стратегического управления.

Проведённый анализ теоретических подходов показал, что существующие исследования адаптации бизнес-модели носят фрагментарный характер. Большинство авторов сосредоточены либо на стратегическом управлении, либо на цифровизации, либо на реструктуризации, что не позволяет сформировать единый, непрерывный процесс адаптации [2–4]. Предлагаемый теоретико-методический подход, основанный на интеграции внешних и внутренних факторов, стратегического управления, цифровой трансформации и управления рисками, призван устранить этот пробел [1, 5]. В дальнейших исследованиях планируется: провести эмпирический анализ факторов адаптации на примере конкретных предприятий; разработать и апробировать комплексный механизм адаптации, включая методику оценки его эффективности. Рекомендуется начинать внедрение предлагаемого подхода с организации системного мониторинга внешней среды и диагностики внутренних возможностей предприятия.

Список литературы

1. Адаптация бизнес-моделей российских предприятий в условиях санкционных ограничений / И. А. Максимцев [и др.] // Российское предпринимательство. 2023. Т. 24, № 2. С. 211–228.
2. Алексеев С. Б. Стратегическая адаптация предприятия к условиям внешней среды // Вестник университета. 2020. № 5. С. 23–29.
3. Романова И. Б., Козлова Е. А., Сидорова Т. А. Методы адаптации управления бизнесом в условиях цифровой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 4. С. 1567–1582.
4. Бурмистрова А. В. Адаптация организации в условиях трансформации экономики // Экономика и управление. 2021. № 3. С. 45–52.
5. Солёная О. С. Адаптация бизнес-модели коммерческих банков к изменениям внешней среды // Финансы и кредит. 2021. Т. 27, № 9. С. 2014–2030.

Научное издание

МОЛОДЕЖНАЯ НАУКА

*Сборник научных работ обучающихся
Сибирского университета потребительской кооперации
(СиБУПК)
по итогам 2025/26 учебного года*

Под ред. Э. А. Новосёловой

*Редакторы В. И. Дмитриева, Е. А. Федосеева, А. А. Филичева
Компьютерная верстка А. М. Бабушкина*

Подписано в печать 20.10.2026. Формат 60×84/ 16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Печ. л. 16. Уч.-изд. л. 14,88. Заказ № 36.

Типография Новосибирского государственного технического университета.
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.